

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА»

На правах рукописи

Кришталь Михаил Игоревич

**ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАЛИНИНГРАДСКОЙ
ОБЛАСТИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

Специальность 25.00.24 – Экономическая, социальная, политическая и
рекреационная география

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата географических наук

Научный руководитель:
кандидат географических наук, доцент
Зверев Юрий Михайлович

Калининград 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ.....	12
1.1. Теоретические подходы и факторы электорального поведения.....	12
1.2. Теоретические основы электоральной географии.....	25
1.3. Региональное измерение электорального пространства и понятие электоральной культуры.....	32
ГЛАВА 2. МЕТОДИКА АНАЛИЗА ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	40
2.1. Методика электорального анализа.....	40
2.2. Статистическая база.....	46
2.3. Расчёт дифференциации голосования.....	51
2.4. Выявление географических зависимостей электоральной поддержки.....	53
2.5. Картографирование особенностей электоральных предпочтений.....	56
ГЛАВА 3. ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	60
3.1. Дифференциация голосования в Калининградской области.....	60
3.2. Географические зависимости голосования в Калининградской области.....	65
3.3. Структурная динамика электорального пространства Калининградской области.....	71
3.4. Типы голосования в Калининградской области.....	76
3.5. Электоральная карта Калининградской области.....	78
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	112
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	114
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	126

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Изучение электоральных процессов регионального и федерального уровня в Российской Федерации привлекает повышенное внимание учёных самых различных направлений, включая учёных-географов. Динамика идейно-политических настроений населения России – один из центральных вопросов политического развития страны.

Анализ электорального пространства (устойчивых во временном и географическом аспектах электоральных явлений, сформировавшихся на определённой территории) России и её регионов позволяет выявить роль различных факторов, влияющих на его специфику. Тем самым становится возможным обнаружить экономические, социальные и идеологические контрасты между географическими районами, сделать выводы о социальном самочувствии проживающего в них населения, об их политических предпочтениях.

Научные исследования в области электоральной географии касательно Калининградской области как отдельного субъекта страны не проводились с 2002 г. Последняя типология электоральных районов Калининградской области [41] нуждается в корректировке по причине новейших перемен в политической и социально-экономической сферах. Поэтому возникает необходимость проведения анализа электорального пространства Калининградской области, создания актуальной типологии её электоральных районов и выявления факторов, формирующих их. Учитывая значительные изменения социально-экономических и политических реалий, методы и концепции, применяемые ранее, нуждаются в проверке и существенном обновлении.

Ликвидация пробела в изучении данной проблематики позволит с большей точностью исследовать многие научные вопросы, касающиеся Калининградской области: проблематику региональной идентичности, формирование электорального поведения избирателей, измерение социального самочувствия жителей муниципальных образований и многие другие.

Степень научной разработанности проблемы. Интерес к изучению электоральных пространств нашёл своё отражение в многочисленных исследованиях российских и зарубежных авторов.

Исследователи выявили различные факторы, влияющие на формирование электоральных предпочтений в России и российских регионах.

Ряд учёных (Е.М. Аврамова [4], Н.В. Зубаревич [42], А.М. Лавров [57], В.А. Мау, О.В. Кочеткова, К.Э. Яновский, С.В. Жаворонков и Ю.Е. Ломакина [66], Р.С. Мухаметов [70], О.О. Сенатова и А.В. Якурин [80], Р.Ф. Туровский [97], и др.) выделяют экономические факторы. По их мнению, экономическая специфика территориальных сообществ (уровень финансового благосостояния граждан, степень экономического развития районов и т. д.) оказывает решающее значение на процесс формирования географических размежеваний электоральных предпочтений.

Часть исследований посвящена поиску влияния социальных факторов на формирование электоральных предпочтений. В качестве основных социальных факторов исследователи выделяют уровень урбанизации (Н.В. Гришин [31; 32; 33], А.П. Жидкин [39], Н.В. Зубаревич [42], В.А. Колосов, Н.В. Петров и Л.В. Смирнягин [47], А.В. Кынев [54], А.М. Лавров [58], А.Н. Лузанов [61], А.С. Титков и Н.В. Петров [73], Р.Ф. Туровский [93; 97] и др.) и особенности этнического состава населения (М.Н. Губогло [35], А.В. Кынев [54], В.А. Тишков и В.В. Степанов [86] и др.). Калининградские учёные (В.Н. Абрамов [2; 3], Ю.М. Зверев [41]), исследовавшие электоральное пространство Калининградской области в период 1990-х – начала 2000-х гг., выделяют существенные различия между голосованием в сельской и городской местности.

Преимуществом данного исследования является то, что в ней максимально учтено влияние всех корректирующих факторов, характерных для муниципальных образований Калининградской области. А именно: социальных (уровень урбанизации, особенности социальной структуры населения и т. д.) и экономических (экономические характеристики муниципальных образований). В качестве географических факторов, влияющих на формирование электоральных

предпочтений, выделены: территориальная близость к областному центру, периферийность, особенности географического соседства и т. д.

Отличием данной работы от большинства электоральных исследований является подход к выбору показателей, необходимых для измерения влияния типов голосования в районах. Значительная часть российских исследователей (В.Л. Бабурин [10], Г.В. Голосов [24], Н.В. Гришин [31], Б.И. Макаренко [64], Р.С. Мухаметов [70], Н.В. Петров и А.С. Титков [73], Р.Ф. Туровский [89], К.Г. Холодковский [99], В.Л. Шейнис [105] и др.), включая калининградских (В.Н. Абрамов [2; 3], Ю.М. Зверев [41]), при выборе показателей учитывали идеологические контрасты участников выборов. Согласно этой методике участники выборов изначально разделяются по идеологическому принципу. Затем, исходя из уровня их поддержки в географических районах, делаются выводы о приверженности жителей к определённому типу голосования. Недостатком данной методики является то, что избиратели в своём выборе основываются зачастую не на идеологической составляющей, а на многих иных факторах (уровне узнаваемости политических сил, степени их влияния в политической системе, места в системе властных отношений и т. д.). Поэтому результаты подобных исследований приводят не всегда к объективным данным, на основе которых строятся впоследствии электоральные карты.

С целью недопущения таких неточностей в диссертации кластеризация участников выборов проведена в соответствии с общностями их электорального районирования.

Объект исследования – электоральное пространство Калининградской области.

Предмет исследования – специфика территориальной дифференциации электоральных предпочтений в Калининградской области на федеральных выборах 2003-2016 гг., рассматриваемая во взаимосвязи с экономико-географическими и социально-географическими характеристиками изучаемой территории.

Цель исследования – выявление специфики и закономерностей географии электоральных предпочтений жителей Калининградской области на федеральных выборах в системе социально-политических отношений.

Для достижения поставленной цели решены следующие **задачи**:

- Обобщить ключевые теоретические подходы электорального анализа с учётом специфики Калининградской области и её муниципальных образований (социальной, экономической, географической) и систематизировать факторы, влияющие на формирование дифференциации электоральных предпочтений.
- Усовершенствовать методику исследований в области электоральной географии на предмет изучения электорального пространства Калининградской области.
- Осуществить кластеризацию участников избирательных кампаний согласно схожести их электорального районирования.
- Разработать типологию голосования в Калининградской области.
- Построить актуальную электоральную карту Калининградской области с учётом выявленных факторов, влияющих на формирование электоральных предпочтений в её районах.

В качестве **теоретической и методической основы диссертации** послужили основные теоретические подходы, позволяющие предсказать массовое электоральное поведение и объяснить специфику географических размежеваний электоральных предпочтений: «социологический» (П. Лазарсфельд [123], С.-М. Липсет и С. Роккан [125]), «социально-психологический» (Л. Бадж [111], Д. Батлер и Д. Стоукс [112], Э. Кэмпбелл [113]), «рационально-инструментальный» и «экономический» (А. Даунс [115] и М. Фиорина [117]).

Благодаря анализу данных теоретических подходов, выявлены факторы, формирующие различные специфики электоральных предпочтений в муниципальных образованиях Калининградской области. Положения, отвечающие потребностям изучения электорального пространства Калининградской области, объединены в единый «комбинированный» подход. В рамках него выявлены взаимосвязи между присущими районам Калининградской

области признаками различного характера (социального, экономического, географического) и свойственной их жителям спецификой электоральных предпочтений. При этом учтены результаты исследований авторов, посвящённых социально-экономическому районированию Калининградской области (В.П. Жданов, В.И. Пустовгаров и Г.М. Фёдоров [38], Т.Ю. Кузнецова [53]).

В диссертации применяется распространённая в электоральных исследованиях модель «центр-периферия» [8; 31; 96], рассматривающая любой социальный процесс в его территориальной динамике, отслеживая возникновение и распространение новых явлений – инноваций. На этой основе создаётся представление о поляризации пространства, которая предполагает выделение генерирующих инновационных центров и периферий, осваивающих или отторгающих инновации [96]. Инновациями в реалиях электоральной географии России является поддержка на выборах политических сил, настроенных на изменение сложившихся в стране экономических или политических отношений. Такая электоральная специфика присуща центру. Для периферии характерен на выборах в российских регионах «периферийный консерватизм», обозначающий на практике поддержку доминирующей партии [31, с. 27]. Периферия не является однородной – подразделяется на ближнюю, которая попадает под влияние центра, и дальнюю, где сильнее всего проявляются консервативные тенденции [146]. Модель тесно связана с теорией расколов, которая выделяет конфликт, имеющий географическое выражение, между субъектом модернизации и доминирующей традиционной культурой [125].

В работе применены **методы исследования**: вычисление статистического коэффициента вариации, расчёт коэффициента линейной корреляции Пирсона, метод районирования и картографический метод.

Статистический метод коэффициента вариации позволил выявить различные уровни дифференциации голосования в Калининградской области. Полученные данные подтвердили наличие географической специфики голосования в Калининградской области, выражающейся в территориально различной поддержке одних и тех же участников голосования.

С помощью метода линейной корреляции Пирсона определена степень связи между рядами количественных данных (результатов голосования участников выборов в муниципальных образованиях Калининградской области). Высокий коэффициент корреляции (не менее 0,7) обозначает в исследовании общность электорального районирования. Низкий коэффициент (менее $-0,7$) – поляризацию электорального районирования. Применение метода корреляционного анализа в диссертации несколько расширено в сравнении с большинством российских исследований [31, с. 40], так как он проводится между результатами голосования как одной отдельной избирательной кампании, так и между результатами на различных выборах (президентских и парламентских).

На основании общности электорального районирования проведена кластеризация участников выборов. Электоральная поддержка участников от одного кластера рассматривается в работе как показатель проявления отдельного типа голосования. Исходя из уровней этих проявлений, проведено районирование Калининградской области и построена электоральная карта региона.

С помощью картографического метода обнаружены взаимосвязи между электоральным районированием и социально-экономической спецификой муниципальных образований Калининградской области.

Научная новизна диссертационной работы:

1. Выявлены географические зависимости электоральной поддержки участников выборов: общности (схожее электоральное районирование), расколы (противоположное электоральное районирование) и обособленности (обособленное электоральное районирование) в Калининградской области. Проведена кластеризация участников федеральных выборов по принципу схожего электорального районирования. Обнаружено, что между доминирующей партией (включая её представителей на президентских выборах) и участниками выборов со схожим электоральным районированием существует электоральный раскол в Калининградской области. Исходя из результатов голосования за них, установлены уровни влияния типов голосования (традиционалистского и модернистского).

2. Выделены географически компактные районы Калининградской области с устойчивой спецификой электоральных предпочтений и построена электоральная карта региона. Обозначено место электоральных районов в соответствии с моделью «центр-периферия».

3. Вычислена амплитуда вариации электоральной поддержки в муниципальных образованиях Калининградской области на федеральных выборах. Установлено, что электоральная поддержка участников выборов обладает различными уровнями дифференциации.

4. Определены основные факторы (социальные, экономические, географические и др.), оказывающие влияние на формирование районов с устойчивой электоральной спецификой в Калининградской области.

5. Проведён анализ структурной динамики электорального пространства Калининградской области. По его итогам выявлены стабильные и меняющиеся во времени электоральные районирования одних и тех же политических сил.

Практическая значимость исследования. Результаты диссертации могут быть использованы:

- для разработки и последующей реализации региональных стратегий избирательных кампаний в Калининградской области;
- для повышения методологической обоснованности и качества прогнозирования итогов федеральных, а также в определённой мере региональных выборов в Калининградской области;
- для создания географического атласа, посвящённого территориальным особенностям Калининградской области в образовательных целях.

Информационная база исследования: официальные документы Центральной избирательной комиссии РФ [100], данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области [37].

Апробация работы. Положения диссертации обсуждались на научно-практической конференции молодых учёных, специалистов и студентов: «Перспективы развития Калининградской области 2012», Калининград, 2012; IV Южно-Российском политологическом конвенте, Ростов-на-Дону, 2013; научно-практической конференции молодых учёных, специалистов и студентов: «Перспективы развития Калининградской области 2013», Калининград, 2013. V международной научно-практической конференции «Наука и образование: векторы развития, Чебоксары, 2017; международном научно-практическом семинаре студентов, магистрантов и аспирантов «География и геоэкология: российско-польский диалог», 2017.

По теме диссертации опубликовано 7 работ, включая 3 в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура и объём диссертационной работы: введение, три главы, заключение, список литературы и приложения. В *первой главе* задаются ключевые понятия исследования «*электоральное пространство*», «*электоральная культура*», «*территориальное сообщество*» и «*электоральный район*». Рассмотрены основные теоретические подходы («социологический», «социально-психологический», «рационально-инструментальный» и тесно связанный с ним «экономический»), позволяющие объяснить и предсказать массовое электоральное поведение. Выявлены их преимущества и недостатки для анализа электорального пространства Калининградской области. Сформирован «комбинированный» подход, объединяющий в себе преимущества каждого из подходов. Предложен новый подход к кластеризации участников выборов, не исходя из их общей идеологической составляющей, как принято в большинстве российских исследований, а с учётом общности их электорального районирования. Рассмотрена модель «центр-периферия» на предмет применимости для анализа электорального пространства Калининградской области. Предложено в рамках данной модели в качестве центра рассматривать электоральный район, с наиболее сильными модернистскими настроениями, а под периферией – район, где преобладает поддержка доминирующей партии. **Вторая**

глава посвящена разработке методики анализа электорального пространства Калининградской области, не применявшейся ранее. Рассмотрены основные методы, используемые в электоральных исследованиях, дана оценка их применимости для анализа электорального пространства Калининградской области. Задаётся новый подход к выбору данных для измерения уровня проявления типов голосования в районах. В работе показателями для измерения проявления типов голосования являются общие результаты голосования за участников выборов со схожим электоральным районированием. Ранее в исследованиях, посвящённых электоральному пространству Калининградской области [2; 3; 41], показателями выступали общие результаты голосования за участников выборов от одного идеологического спектра. Используются статистический коэффициент вариации для измерения дифференциации голосования и метод корреляционного анализа Пирсона для выявления географических зависимостей электоральной поддержки в Калининградской области. *Третья глава* содержит результаты анализа электорального пространства Калининградской области. В заключительной части главы создана электоральная карта Калининградской области с изображёнными на ней электоральными районами. В *заключении* сформулированы основные выводы диссертации, а также даны рекомендации по практическому использованию полученных результатов.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ

1.1. Теоретические подходы и факторы электорального поведения

Электоральная география рассматривает территориальную расстановку политических сил по итогам выборов. Одной из её основ является политическая психология, в частности одно из её базовых понятий – электоральное поведение. Оно представляет собой совокупность действий граждан, связанных с осуществлением местных или общенациональных выборов в органы власти, а также их участием в референдумах. Электоральное поведение может различаться по нескольким типам: протестное голосование, голосование «Против всех», конформистское голосование за партию или лидера, которого поддерживает большинство избирателей и т. п. Основными мотивами участия в выборах являются стремление людей оказать влияние на власть или продемонстрировать своё отношение к ней [94].

Существуют теоретические подходы, основанные на осмыслении практики свободных выборов, позволяющие объяснить и предсказать массовое электоральное поведение: «социологический» (П. Лазарсфельд [123], С.-М. Липсет и С. Роккан [125]), «социально-психологический» (Л. Бадж [111], Д. Батлер и Д. Стоукс [112], Э. Кэмпбелл [113]), «рационально-инструментальный» и «экономический» (А. Даунс [115] и М. Фиорина [117]). Они позволяют не только проанализировать электоральное поведение, но и интерпретировать географическую упорядоченность электоральных предпочтений.

Анализу этих теорий электорального поведения и возможности применения их при рассмотрении политических процессов, наблюдаемых в современной России, посвящено ряд работ (Г.В. Голосова [23], В.С. Комаровского [50], Е.Я. Сергеевой [81], В. А.П. Страхова [83], Ю.Д. Шевченко [103] и др.).

А.С. Ахременко [6] отмечает невысокую универсальность этих теорий и необходимость в интегрирующем подходе, способном соединить в единое целое их сильные стороны. В данном исследовании рассмотрена применимость теорий для анализа электорального пространства Калининградской области.

Основы «социологического» подхода к анализу электорального поведения были заложены в результате исследования, проведенного группой американских учёных под руководством П. Лазарсфелда [123]. Исследование показало, что при голосовании выбор избирателей определяется не сознательными политическими предпочтениями, а принадлежностью к большим социальным группам. Каждая подобная группа обеспечивает той или иной партии стабильную электоральную поддержку. Акт голосования оказывается не столько свободным политическим волеизъявлением, сколько проявлением солидарности индивида с группой.

В электоральной географии этот подход зачастую применяется при интерпретации специфики электорального районирования. Исследователи ищут географические совпадения между районами с устойчивой спецификой электоральных предпочтений и районами компактного проживания определённого социального класса или этноса. Так, британские исследователи В. Миллер [129; 130] и А. Ворде [139] выявили национально-конфессиональный фактор, влияющий на географию голосования. Согласно их исследованиям, в районах компактного проживания кельтоязычных граждан (главным образом валлийцев и шотландцев) поддержка консервативной партии находилась на минимальном уровне, голосование за лейбористов и либералов, а позднее за национально ориентированные партии было значительно выше. Данный фактор ярко проявился в голосовании на территории Северной Ирландии, где в районах с преимущественно протестантским населением голосуют за юнионистские партии, а в местах компактного проживания католиков – за партии сепаратистской направленности. В. Миллер также обнаружил разделение в географии голосования в среде рабочего класса во второй половине XX века. В менее урбанизированной южной части Великобритании, а также в районах, где преобладали рабочие, живущие в собственных домах, была стабильно высокая

электоральная поддержка консерваторов. В более урбанизированных северных районах Великобритании, где рабочие проживали в основном в муниципальном жилье, сильны были позиции лейбористов. Однако именно в Великобритании «социологический» подход в формировании электорального районирования к концу XX века перестал быть основополагающим. Одной из основных причин является выявленное социологами (И. Криу [114] и Р. Роуз [134]) падение «классового голосования».

В российских электоральных исследованиях в рамках этого подхода учитываются преимущественно урбанистический и этнический факторы голосования [31, с. 169-170].

Анализ влияния этнического фактора на формирование электоральных предпочтений представлен в исследованиях [1; 12], охватывающих региональный уровень [98; 101]. Данные исследования главным образом проводятся в национальных республиках России. Уделяется внимание электоральному размежеванию по этническому признаку и в работах [35], анализирующих голосование в масштабах всей страны [54; 86].

Этнический фактор не может оказывать влияние на специфику электорального пространства Калининградской области, из-за мононациональной структуры её населения. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г. [16] абсолютное большинство в Калининградской области составляют русские и этнически родственные им украинцы и белорусы (в совокупности более 90%).

В рамках «социологического» подхода в данном исследовании основополагающим корректирующим фактором, влияющим на формирование электорального пространства Калининградской области, является урбанистический фактор.

Особый интерес для формирования электоральной карты Калининградской области в рамках «социологического» подхода вызывает теория социальных расколов С.-М. Липсета и С. Роккана [125]. Они выделили четыре основных типа конфликтов (раскола), оказавших серьёзное воздействие на политическую жизнь

общества: между центром и периферией, государством и церковью, городом и селом, собственниками и рабочими. На основании этих контрастов формируются политические структуры со своим электоратом и в соответствии с ними устойчивые электоральные районы.

Г. Китчелт подкорректировал данную концепцию с учётом специфики посткоммунистических стран [122]. Он сформулировал гипотезу о том, что партийные системы европейских стран бывшего социалистического лагеря, каковой является и российская система, формируют два социальных раскола: лево-правый (социально-экономический) и авторитарно-либертарный. На основании их он составил типологию политических партий стран Центрально-Восточной Европы, и, опираясь на результаты голосования за них, проанализировал модели электорального поведения и электоральную географию этих государств [121].

В данной диссертации обнаружены географические расколы голосования на территории Калининградской области и выявлена взаимосвязь между устойчивой спецификой электоральных предпочтений в районах и их социально-экономической спецификой.

На примере контрастов географического и социально-экономического характера, существующих в Калининградской области, зафиксированы существенные различия между периферийными районами и областным центром. Также существуют электоральные различия между городской и сельской местностью, в основе которых лежит различная социальная структура населения муниципальных образований (прежде всего размер доли городского и сельского населения). Выявлено, что данные географические и социальные различия оказывают влияние на формирование электоральных предпочтений в муниципальных образованиях Калининградской области.

Изучение влияния социальных факторов на формирование электорального пространства России имеет длительную историю. Их влияние на исход выборов в России было обнаружено ещё в начале XX века. В период, когда избирались депутаты Государственной Думы разных созывов в Российской империи В.Г.

Громан [29], А.И. Скворцов [82] и Ф.А. Череванин (Липкин) [102] сформировали схожие политико-географические схемы европейской части Российской империи и социально-географические объяснения к ним.

Они выделяли географические расколы электоральных предпочтений между: нечернозёмной и чернозёмной частями, западом и востоком, севером и югом. В чернозёмной части современной России, где остро стоял земельный вопрос, крестьяне были наиболее радикально настроены, что проявлялось в голосовании за оппозиционные силы. Крестьяне, жившие также в чернозёмной зоне, но в губерниях Западного края (современные территории центральной и западной Украины и Беларуси), напротив, были нередко правее (что означало поддержку власти) землевладельцев. На подобную электоральную специфику влияли социальные, экономические и даже национально-культурные факторы, присущие этому географическому району. Крестьянство Западного края искало защиты царской власти от гнёта крупного польского дворянства и высокой конкуренции со стороны еврейского населения. Поэтому раскол между западом и востоком был во многом связан с этнической спецификой районов. В черте оседлости евреев (современная территория Беларуси и Украины) были сильны позиции правых и умеренных националистов, чья агитация зачастую была построена на антисемитизме. На востоке Европейской части России, где национальный вопрос не был первостепенным, подобной поддержки у них не было. В западных районах, где русский этнос был в меньшинстве (Польша, Прибалтика), высокая электоральная поддержка была у национальных партий. Особое влияние на электоральную специфику в Прибалтике оказывали остзейские немцы, занимавшие высокую социальную роль в регионе. Они активно поддерживали либерально-монархическую партию «октябристов», которая гарантировала им сохранение высокого социального статуса и не была националистической по своей идеологии. Раскол между севером и югом сопровождался различиями форм землевладения. На севере была развита форма буржуазного землевладения, представители которого поддерживали «октябристов», на юге в районах дворянского землевладения традиционной была

электоральная поддержка правых и умеренных националистов. Также этими авторами был выделен и географический раскол в голосовании между городом и деревней. Было выявлено, что партии кадетов и социал-демократов пользовались поддержкой преимущественно в городской местности. Опираясь на эти данные, А.С. Титков создал электоральные карты, отражающие специфику голосования на выборах депутатов Государственной думы Российской империи разных созывов [85].

После Октябрьской революции В.И. Ленин проанализировал результаты выборов в Учредительное собрание, отразив географическую специфику электоральных предпочтений [60]. Он разделил участников выборов на: партию пролетариата (большевики), партию мелкобуржуазной демократии (социалисты-революционеры, меньшевики и т. д.) и партию помещиков и буржуазии (кадеты и т. д.). Исходя из уровня электоральной поддержки этих партий, он выделил несколько районов. Поддержка большевиков была наиболее сильна в промышленно развитых центральных и северных районах Европейской части России, где была высокая доля рабочего класса. Голосование за эсеров было максимальным в аграрных районах (Поволжско-чернозёмный район, Украина и Сибирь), где преобладало крестьянство. Самый высокий уровень электоральной поддержки кадетов преобладал в северных районах страны. Таким образом, В.И. Ленин обнаружил электоральный раскол в России между городом и деревней, а также выявил взаимосвязь между социальной базой партий и их электоральным районированием.

В связи с исчезновением многопартийности и завершением практики альтернативных выборов в советский период исследования в области электоральной географии прекратились.

Вновь тему влияния социальных факторов на формирование электорального пространства подняли в 1989 г. в связи с выборами депутатов Съезда народных депутатов СССР. В.А. Колосов, Н.В. Петров и Л.В. Смирнягин. Они, анализируя результаты выборов, обнаружили, что «продемократический» субэлекторат концентрируется севернее 55-й параллели в более урбанизированной местности, а

«прокоммунистический» – южнее, где присутствует высокая доля сельского населения [47].

Фактор влияния электорального раскола между сельской и городской местностью России учитывается отечественными исследователями в самых различных концепциях.

А.П. Жидкин [39], изучив данные голосования в территориальных избирательных комиссиях, предварительно разделённых им на урбанизированные, смешанные и сельские, пришёл к выводу, что в сельской местности чаще голосуют за консервативные идеи, а в городской – за демократические ценности.

А.Н. Лузанов [61], рассчитав коэффициенты урбанизированности и электоральной поддержки, в целом пришёл к схожим выводам.

К таким заключениям при изучении электорального пространства России пришли Н.В. Петров и А.С. Титков [73], выделившие два типа электорального поведения: городской (прогрессивный) и сельский (консервативный).

А.М. Лавров [58], анализируя голосование в России 1995-1996 гг., отметил, что наибольшее влияние на политическую ориентацию электората оказывали доля городского населения и связанная с ней структура занятости. По его мнению, чем выше была в районе доля городского населения, занятость в непроемственной сфере и в промышленности, удельный вес лиц с высшим образованием, тем прочнее была электоральная база центристских и демократических сил. Левым силам, напротив, благоприятствовала высокая доля сельского населения, занятость в сельском хозяйстве, а также повышенная доля пенсионеров. «Национал-патриотические» силы (ЛДПР, В.В. Жириновский, А.И. Лебедь) занимали промежуточное положение. С одной стороны, на их пользу «работал» повышенный уровень городского населения. С другой – они, как и левые, пользовались расположением сельского населения и не имели успеха в регионах с повышенной занятостью в непроемственной сфере. Самый мощный статистический фактор для «патриотов» была доля русского населения. По этой

причине «национал-патриоты» не пользовались электоральной поддержкой в республиках.

Р.Ф. Туровский с помощью метода корреляционного анализа Пирсона выявил взаимосвязи между уровнем поддержки 2011 г. политических партий и процентной долей сельского населения [97, с. 117-118]. Согласно его исследованию, увеличение доли сельского населения в регионах России совпадает с увеличением голосования за доминирующую партию. Ранее исследователь обнаружил размежевание между политическими силами, исходя из специфики их электоральной поддержки, по принципу город-село [93].

Н.В. Зубаревич по итогам федеральных выборов 2011 г. выделила специфику электоральных предпочтений, характерную для сельской местности, которая выражается в повышенной поддержке на выборах сил, представляющих действующую власть [42, с. 147-148].

Н.В. Гришин, исследуя электоральные предпочтения жителей Южного федерального округа, выявил, что в сельской местности сильнее позиции партии «Единая Россия», а в городской – партии «Яблоко» [31].

А.В. Кынев в качестве причин, по которым жителям сельской местности свойственен конформизм на выборах, выделил минимальную степень развития информационных технологий, отсутствие конкуренции среди средств массовой информации, как таковое отсутствие сферы досуга и низкий уровень образованности населения [54]. Существует мнение, что подобная специфика электоральных предпочтений в сельской местности связана с административным давлением [31, с. 25].

В целом все исследователи сходятся во мнении, что сельским районам в 1990-х гг. была свойственна поддержка политических сил консервативного толка (КПРФ и ЛДПР), а, начиная примерно с 2003 г., высокий уровень поддержки доминирующей партии и её представителей.

В работах, посвящённых электоральной географии Калининградской области (исследования В.Н. Абрамова [2; 3] и Ю.М. Зверева [41]), датируемых периодом 1990-х – начала 2000-х гг., также выделялись электоральные различия в

сельских и урбанизированных районах области. В первых наибольшей поддержкой пользовались ЛДПР и КПРФ, во вторых – либерально-демократические силы, что повторяет сформировавшийся на тот момент в России тренд.

Электоральные размежевания по социальному принципу в России с несколько иной точки зрения отмечал М. Макфол. Он обнаружил [128, с. 10] контраст в 1990-е гг. между электоратом СПС, состоящего главным образом из более молодых и финансово состоятельных жителей городов, и электоратом КПРФ.

И.В. Охременко [71, с. 45] выделяет объективные и субъективные факторы, влияющие на электоральный выбор, среди которых важная роль уделена социальным факторам. В качестве объективных факторов, по её мнению, выступают возраст, социальное происхождение, статус, образование. В качестве субъективных индивидуальные психологические качества избирателя, его воспитание, культура, воздействие СМИ, специфика влияния политических организаций.

Э. Кэмпбелл предложил трактовку поведения избирателей, получившую название «социально-психологического подхода» [113]. В рамках него объектом, с которым солидаризируются избиратели, выступает не большая социальная группа, а партия. Согласно представлениям сторонников «социально-психологического подхода» [111; 112], склонность к поддержке определенной партии вырабатывается у индивида в процессе ранней социализации. Поэтому человек часто голосует за партию, за которую голосовали его отец, дед или даже более отдаленные предки. Подобный «выбор» партии, определяемый как «партийная идентификация», является важной индивидуальной ценностью, отказаться от которой непросто, даже когда этого требуют реальные интересы. Согласно этому подходу существуют районы с устойчивой спецификой электоральных предпочтений, сложившейся за многие годы избирательных кампаний.

«Социально-психологический» подход успешно применялся при изучении электорального поведения в Западной Европе [111]. Однако в Российской Федерации отсутствует длительная традиция альтернативных выборов, характерная для западных стран. Институт политических партий не стал устойчивым с момента распада СССР. Лишь три партии (ЛДПР, КПРФ и «Яблоко») приняли участие во всех парламентских выборах федерального уровня с 1993 по 2016 г., и только ЛДПР выдвинула своих кандидатов на всех президентских выборах с 1996 по 2012 г. Даже в 1990-е гг., когда существовал определённый баланс сил между партиями, политическая идентификация населения не сформировалась [68]. Предпосылки к появлению такой идентификации могут возникнуть в России спустя несколько десятилетий при обязательном условии существования в этот период института демократических выборов.

Слабая политическая идентификация свойственна и другим посткоммунистическим странам, где приверженность представителей тех или иных социально-демографических групп к конкретным партиям ослабевает [127; 137].

В данном исследовании этот подход применён при анализе электорального пространства Калининградской области в несколько ином формате. В рамках него рассмотрены электоральные предпочтения жителей Калининградской области не через призму их солидаризации с определёнными партиями, а с учётом их склонности к определённой специфике электоральных предпочтений. В работе выделены четыре электоральных района Калининградской области («приморский», «сельский центр», «центральные территории» и «периферия»), в которых сформировались довольно устойчивые специфики электоральных предпочтений.

В странах бывшего социалистического лагеря было выявлено, что существенное влияние на формирование электоральных предпочтений может оказывать состояние экономики [69]. Поэтому уместным при интерпретации специфики электорального пространства является «рационально-

инструментальный» подход, а также тесно связанный с ним «экономический» подход. Первый толчок к разработке концепции дала классическая работа Э. Даунса [115].

Основное положение концепции состоит в том, что «каждый гражданин голосует за ту партию, которая, как он полагает, предоставит ему больше выгод, чем любая другая» [9; 124; 136].

Если обратиться к научному опыту современной Европы, то там фиксируется электоральный раскол между так называемыми «победителями модернизации» (слоями населения, выигравшими в результате экономических реформ) и «лузерами модернизации» (социальными классами, пострадавшими из-за преобразований в экономике) [126]. В районах, где распространены последние, широка поддержка правых радикалов и евроскептиков, выступающих за протекционизм, ограничение миграции и антиглобализм. Среди таких политических сил можно выделить партию «Право и справедливость» в Польше, чья электоральная база находится в менее экономически развитых районах востока страны, и венгерскую партию «Йоббик», пользующуюся наибольшей поддержкой на выборах в экономически депрессивном востоке страны.

В России, особенно в 1990-е гг., как показывали социологические исследования [59] существовал раскол в обществе между теми, кто позитивно оценивал экономические реформы, начавшиеся в 1992 г., и теми, кто оценивал их резко отрицательно. В итоге в 1990-е гг. данный раскол трансформировался в электоральный. Его проявлением в электоральной географии России стало появление «красного пояса» (группы регионов, наиболее сильно экономически пострадавших в результате реформ 1990-х гг., с устойчивой поддержкой КПРФ на выборах) [49; 95].

То, что экономический фактор оказывает влияние на исход избирательных кампаний в России, было определено на первых выборах в Госдуму в 1993 и 1995 гг. Недовольство значительной части населения России экономической политикой правительства страны вылилось в победы на выборах ЛДПР в 1993 г. и КПРФ в 1995 г. [104, с. 231].

Е.Ю. Мелешкина, опираясь на данные социологических опросов, выявила, что на парламентских выборах 1993-1995 гг. партии, придерживавшиеся реформаторского курса, пользовались поддержкой более молодых, образованных и обеспеченных избирателей. Старшее поколение, социально менее защищённые слои населения поддерживали партии, выступавшие против правительственного курса преобразований [67, с. 186].

Однако ряд учёных (С. Уайт, Р. Роуз и Й. Макалистер [140]) выражали скепсис относительно устойчивости электорального раскола в России согласно социально-экономическому принципу. По их мнению, скромные успехи рыночной экономики в России подрывают формирование социально-экономических расколов.

Экономический подход довольно активно применяется в российских исследованиях в области электоральной географии. Работа О.О. Сенатовой и А.В. Якурина по выявлению корреляций между уровнями дотационности регионов и результатами губернаторских выборов была одной из первой в данном направлении [80]. А.М. Лавров, анализируя парламентские выборы 1993 г., пришёл к выводу, что в более индустриально развитых районах высокой поддержкой избирателей пользовались партии «Выбор России», «Яблоко» и ЛДПР [57]. «Пролетарская» по своей природе КПРФ, напротив, набрала больше голосов в районах, где жители заняты сельским хозяйством. Также автор обнаружил взаимосвязь между уровнем жизни и электоральным поведением: регионы с высокой долей бедного населения активно поддерживали левые партии.

В.А. Мау, О.В. Кочеткова, К.Э. Яновский, С.В. Жаворонков и Ю.Е. Ломакина выявили, что на президентских выборах 2000 г. существовал существенный экономический контраст между электоратами В.В. Путина и Г.А. Зюганова [66]. Люди, материальное состояние семей которых оценивалось ими как нормальное, значительно чаще поддерживали В.В. Путина, чем кандидата от КПРФ.

Е.М. Авраамова, изучая электоральное поведение среднего класса России, подчеркнула, что для этой части общества первостепенное значение имеет стабильность и преемственность власти. Поэтому на выборах в Госдуму 1996 г., по её мнению, средний класс поддержал представляющую власть партию «Наш дом – Россия» [4].

Таким образом, в 1990-е годы электоральная специфика районов, население которых было финансово более обеспеченным, характеризовалось поддержкой сил, представляющих власть, а также партий и политиков, выступавших за реформы. В депрессивных районах в этот период поддерживали на выборах оппозицию.

С началом 2000-х гг. ситуация в электоральной географии России изменилась. По мнению Р.Ф. Туровского [97], экономические показатели стали играть второстепенную роль при формировании электоральных предпочтений или перестали влиять на них совсем. Используя метод корреляционного анализа Пирсона, он обнаружил, что голосование за «Единую Россию» в экономически депрессивных районах выше, чем в более развитых. Этот факт опровергает теорию подхода, согласно которой избиратели поддерживают власть, при которой его экономическое положение повышается.

Рассмотрев основные теоретические подходы, объясняющие массовое электоральное поведение, сформулированы выводы об их применимости для анализа электорального пространства Калининградской области (табл. 1). В исследовании сформирован «комбинированный» подход, объединяющий преимущества данных подходов.

Таблица 1.1 – Применимость теоретических подходов электорального поведения для анализа электорального пространства Калининградской области

Теоретические подходы	«Социологический»	«Социально-психологический»	«Рационально-инструментальный» и «экономический»
Недостатки:	<ul style="list-style-type: none"> Социальная структура населения Калининградской области не обладает высокой устойчивостью. В Калининградской области не сложился многочисленный средний класс, который, по мнению учёных [30; 108; 110], вызывает наиболее явный спрос на демократические институты. 	<ul style="list-style-type: none"> Отсутствие продолжительной традиции конкурентных выборов в стране. Слабая партийная идентификация жителей России [68]. 	Социально-экономическая статистика не способна отразить весь комплекс существующих социально-экономических проблем.
Применимость:	Существующие в регионе контрасты между городской и сельской местностью, центром и периферией послужили интерпретацией различий в специфике электоральных предпочтений в разных районах Калининградской области.	При анализе типов голосования в Калининградской области выявлены районы региона с наиболее устоявшейся спецификой электоральных предпочтений.	При интерпретации специфики электоральных предпочтений в муниципальных образованиях Калининградской области учтены социально-экономические особенности.

Составлено автором

1.2. Теоретические основы электоральной географии

Согласно точке зрения, изложенной в работе Ф.М. Бурлацкого и А.А. Галкина [15], изучением пространственного аспекта электорального поведения в первую очередь занимается особый раздел политической географии – электоральная география, возникшая как самостоятельная дисциплина во Франции благодаря А. Зигфриду. Французский учёный выявил взаимосвязь между природными особенностями и результатами голосования в западной части

страны. Он исходил из того, что формирование политических взглядов населения, лежащих в основе электорального поведения, обусловлено множеством факторов. Среди них он выделял особенности исторического, административного и социально-политического формирования страны, социальную структуру, религиозные предпочтения, влияние внешней среды, а также способность исследуемого объекта противостоять подобным явлениям. Исследуя поведение избирателей во Франции в период Третьей республики, он попытался объяснить, почему характер политических взглядов в различных регионах остаётся постоянным, несмотря на нестабильные и часто меняющиеся структуры партий и партийных систем.

Новозеландский географ А. Макфэйл [91, с. 161-162] выделил три основных направления в электоральной географии:

– **География голосования**, заключающаяся в сравнении результатов голосования по регионам, построении карт и совокупном анализе. Углублённая интерпретация географии голосования была предложена П. Тэйлором и Р. Джонстоном [138] на основе работ С. Роккана [125; 133]. Авторы представили исследование выборов как аналитическую операцию, имеющую несколько стадий. На первом этапе проводилось исследование базовых социально-политических конфликтов в изучаемом обществе. На втором, сложившаяся в нём партийная система была подвергнута анализу как отражение этих конфликтов. На третьем этапе изучались социокультурные и территориальные расколы, которые проявились в процессе голосования и имели географическое выражение. Эту модель электорально-географического исследования называют моделью расколов, поскольку она построена на поиске противостоящих друг другу территориальных групп с противоположными типами электорального поведения.

Исследование географических факторов, влияющих на голосование. Такими факторами являются: эффект друзей и соседей, эффект соседства, эффект избирательной кампании и проблемное голосование. Эффект друзей и соседей связывает голосование за партии или политиков с их территориальным происхождением. Фактор связан с тем, что избиратели склонны голосовать за

своих земляков. Эффект соседства предполагает консолидацию территориального сообщества. Имеется в виду кластеризация как объединение различных социокультурных групп на выборах под влиянием соседских связей. Эффект избирательной кампании связывает итоги выборов с имевшим место на них распределением ресурсов. Там, где кампания оказывается более активной, получается больший процент голосов. Этот фактор интерпретируется как организационный, поскольку он связан с организацией кампании и стратегией участника выборов. Проблемное голосование близко к социокультурному измерению. Смысл этого фактора заключается в том, что партия получает больше голосов там, где её предвыборная программа нашла больший отклик у избирателей, совпала с их политическими требованиями. Восприятие тех или иных проблем соотносится с социальным составом населения [94].

– **География представительства**, в рамках которой исследуется представленность территорий в органах управления, достигающаяся посредством выборов. География представительства раскрывает, какие территории и в каких масштабах представлены в парламенте, какую территорию представляет избранный глава государства (региона). Введение понятия «география представительства» позволило связать электоральную географию с теорией систем. Теория политических систем была предложена Д. Истоном [116] и применена в электоральной географии Р. Джонстоном и П. Тэйлором [138]. Согласно теории Д. Истона [116], политическая система функционирует по линейной схеме «вход – конверсия – выход». По мнению П. Тэйлора и Р. Джонстона [138], география голосований и исследование географических факторов голосований находятся на входе в электоральную систему. Конверсия связывается с географией представительства.

С учётом направления «география голосования» в исследовании выявлены расколы электорального пространства Калининградской области: «город-село» и «центр-периферия». Эти расколы наряду с расколом «Север-Юг» являются характерными для всего российского электорального пространства [91].

В рамках второго направления выявлено влияние географических факторов на специфику электорального пространства Калининградской области: эффекта друзей и соседей, эффекта соседства, эффекта избирательной кампании, фактора проблемного голосования. Данные факторы определяются логическим путем, но их действие доказывается на конкретных примерах [94].

Эффект друзей и соседей связывает голосование за партии или кандидатов в Президенты РФ с их территориальным происхождением, связан с тем, что избиратели склонны голосовать за своих земляков [94]. Эффект обладает искажающим воздействием при анализе электорального пространства Калининградской области. Пример такого искажения – результаты выборов губернатора Калининградской области 2015 г. в Гусевском городском округе. Победитель и одновременно уроженец этого муниципального образования Н.Н. Цуканов набрал в нём максимальный процент голосов по Калининградской области [100]. При этом на выборах федерального уровня в Гусевском городском округе подобной специфики электоральных предпочтений никогда не было. Чтобы предотвратить подобные искажения в исследовании используются данные только федеральных выборов.

Эффект соседства предполагает консолидацию территориального сообщества. Имеется в виду кластеризация как объединение различных социокультурных групп на выборах под влиянием соседских связей [94]. Под влиянием этого эффекта муниципальные образования Калининградской области формируют географически компактные электоральные районы. В работе выделены четыре электоральных района, которые состоят из географически прилегающих друг к другу муниципальных образований. Выбрав Калининградскую область для анализа электорального пространства, удалось избавиться от эффекта соседства на региональном уровне. Из-за эксклавного положения Калининградской области другие субъекты России не оказывают влияние на электоральные предпочтения её жителей.

Эффект избирательной кампании связывает итоги выборов с имевшим место на них распределением ресурсов. Там, где кампания оказывается более

активной, получается большой процент голосов. Этот эффект можно интерпретировать как организационный фактор, поскольку он напрямую связан с организацией кампании и предвыборной стратегией [94]. Этот эффект влияет на степень дифференциации электоральной поддержки участников выборов. Доминирующая партия и её представители, обладающие большими ресурсными возможностями, ведут эффективную избирательную кампанию на территории всей Калининградской области. Поэтому голосование за них, как выявлено в исследовании, отличается самым низким уровнем территориальной дифференциации. Противоположная ситуация в случае с политическими силами, не обладающими широкими ресурсами и слаженной структурой для успешной политической агитации (в разные годы СПС, «Яблоко», «Патриоты России», Партия Роста и т. д.). Их электоральная поддержка в Калининградской области отличается наиболее высоким уровнем территориальной дифференциации.

Проблемное голосование близко к социокультурному измерению. Смысл этого фактора заключается в том, что партия получает больше голосов там, где её предвыборная программа нашла больший отклик у избирателей, совпала с их политическими требованиями. Восприятие тех или иных проблем соотносится с социальным составом населения [94]. В Калининградской области примером такого проблемного голосования является более высокая электоральная поддержка Аграрной партии России в сельских районах. Это связано с тем, что партия в своих избирательных кампаниях делала акцент на актуальности решения проблем именно сельских жителей.

Направление «география представительства» не представлено в данном исследовании, так как для анализа электорального пространства Калининградской области используются результаты федеральных выборов с целью предотвращения влияния на него эффекта друзей и соседей.

Очень распространённой в исследованиях в области электоральной географии является модель «центр-периферия» [8; 31; 96].

Эта модель рассматривает любой социальный процесс в его территориальной динамике, отслеживая возникновение и распространение новых

явлений – инноваций. На этой основе создаётся представление о поляризации пространства, которая предполагает выделение генерирующих инновационных центров и периферий, осваивающих или отторгающих инновации [96, с. 203].

С. Роккан предлагает для понятия «центр» следующее определение: «это привилегированный пункт территории, в котором наиболее часто встречаются друг с другом обладатели ключевых военных/административных, экономических и культурных ресурсов; в котором имеются специально установленные места для обсуждений, переговоров и принятия решений; где люди собираются для ритуальных церемоний подтверждения своей идентичности; где имеются памятники, символизирующие эту идентичность; где присутствует самая большая доля экономически активного населения, занятого обработкой и передачей на дальние расстояния сообщений и инструкций» [77, с. 120].

Развивая данную модель, Р.Ф. Туровский предложил критерии, присущие центру с учётом российских реалий: наличие административного статуса, наиболее высокий уровень социально-экономического развития и высокая интенсивность коммуникационных связей [96].

Для периферии в соответствии с теоретическими положениями рассматриваемой модели характерен низкий уровень социально-экономического развития.

При анализе электоральной специфики в модели «центр-периферия» под центром понимается область возникновения или раннего распространения инноваций (в том числе поддержки соответствующих политических сил). Периферия рассматривается как область сохранения консервативных тенденций. В связи с этим в рамках данной теоретической модели используется понятие «периферийный консерватизм» [31, с. 27].

Периферия не является однородной, она разделяется на ближнюю (полупериферию), которая попадает под влияние центра, и дальнюю, которая существует сама по себе [118].

Специфика модели «центр-периферия» в электоральной географии государств обладает различными признаками. Р.Ф. Туровский [96] выделил

несколько геоэлекторальных моделей типа «центр-периферия»: американская (периферия голосует за республиканцев, инновационные центры – за демократов), бельгийская (повышенная поддержка либералов в инновационных центрах), австрийская (поддержка в инновационных центрах левых партий и голосование периферии за консерваторов) и т. д.

В России и её регионах периферия на выборах характеризуется повышенной поддержкой доминирующей партии, а центр – более активным голосованием за либералов, «новых левых» (партии «Родина», «Справедливая Россия»), кандидата «Против всех» и меньшим уровнем поддержки доминирующей партии [31, с. 30].

В рамках рассматриваемой модели выделяются две электоральные специфики [83, с. 92]:

– Традиционалистская, ориентированная на сохранение традиционных для сообщества ценностей и устоявшихся отношений. Данная специфика свойственна периферии и выражается поддержкой на выборах доминирующей партии. Избирателей отличают консерватизм и коллективистское сознание.

– Модернистская, поддерживающая изменения в старых общественных связях и утверждение новой системы ценностей и норм поведения. Её более высокий уровень проявления присущ центру. Характеризуется поддержкой сил, альтернативных действующей власти. Избирателям свойственны индивидуалистическая мораль, отрицание традиций и приверженность комплексу либеральных ценностей.

Для электорального пространства России социокультурное размежевание, обладающее географической спецификой, между районами, которым присуща традиционалистская культура голосования, и районами, где сильны модернистские настроения на выборах, существует с 1990-х гг. [52, с. 108].

Н.В. Зубаревич [42] по итогам выборов в Государственную Думу 2011 г. выделила четыре типа географических районов, для которых свойственна своя специфика электорального поведения. Эта типология может рассматриваться сквозь призму концепции «центр-периферия» и выглядит следующим образом:

- Дотационные национальные республики, отличающиеся крайне высоким уровнем конформизма.
- Сельская местность, характерной чертой которой также является высокий (хотя и в меньшей мере) уровень конформизма.
- Промышленные города, электоральное поведение жителей которых целиком зависит от экономической ситуации в стране.
- Крупные города с высокой долей креативного класса, который традиционно в России является проводником протестных настроений.

Дотационные национальные республики и сельскую местность согласно модели «центр-периферия» подходят под определение периферии, а крупные города с высокой долей креативного класса соответствуют характеристикам центра.

Основные электоральные тенденции в Калининградской области с учётом социально-экономических факторов вписываются в рамки модели «центр-периферия». Выделено четыре электоральных района, по одному из которых относятся к центру и периферии, оставшиеся два – к полупериферии, занимающей промежуточное между ними положение.

В диссертации выявлено, что, несмотря на существенные изменения в политической системе России, произошедшие в начале 2000-х гг., в Калининградской области электоральное разделение на традиционалистские (периферия) и модернистские (центр) районы, которое существовало с 1990-х гг. [2; 3; 41], сохранилось и практически не изменилось географически.

1.3. Региональное измерение электорального пространства и понятие электоральной культуры

Отправной точкой для исследований регионального и внутрирегионального измерения электорального процесса является уточнение понятия «электоральное пространство». При его использовании в исследовании подразумевалась

пространственно-временная составляющая. В российских исследованиях под электоральным пространством нередко подразумевают конфигурацию политических сил в связи с определёнными выборами [94].

Значительное количество исследований в области электоральной географии в России посвящено анализу результатов какой-либо отдельно взятой избирательной кампании или иногда двух кампаний, шедших подряд друг за другом. Выделены работы с подобной спецификой следующих авторов: А.Б. Зубов и В.А. Колосов (1993 г.) [43], В.И. Брутер (1993 г.) [13], Р.Ф. Туровский и В.А. Колосов (1993 г.) [48], В.А. Колосов (1995 г.) [45], А.Ю. Бузин (1995 г.) [14], Р.Ф. Туровский (1995 г. [87], 1999 [90], 2000 [93], 2011 гг. [97]), В.Я. Гельман (1999-2000 гг.) [18], В.Л. Бабурин [10] А.С. Титков и Н.В. Петров (2004 г.) [74], Ю.Г. Коргунюк (2007-2008 гг.) [51] и др.

Выявленная в таких работах конфигурация электоральных предпочтений представляет собой структуру, в которой отсутствует пространственная и временная составляющая, нет атрибута протяжённости. Целесообразно использовать понятие «электоральное пространство» в географическом смысле, не отрывая его от постоянно меняющейся политической и экономической ситуации [94]. Исследования, опирающиеся на итоги одной-двух избирательных кампаний, не способны дать качественный прогноз для последующих кампаний по причине узости статистической базы и хронологических рамок [11].

Кроме узкой выборочной совокупности и сжатого временного ряда исследований недостатком большинства работ, ограничивающихся одной-двумя избирательными кампаниями, является то, что президентские и парламентские выборы анализируются в отрыве друг от друга. При этом целостность электорального пространства на выборах в Госдуму и главы государства является важным признаком устоявшейся специфики электорального поведения.

В связи с этим генеральная совокупность данного исследования включает в себя семь случаев федеральных выборов в Калининградской области (президентских и парламентских), что позволило добиться наиболее объективных результатов.

Под «электоральным пространством» в исследовании понимаются устойчивые во временном и географическом аспектах электоральные явления, сформировавшиеся на определённой территории. Такими электоральными явлениями главным образом являются повышенные уровни голосования за отдельных участников выборов или за группы участников. В случаях, когда проявлением электоральной специфики является голосование за группы участников, их результаты суммируются. На основании полученных данных на карту наносятся ареалы распространения электорального явления. Поэтому от подхода к кластеризации участников избирательных кампаний зависит последующая объективность полученных выводов и построенной электоральной карты.

Неподходящей для анализа электорального пространства является кластеризация политических сил, построенная исключительно по идеологическому признаку. Данного подхода к формированию типологии политических сил придерживается значительная часть российских [64; 71; 89; 99], включая калининградских [2; 3; 41], исследователей [10; 24; 47; 105]. В этих работах учёные [31; 52; 70] разделяют мнение о четырёхсекторной (иногда пятисекторной) идеологической типологии российских партий [73; 89].

Типичная типология при изучении электорального районирования выглядит следующим образом:

- Левые: КПРФ, Аграрная партия России и др.
- Либералы (правые): СПС, «Яблоко» и др.
- Националисты (национал-патриоты, национал-популисты): ЛДПР, «Родина», «Конгресс русских общин» и др.
- «Партии власти»: «Единая Россия», «Единство», «Наш дом – Россия», и др.
- В ряде случаев [46] выделялись центристы: «Отечество – вся Россия», «Партия российского единства и согласия», «Народная партия России» и др.

В 1990-е гг. было популярно упрощенное деление электората на лояльно-демократический и радикально-традиционалистский [31, с. 36]. Такую модель в

1996 г. представили В.А. Колосов и Р.Ф. Туровский. В соответствии с ней к радикально-традиционалистскому электорату относились как левые, так и сторонники В.В. Жириновского, к многослойному лояльно-демократическому электорату – реформаторский и центристский электорат [49]. Поэтому в 1990-е гг. регионы зачастую разделялись [74; 92] главным образом на лояльные (реформаторские) и консервативные. С 2003 г. после появления доминирующей партии («Единая Россия») регионы согласно сложившейся в них специфике электоральных предпочтений разделялись по уровню конформистских настроений [42].

Существуют и иные типологии [31, с. 36-37], но все они составлены по идеологическому принципу. В этих случаях не учитывается, что избиратели в своём выборе основываются не только на идеологическом факторе. Исследования, использующие такой подход к кластеризации участников выборов, основываются в результате не всегда на объективных данных. Это приводит к искажениям электоральной карты.

Данное исследование придерживается иного подхода (разработанного автором) к кластеризации участников выборов и к выбору показателей для измерения проявления типов голосования (рис. 1). Кластеризация участников выборов основана на общности их электорального районирования.

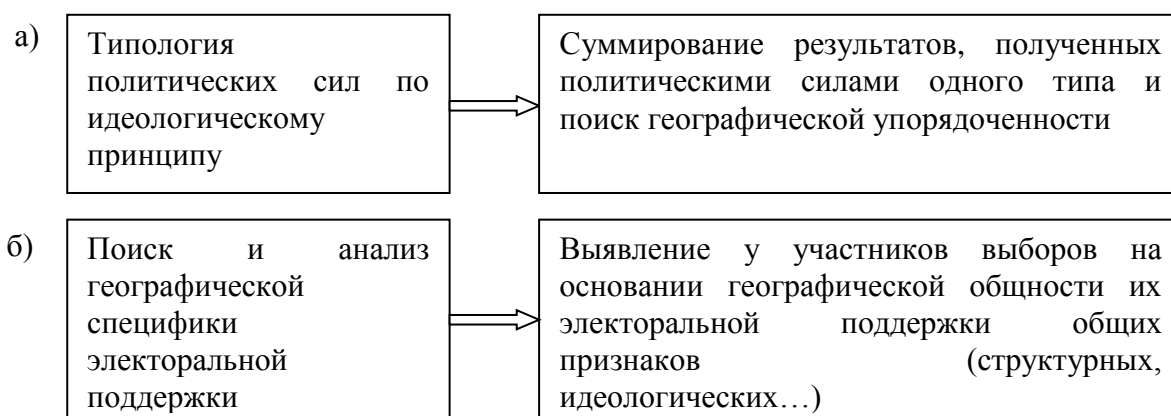

Рисунок 1.1 – методика выявления электоральной специфики, традиционно представленная в российских исследованиях (а), и методика, использованная в данном исследовании (б)

Составлено автором

Полученные результаты (случаи схожего электорального районирования) интерпретируются: выявлены общие признаки политических сил от каждого кластера, затем выделены типы голосования.

Главным элементом электорального пространства являются территориальные сообщества. Под ними понимаются участники электорального процесса, населяющие территорию с определенными границами. Каждое территориальное сообщество определённым образом позиционировано в системе координат электорального пространства, как в районном, так и в социокультурном измерении [94].

Существует таксономия территориальных сообществ, определяемая в зависимости от используемого автором правила генерализации. В большинстве исследований таксономия привязана к административно-территориальному делению [94], так как это позволяет избежать эффекта джерримендеринга (произвольной демаркации избирательных округов с целью искусственного изменения соотношения политических сил в них). В данном исследовании таксономия привязана к административно-территориальному делению Калининградской области.

Электоральная культура – понятие более узкое в сравнении с распространенным в политологии понятием «политическая культура». Оно обозначает особенности политической культуры, а также политического поведения и политического участия избирателей, проявленные в процессе избирательных кампаний [94]. В рамках используемой в исследовании модели «центр-периферия» выделены два типа электоральной культуры в Калининградской области:

– Модернистская (голосование за оппозиционные силы различных идеологических спектров), наиболее сильно проявляется в региональном центре и географически прилегающих к нему урбанизированных муниципальных образованиях.

– Традиционалистская (поддержка доминирующей партии, представляющей действующую власть), уровень которой наиболее высок на периферии Калининградской области. Исследователи в качестве обозначения подобной электоральной культуры используют термин «периферийный консерватизм», обозначающий стремление к сохранению сложившегося в политической системе порядка вещей [31, с. 27].

Муниципальные образования, объединённые схожими электоральными явлениями, образуют районы. Важным результатом исследования стало определение электоральных районов. Под ним в диссертации понимается неформальный географический регион, включающий в себя муниципальные образования со схожей электоральной культурой, устоявшейся с течением времени [94].

Опираясь на опыт различных исследований, диссертация включает в себя следующие элементы, не встречающиеся или редко встречающиеся в работах, посвящённых анализу электорального пространства:

– Исследование охватывает семь электоральных кампаний, что позволило проследить трансформацию электорального районирования, устойчивость или нестабильность электоральных явлений. Анализируемое электоральное пространство по этой причине обладает временной и пространственной составляющей. Лонгитюдный характер настоящего исследования является преимуществом в сравнении с большинством работ, посвящённых анализу электоральных пространств, среди которых преобладают ситуационные в рамках не более одного-двух электоральных циклов [31, с. 11].

– В работе в тесной взаимосвязи учтена специфика различных федеральных выборов (президентских и парламентских). В итоге сформирована электоральная карта Калининградской области. Выявлены общие и отличительные признаки географической специфики электоральных предпочтений на парламентских и президентских выборах федерального уровня.

– Используется новый подход к кластеризации участников выборов, согласно принципу схожести их электорального районирования. Суммированные результаты голосования за участников от одного кластера являются показателями для измерения уровней голосования различных типов. Данные показатели являются более объективными, чем отобранные по идеологическому принципу, так как они отражают более точное отношение избирателей к участникам выборов.

По итогам первой главы сделаны следующие **выводы**:

– Основные теоретические подходы, осмысливающие электоральное поведение избирателей, обладают рядом преимуществ и недостатков для анализа электорального пространства Калининградской области. В работе используется «комбинированный» подход, объединяющий преимущества всех теоретических подходов. Выделены факторы, влияющие на электоральную специфику муниципальных образований: социальные (уровень урбанизации, специфика социальной структуры населения и т. д.), социально-психологические (устойчивая приверженность в течение продолжительного времени к определённым типам голосования) и экономические (уровень экономического развития муниципальных образований). Отдельным фактором, влияющим на формирование политических предпочтений жителей, выделены географические особенности муниципальных образований (главным образом территориальная близость к областному центру, периферийность). Поэтому в исследовании применены распространённые в электоральных исследованиях модель «центр-периферия» и теория расколов, предполагающие существование электорального раскола между центром и периферией.

– Существует ряд географических факторов, оказывающих влияние на формирование электорального пространства Калининградской области. Эффект соседства создаёт условия для того, чтобы в Калининградской области формировались географически компактные электоральные районы. Эффект друзей и соседей, связывающий голосование за партии или политиков с их территориальным происхождением, оказывает искажающее воздействие на

электоральную специфику, так как избиратели голосуют по принципу землячества, а остальные мотивы становятся второстепенными. Чтобы не допустить влияние этого эффекта, в исследовании используются данные только федеральных выборов.

– Большинству электоральных исследований [10; 24; 47; 105] свойственен недостаток, заключающийся в том, что электоральное районирование формируется исключительно по идеологическому фактору. Так как для российского избирателя характерна слабая политическая идентификация [68], это существенно искажает данные для анализа. В российских реалиях оно сводится к делению районов на лоялистские и нонконформистские, исходя из уровня поддержки доминирующей партии и её представителей, или к делению районов на левые, правые и центристские, учитывая процент голосования в них за политические силы различного идеологического спектра. В этих случаях не учитываются многие другие признаки партий и политиков (уровень влияния, степень вовлечённости в систему власти, длительность участия в политическом процессе и т. д.), формирующие электоральный выбор избирателей. В итоге общий процент голосования за политические силы, схожие по идеологии, но различные по своему статусу рассматривается как единый показатель, отражающий электоральную специфику территориальных сообществ. Это приводит к существенным искажениям электоральной карты. В данной работе в связи с этим изначально выявляется схожее электоральное районирование участников выборов. На основании чего сформированы кластеры, включающие участников со схожим электоральным районированием. Затем проводится поиск общих признаков акторов, входящих в один кластер. Общий процент голосования за участников выборов со схожим электоральным районированием рассматривается в качестве показателя электоральной специфики.

ГЛАВА 2. МЕТОДИКА АНАЛИЗА ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

2.1. Методика электорального анализа

Методика исследований электорального пространства включает в себя количественные и качественные методы.

Распространённая методика связана с картированием электорального процесса [73; 74; 84], которое не сводится исключительно к построению карт. Картирование предполагает сравнение статистических данных по разным территориям, выявление характера и амплитуды различий и их описание. Язык карт и обычный язык взаимно дополняют друг друга, разными средствами описывая итоги выборов [94].

За описанием следует другая операция – объяснение, поиск устойчивых закономерностей. С этой целью в исследованиях [14; 28; 39] широко применяется факторный анализ [61; 74; 80]. Различные характеристики социума рассматриваются в качестве факторов, влияющих в той или иной степени на волеизъявление территориального сообщества [94].

Выделяются факторы, подразделяющиеся на основные и корректирующие [94]. Основные факторы напрямую связаны с партийной системой. Благодаря действию основных факторов обычно возникает феномен доминирования определенной электоральной культуры на значительных территориях, возникают относительно гомогенные электоральные районы. Корректирующие факторы связаны с местными условиями (компактное проживание определённого этноса, особенности социальной структуры населения, социально-экономического развития и т. д.). Их действие влечёт некоторое изменение электоральных показателей в ту или другую сторону, а в некоторых случаях приводит к девиантному электоральному поведению [94]. Определение этих факторов и их действия требует сфокусированных региональных исследований, знания политической ситуации на конкретной территории [109].

Обычно российские исследователи в области электоральной географии в качестве корректирующих факторов выбирают географические [5; 47; 74; 88], а также социальные [26; 39; 61] и экономические [73; 93], включающие в себя широкий массив данных о национальном составе, социальной структуре, уровне жизни [97].

В данном исследовании в качестве корректирующих факторов выбрана специфика географического (эффект соседства, модель центр-периферия) и социально-экономического характера (уровень урбанизации и особенности социально-экономического развития муниципальных образований и т. д.).

Распространённым количественным методом в региональных исследованиях электорального процесса на региональном уровне [7; 17; 20; 32] является метод корреляционного анализа Пирсона [39; 62; 63; 97]. Он позволяет с высокой точностью устанавливать вес тех или иных факторов, выявлять наиболее важные факторы голосований [94]. Одной из первых работ в этом направлении была статья Х. Геснела и Н. Джилла [155]. В ней авторы проследили взаимосвязь между поддержкой кандидата от демократической партии Ф. Рузвельта и районами концентрации католиков, а также с центрами компактного проживания рабочих. Согласно этому методу определяется линейная корреляция между электоральными показателями и различными характеристиками социума (уровнем его урбанизации, дохода и т. д.). Корреляционные ряды выстраиваются по территориальным ячейкам, по которым представляется электоральная статистика. В данном исследовании корреляционные ряды выстраиваются в соответствии с административно-территориальным устройством Калининградской области.

Количественные методы нацелены на анализ связи голосования территориальных сообществ с социально-экономической ситуацией. Метод корреляционного анализа устанавливает зависимость электоральной карты от социального измерения электорального пространства [94]. Также этот метод используется для выявления взаимосвязей электорального районирования участников выборов [31; 97]. В этом случае вычисляется коэффициент

корреляции Пирсона между двумя рядами показателей – долями голосов за участников выборов по всем регионам (муниципальным образованиям). Высокое значение коэффициента корреляции указывает на то, что избиратели рассматриваемых партий чаще проживают в одних и тех же регионах (муниципальных образованиях). Выраженная отрицательная корреляция означает территориальную поляризацию голосования, когда одни территории больше голосуют за одного участника выборов, а другие – за второго [97, с. 111].

В данном исследовании метод корреляционного анализа применяется для выявления географических взаимосвязей голосования за участников выборов и уровня стабильности их электорального районирования. Использование данного метода в настоящем исследовании отличается от других тем, что коэффициент корреляции Пирсона вычисляется между участниками не только одной избирательной кампании, но и выборов разных лет. Кроме того, коэффициент корреляции рассчитан также между участниками президентских и парламентских выборов федерального уровня. Поэтому получены более объективные данные об электоральном пространстве Калининградской области. В последующем эти разработки могут применяться при анализе электоральных пространств других регионов России.

В случае анализа в исследовании взаимосвязей голосования сильная положительная корреляция обозначает наличие схожего электорального районирования, сильная отрицательная – существование географической поляризации электоральной поддержки. При анализе стабильности электорального районирования участников выборов сильная положительная корреляция обозначает устойчивость электорального районирования, её отсутствие – нестабильность.

Среди количественных методов распространение в электоральных исследованиях также получили вычисление статистического коэффициента вариации [31; 97] и индекса волатильности [107], предложенного в конце 1970-х гг. норвежским политологом М. Педерсеном [132].

Вычисление коэффициента вариации используется в электоральных исследованиях для выявления уровня территориальных различий голосования. В данной диссертации выявлены различные уровни дифференциации голосования в Калининградской области за всех участников выборов, набравших не менее 2% электоральной поддержки по региону.

Индекс волатильности М. Педерсена фиксирует общую динамику силы партий от выборов к выборам, причём в отношении тех партий, которые участвуют как минимум в двух выборах подряд [146]. В случае с парламентскими выборами федерального уровня в Калининградской области таких партий шесть («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», «Патриоты России» и «Яблоко») на 2016 г. На президентских выборах количество кандидатов, подпадающих под это требование существенно ниже (В.В. Жириновский и Г.А. Зюганов). Недостатком данного индекса является также то, что он демонстрирует главным образом не географические особенности электоральной поддержки, а изменения процента голосов за отдельного участника выборов. Снижение процента электоральной поддержки зачастую не обозначает автоматическое изменение электорального районирования. К примеру, партия «Яблоко» набирает с 2003 г. значительно меньший процент избирателей на выборах, чем в предыдущий период. Однако электоральное районирование партии в Калининградской области фактически не изменилось.

Качественные методы, используемые в области электоральной географии, предполагают создание региональных (муниципальных) типологий. Прежде всего, это – культурно-географическое и социально-экономическое районирование. Качественное районирование позволяет разделить территорию страны (региона) на целостные, реально существующие образования со своими характеристиками [94].

Качественные методы объясняют закономерности, полученные с помощью количественных методов. Таким образом, качественные и количественные методы являются взаимодополняемыми. В данной работе, учитывая высокое значение фактора урбанизации на формирование электоральной специфики,

проведена группировка муниципальных образований Калининградской области согласно уровню урбанизации. Также используется группировка муниципальных образований Калининградской области Т.Ю. Кузнецовой [53, с. 23] по особенностям социально-экономического развития.

Проанализировав используемые в электоральных исследованиях методы анализа электорального пространства, в работе предложена методика с пояснениями, следование которой наиболее точно отразило электоральные предпочтения жителей муниципальных образований Калининградской области. Методика состоит из следующих пунктов:

– ***Выбор хронологических рамок исследования***, который сводится к нескольким электоральным циклам. Объектом изучения стал 13-летний период новейшей электоральной истории. По нашему мнению, продолжительность рассматриваемого периода достаточна для получения объективных выводов сравнительных исследований.

– ***Исследование дифференциации голосования*** выявило различные уровни территориальной дифференциации электоральной поддержки в Калининградской области.

– ***Выявление географических зависимостей голосования за участников выборов посредством метода корреляционного анализа Пирсона*** определило между какими участниками существует географический раскол (территориальная поляризация голосования) или географическая общность (схожее электоральное районирование). Также обнаружены случаи географической обособленности (независимое друг от друга электоральное районирование).

– ***Исследование структурной динамики электорального пространства*** определило стабильность или неустойчивость электорального районирования участников выборов.

– Выявив схожие географические признаки электоральной поддержки участников выборов, уровень стабильности их электорального районирования,

следующим шагом к формированию электоральной карты Калининградской области стала *кластеризация участников выборов согласно схожести их электорального районирования*. Результаты голосования за участников выборов, определённых к одному кластеру, стали показателями для выявления уровней различных типов голосования.

– *Поиск географической упорядоченности электорального районирования и построение электоральной карты Калининградского региона.*

– *Поиск статистических взаимосвязей и географических (картографических) совпадений между политическими и социально-экономическими явлениями, а также между политическими особенностями и географической спецификой.*

Основными методами, позволившими наиболее точно проанализировать электоральное пространство, являются вычисление статистического коэффициента вариации, картографический метод, метод корреляционного анализа Пирсона и метод районирования.

Большинство электоральных исследований проводят анализ одной (иногда двух) отдельно взятой избирательной кампании [31, с. 11], поэтому их методика включает в себя в основном один или два метода. В этом исследовании статистическая база существенно выше (включает в себя данные о семи избирательных кампаниях), поэтому методика научной работы отличается большим разнообразием и включает в себя все основные методы. Методы в исследовании связаны между собой и обладают чёткой последовательностью.

Использование метода корреляционного анализа Пирсона выявило географические взаимосвязи голосования за участников выборов (географические общности, расколы и обособленности) и уровень стабильности их электорального районирования.

Благодаря обнаруженным взаимосвязям создана кластеризация политических сил, отвечающая реалиям существующих особенностей

электорального поведения в Калининградской области. В работе учтено, что роль одной и той же политической силы может меняться с течением времени, что приводит к трансформации её электорального районирования. К примеру, в 1990-е гг. КПРФ пользовалось высоким уровнем поддержки на выборах в районах Калининградской области, где сильны традиционалистские настроения [2; 3]. Но с избирательной кампании 2007 г. их электоральное районирование переместилось в «модернистские» районы, так как голосование за них перестало быть проявлением консерватизма. Поэтому требуется типология политических сил для каждого отдельно взятого субъекта страны и для каждой отдельно взятой избирательной кампании, что и выполнено в данной работе на примере Калининградской области.

С помощью картографического метода обнаружены взаимосвязи между электоральным районированием и социально-экономической спецификой муниципальных образований Калининградской области (уровень урбанизации, различные характеристики социально-экономического развития).

2.2. Статистическая база

Географическая выборка, необходимая для составления электоральной карты Калининградской области включает в себя действующие муниципальные образования на период с 2003 по 2016 г. До федеральных выборов 2011 г. их общее количество насчитывало 19 с разным статусом, с 2011 г. – 22. Так как на территории трёх новообразованных МО (Ладушкинский, Мамоновский и Янтарный городские округа (ГО)) к 2016 г. прошли только три избирательные кампании федерального уровня, показатели голосования в них учитывались в рамках границ муниципальных образований, частью которых они ранее являлись (Багратионовский ГО и Светлогорский район). Статистические данные исследования получены в результате анализа информации, полученной с сайта Центральной избирательной комиссии Российской Федерации [100].

Генеральная совокупность исследования – голосование за всех участников выборов федерального уровня в Калининградской области в период с 2003 по 2016 г.

Выбор Калининградской области в качестве территории для анализа электорального пространства является уникальным по ряду причин:

– Несмотря на недостатки избирательного процесса в России [7; 19; 21; 22], которым посвящено значительное количество исследований [25; 27; 55; 119], Калининградская область является регионом, где относительно других субъектов страны сильны демократические традиции. Это подтверждает рейтинг демократичности регионов, подготовленный Московским центром Карнеги в 2013 г. В нём Калининградская область вошла в список регионов России с высоким уровнем демократии и свободы выборов [72]. Ранее, в начале XXI века, Ю.М. Зверев [76], опираясь на индекс демократичности, подготовленный Независимым институтом социальной политики за период 2000-2004 гг., отметил преимущества Калининградской области для развития конкурентной политической среды:

- Более высокая степень демократичности, чем у большинства российских регионов, заключающаяся в большей свободе СМИ, наличии стабильных партий в законодательном собрании, низкой роли «административного фактора» и т. д.

- В Калининградской области шире, чем в среднем по России развит «третий сектор».

- В силу географического положения калининградские НКО имели более тесные связи с зарубежными партнёрами.

Так как нарушения на выборах менее свойственны Калининградской области, её электоральная карта не подвергается значительным искажениям.

– Для Калининградской области свойственен политический плюрализм, о чём свидетельствует наличие в областной Думе на момент начала 2016 г. сразу пяти фракций («Единая Россия», КПрФ, «Справедливая Россия», ЛДПР, «Патриоты России») и одного депутатского объединения («Запад России») [78].

Существование различных политических групп, обладающих существенной электоральной поддержкой, является предпосылкой для анализа её географической специфики.

Выбор избирательных кампаний федерального уровня с 2003 по 2016 г. (временного ряда или ряда динамики) для проведения исследования обусловлен рядом причин:

– Выборы федерального уровня минимизируют предпосылки для возникновения персоналистской модели электорального поведения и связанного с ней эффекта друзей [94], когда политические силы идентифицируются не по идеологическим установкам, а с конкретными людьми [36, с. 15]. Данный фильтр не позволил возникнуть подобным погрешностям на электоральной карте. Примером проявления персоналистской модели является голосование в Гусевском ГО на губернаторских выборах 2015 г. в Калининградской области. Избиратели массово проголосовали за своего земляка Н.Н. Цуканова (было отдано 94,14% голосов избирателей) [100]. В других избирательных кампаниях подобного проявления электоральной специфики в Гусевском ГО не наблюдалось.

– С 2003 г. существенно сократилось количество электоральных исследований. Развитие авторитарных черт в российском политическом режиме в 2000-е гг. при параллельном складывании партийной системы с доминирующей партией в лице «Единой России» привело к выравниванию электорального пространства и сглаживанию межрегиональных различий на фоне повсеместно высокого уровня политической лояльности. Упрощение структуры партийной системы повлекло за собой аналогичное упрощение электоральной карты, скрывшей многие социально-экономические и этнокультурные различия между территориями страны, что существенно сократило поле исследования [97]. Кроме того, в этот период распространёнными стали механизмы «насильственной» мобилизации избирателей в ходе предвыборных кампаний [119], искажающие реальную электоральную специфику.

– Общий кризис в научной области затронул и исследования электорального пространства Калининградской области. После 2003 г. можно обнаружить лишь незначительные упоминания о географической составляющей электоральной специфики Калининградской области.

– С декабря 2001 г. в партийной системе России появилась партия «Единая Россия», которая, победив в последующих трёх подряд выборах, согласно теории Д. Сартори, может классифицироваться как доминантная (доминирующая) [136].

– На рубеже 1990-х – 2000-х гг. произошло формирование относительно новой структуры электорального пространства России. У оппозиционных партий-старожилов (ЛДПР и КПРФ) в 2000-х гг. сформировалось новое электоральное районирование. Электоральное районирование «Единой России» во многом отличается от районирования «партии власти» 1990-х гг. «Наш дом – Россия» и «Отечество – вся Россия» и никак не связано с районированием «Единства» в 1999 г. По мнению Р.Ф. Туровского, это связано с трансформацией политического режима и изменением его идеологии, усилением патерналистских, патриотических и консервативных тенденций. [97, с. 116].

На президентских выборах разных лет общее количество участников варьировалось от 4-х до 7 (табл. 1).

Таблица 1.2 – Генеральная совокупность исследования выборов Президента РФ

Годы проведения выборов Президента РФ	Общее количество участников выборов
2004 г.	7
2008 г.	4
2012 г.	5

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

На парламентских выборах федерального уровня вариация количества участников заметно выше (табл. 2).

Таблица 2.2 – Генеральная совокупность исследования выборов в Госдуму

Годы проведения выборов в Госдуму	Общее количество участников выборов
2003 г.	24
2007 г.	11
2011 г.	7
2016 г.	14

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Выборочная совокупность (выборка) ограничивает общее количество участников путём создания минимального процентного порога их электоральной поддержки в Калининградской области величиной в 2%. Результаты участников выборов с более низким показателем, не учитывались в исследовании. Исключением являются президентские выборы 2004 г., где порог был незначительно скорректирован до 1,9%, чтобы учесть голосование за кандидата от ЛДПР О.А. Малышкина.

Общее количество участников, включённых в выборку, в случае с выборами в Госдуму варьируется в количестве от 6 до 10. На президентских выборах – от 3 до 6 (табл. 3).

Таблица 3.2 – Выборочная совокупность исследования федеральных выборов

Годы проведения выборов федерального уровня	Количество участников выборки
Выборы в Госдуму (2003 г.)	10
Президентские выборы (2004 г.)	6
Выборы в Госдуму (2007 г.)	6
Президентские выборы (2008 г.)	3
Выборы в Госдуму (2011 г.)	6
Президентские выборы (2012 г.)	5
Выборы в Госдуму (2016 г.)	10

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Объём выборки исследования или общее число случаев, включённых в выборочную совокупность равно семи. Объём охватывает семь федеральных выборов (четыре случая выборов в Госдуму и три случая президентских избирательных кампаний), проходивших на территории Калининградской области в период с 2003 по 2016 г.

2.3. Расчёт дифференциации голосования

Обязательным условием для исследования в области электоральной географии является существование высокого уровня дифференциации голосования. В случае однородности электорального пространства и отсутствия географической специфики голосования необходимость проведения подобных исследований отсутствует из-за невозможности выделения электоральных районов.

Для измерения дифференциации голосования ряд российских исследователей (Н.В. Гришин [34], Р.Ф. Туровский [97, с.103]) используют расчёт коэффициента вариации электоральной поддержки на федеральном уровне, а также на уровне федерального округа [31].

Коэффициент вариации применяется для сравнений колебаний одного и того же признака. Этим признаком в электоральных исследованиях является голосование за участника выборов. Формула коэффициента вариации – отношение среднего квадратического отклонения и среднего арифметического, выраженное в процентах.

В исследовании произведён расчёт среднего квадратического отклонения и среднего арифметического голосования за каждого участника выборов. Затем вычислено их отношение, выраженное в процентах. Показатели расчётов – результаты участников выборов в муниципальных образованиях Калининградской области.

Преимуществом коэффициента вариации является его нейтральность к абсолютным значениям переменной: он не зависит от того, насколько велики или малы процентные показатели на выборах [97, с. 104]. По мнению автора рассматриваемого коэффициента К. Пирсона [131], коэффициент вариации является эффективнее абсолютного показателя вариации.

Специфика использования коэффициента вариации в электоральных исследованиях заключается в том, что при наличии нижнего предела, равного нулю, у него отсутствует верхний предел. Ещё одним специфическим признаком

использования коэффициента вариации является то, что у него нет значений, которые можно было бы квалифицировать как высокие или низкие. Шкала значений выявляется опытным путём, опираясь на массив эмпирических исследований [97, с. 104].

По мнению Н.В. Гришина, если статистический коэффициент вариации менее 33%, то распределение голосов считается относительно однородным, при превышении порога 33% множество утрачивает однородность [31, с. 40]. Р.Ф. Туровский предлагает считать низким коэффициент вариации менее 0,25, средним – от 0,25 до 0,5, высоким – свыше 0,5, не исключая возможных корректировок [97, с. 104].

В данном исследовании, опираясь на расчёты коэффициентов вариации голосования за участников выборов, предложено считать крайне низким коэффициент ниже 10%, низким – от 10% до 20%, средним – от 20% до 30% и высоким – свыше 30%.

Чем выше вариация голосования, тем сильнее территориальные различия электоральной поддержки в Калининградской области. Чем ниже коэффициент вариации, тем незначительнее различия голосования в муниципальных образованиях Калининградской области. Это явление в электоральной географии принято называть национализацией партийной системы, то есть территориальной гомогенностью электоральных предпочтений [63].

В зарубежных исследованиях в области электоральной географии и политологии высокий уровень национализации обычно трактуется как признак зрелости партийной системы [120].

Однако в отечественной географии отмечается, что национализация по итогам избирательных кампаний в России в условиях электорального авторитаризма носит скорее навязанный характер [97, с. 103] вследствие кардинального реформирования избирательной системы страны.

Основными факторами, влияющими на низкий уровень вариации голосования, являются возможность проведения успешной агитации на всей территории области и узнаваемость.

Полученные показатели коэффициентов вариации голосования за участников выборов, продемонстрировали отсутствие географической однородности голосования и специфику территориального разброса электоральных предпочтений. Благодаря лонгитюдному характеру настоящего исследования выявлены изменения уровня дифференциации голосования за участников выборов с течением времени. Все полученные результаты путём расчетов интерпретированы автором. Данный метод никогда ранее не применялся в исследованиях, посвящённых анализу электорального пространства Калининградской области.

Автором рассчитаны статистические коэффициенты вариации электоральной поддержки участников федеральных выборов (2003-2016 гг.), набравших в Калининградской области не менее 2% голосов (Приложение А).

2.4. Выявление географических зависимостей электоральной поддержки

Выбор показателей для выявления специфики электоральных предпочтений в российских регионах в большинстве исследований обуславливается идеологической общностью участников избирательных кампаний. В российской науке в области электоральной географии принято считать, что избиратели, голосуя на выборах, тем самым идентифицируют себя по политическому признаку. Исходя из процента отданных избирателями голосов, выделяются районы с характерными спецификами электоральных предпочтений и электоральные расколы.

В 2000-е гг. в связи с возникновением в РФ партии, которую в политологии принято называть доминирующей [136] в лице «Единой России» идеологическое размежевание между политическими силами и соответственно районами электоральных предпочтений начало сглаживаться [97]. Поэтому расколы в электоральной географии России стали выделяться по принципу «конформистские – нонконформистские районы» [7; 42].

Однако методика типологии электоральных районов, как в 1990-е гг., так и в 2000-е гг. обладает рядом недостатков:

– Идеологическая составляющая политических сил России сильно размыта, что автоматически отвергает типологию, характерную для 1990-х гг. [36]. Кроме того, российский избиратель так и не обрёл чёткой партийной идентификации [68]. С 2003 г. оппозиционные силы оказались не способны конкурировать с представляющими власть участниками выборов. Поэтому протестное голосование не всегда выражается в поддержке идеологически близких партий и кандидатов в Президенты РФ, а в низкой явке, голосовании за наиболее влиятельную оппозиционную партию или кандидата и т. д.

– Типология электорального поведения по принципу «власть-оппозиция», традиционная для исследовательских работ 2000-х гг. [7; 42], автоматически ограничивает спектр политических сил до двух, сужая возможное многообразие электорального районирования. Кроме того, не всегда можно точно определить, является партия или кандидат в Президенты РФ оппозиционным.

В данной работе проведена кластеризация участников выборов с учётом схожести их электорального районирования. Предположительно, что схожее электоральное районирование участников выборов обозначает, что избиратели, голосуя за них, преследуют общие мотивы.

Схожесть электорального районирования (географическая общность) выявлена посредством метода корреляционного анализа Пирсона. Этот метод впервые используется в исследовании, посвящённом анализу электорального пространства Калининградской области.

Корреляция голосования за участников выборов выявила и другие географические взаимосвязи электоральной поддержки: географические расколы и обособленности.

Согласно этому методу в исследовании определена линейная корреляция между электоральными показателями. Показателями являлись результаты голосования за двух участников выборов, а также результаты одного и того же

участника, полученные в двух избирательных кампаниях. Корреляционные ряды выстроены в соответствии с административно-территориальным устройством Калининградской области. На основании этих рядов рассчитывается коэффициент корреляции (r).

Высокая положительная корреляция ($r > 0,7$) означает наличие географической общности, когда участники выборов обладают схожим электоральным районированием.

Сильная отрицательная корреляция ($r < -0,7$) отражает существование географического раскола между партиями или кандидатами на пост Президента РФ. Это выражается в географической поляризации голосования за участников выборов в Калининградской области.

Фактическое отсутствие корреляции, выражающаяся в географической обособленности ($0,5 > r > -0,5$), обозначает отсутствие связи электорального районирования участников выборов в Калининградской области.

Не исключены некоторые минимальные корректировки данной шкалы.

В ряде работ [7; 61] российских исследователей [62-97] минимальным коэффициентом корреляции Пирсона, позволяющим говорить о наличии связи между факторами, влияющими на электоральные предпочтения, и показателями голосования являются показатель, равный 0,5 и ниже. В данной работе минимальный показатель значительно выше (0,7), поэтому результаты настоящего исследования более объективны.

Посредством метода корреляционного анализа Пирсона в исследовании измерена устойчивость структурной динамики электорального пространства. Коэффициенты корреляции рассчитаны между голосованием в муниципальных образованиях Калининградской области за одного и того же участника выборов, но в разные годы. Сильная положительная корреляция ($r > 0,7$) отображает стабильность электорального районирования участника выборов. Если такая корреляция отсутствует, то это в разной степени обозначает неустойчивость электорального районирования.

Обнаружив специфику структурной динамики электорального пространства на региональном уровне (на примере Калининградской области), в диссертации проведено сравнение итоговых показателей с теми, что были получены исследователями на федеральном уровне [97].

Автором созданы корреляционные матрицы голосования за участников федеральных выборов (2003-2016 гг.), набравших в Калининградской области не менее 2% электоральной поддержки (Приложение Б).

Получив данные о географических зависимостях электоральной поддержки, а также об устойчивости структурной динамики электорального пространства, следующим этапом исследования стал выбор показателей, на основании которых сформирована электоральная карта и выделены электоральные районы Калининградской области.

2.5. Картографирование особенностей электоральных предпочтений

В данном исследовании под картографированием понимается нанесение на карту контуров, очерчивающих ареалы более или менее однородных явлений. Явления в данном случае – это стабильная специфика электоральных предпочтений. Прежде всего, она проявляется в повышенном уровне определённого типа голосования в муниципальных образованиях Калининградской области.

Предварительно перед картографированием определены типы голосования электорального пространства Калининградской области, а также отобраны под показатели, с помощью которых измерено их влияние.

Для выявления электоральных районов вычисляется отношение процента проявления типа голосования на выборах в каждом отдельно взятом муниципальном образовании (X) среднего значения голосования этого типа по Калининградской области (X_{cp}). Таким образом, нивелируется значение количества избирателей в муниципальных образованиях. Данный факт отличает это исследование от предыдущих работ, посвящённых анализу электорального

пространства Калининградской области [2; 3; 41]. В них проводился сравнительный анализ итогов голосования в каждом муниципальном образовании и результатом на выборах по всей Калининградской области. Так как в областном центре проживает практически половина избирателей региона, это создавало некоторый дисбаланс при подобном сравнительном анализе. Используя вместо процентного показателя результата голосования по Калининградской области среднее арифметическое значение голосования в муниципальных образованиях Калининградской области, в работе удалось этот дисбаланс избежать.

Затем на основании статистических расчётов выявлены различные уровни типов электорального поведения. Количество уровней зависит от уровня дифференциации голосования: чем она выше, тем больше количество уровней.

Подобная методика вычисления уровней электоральной поддержки используется впервые. В исследовании с учётом полученных данных предложена следующая шкала уровней голосования:

- Крайне высокий (X составляет от 115% и выше от доли X_{cp}).
- Высокий (X составляет от 105% до 115% от доли X_{cp}).
- Средний (X составляет от 95% до 105% от доли X_{cp}).
- Низкий (X составляет от 85% до 95% от доли X_{cp}).
- Крайне низкий (X составляет ниже 85% от доли X_{cp}).

Возможны незначительные корректировки данных показателей.

Критерием для нанесения на карту контуров, очерчивающих ареалы проявления типа голосования, является стабильность его уровня в муниципальном образовании на протяжении семи федеральных выборов. Если такая стабильность отсутствует, то критерием для нанесения на карту является преобладание какого-либо уровня (не менее пяти совпадений) или превалирование на последних федеральных выборах (2011, 2012, 2016 гг.). Зафиксированы единичные случаи (например, голосование в Советском ГО), когда специфика электоральных предпочтений существенно трансформировалась с течением времени.

Данная методика впервые используется в электоральной географии. Она позволила наиболее точно отобразить на карте Калининградской области электоральные районы. В исследовании при нанесении контуров на карту учитываются результаты семи федеральных выборов (президентских и парламентских), в то время как в большинстве других контуры наносятся обычно по итогам одной-двух избирательных кампаний [73; 74].

Посредством картографического метода в работе проведён поиск географических совпадений между электоральным районированием Калининградской области и группировкой её муниципальных образований согласно степени их урбанизации и уровня социально-экономического развития.

Все необходимые контуры наносились на карту муниципальных образований Калининградской области (рис. 1). В течение периода 2003-2016 гг. статус муниципальных образований Калининградской области зачастую менялся. В настоящей диссертации статус муниципальных образований приводится в соответствии с 2016 г.

Нестеровский - район

Мамоновский - городской округ

Рисунок 1.2 – Муниципальные образования Калининградской области на 2016 г.

Источник: [79]

При корреляции с результатами выборов 2012 и 2016 гг. голоса избирателей Ладушкинского и Мамоновского ГО включены в голосование в рамках Багратионовского ГО, а результаты выборов в Янтарном ГО в голосование в пределах Светлогорского района.

ГЛАВА 3. ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЖИТЕЛЕЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

3.1. Дифференциация голосования в Калининградской области

Данные расчётов коэффициентов вариации (рис. 1-2) отражают наличие разных уровней дифференциации голосования за участников выборов в Калининградской области. Следствием такой дифференциации является существование отдельных районов с характерной для них электоральной спецификой.

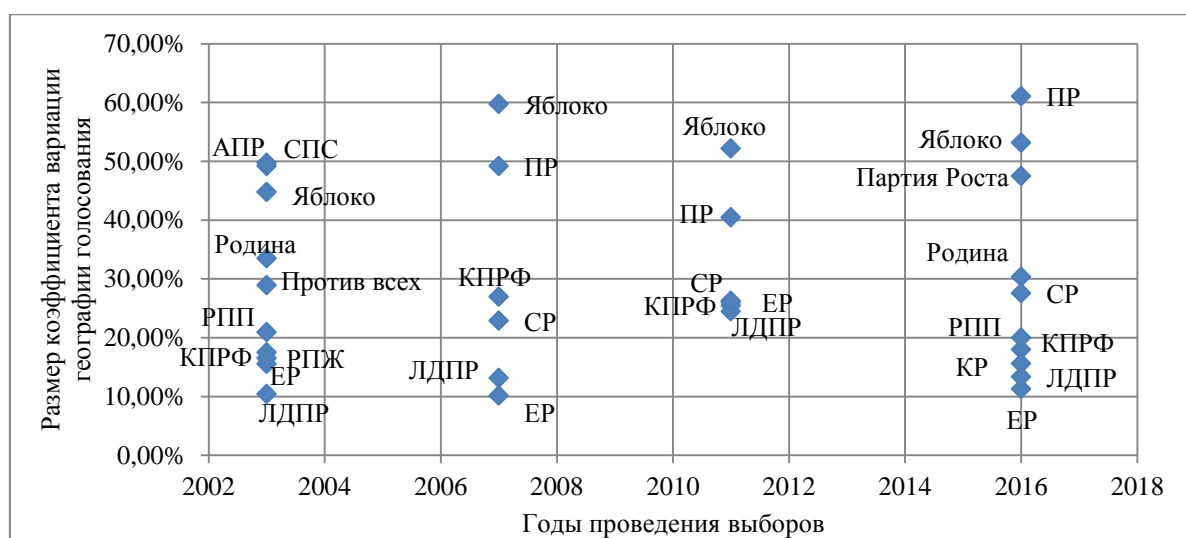

Рисунок 1.3 – Дифференциация голосования за политические партии на выборах в Госдуму в Калининградской области (2003–2016 гг.)

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

В построенной диаграмме (рис. 1) и в последующем в исследовании используются следующие аббревиатуры политических партий: Аграрная партия России (АПР), «Единая Россия» (ЕР), «Коммунисты России» (КР), Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ), Либерально-демократическая партия России (ЛДПР), «Патриоты России» (ПР), «Российская партия Жизни» (РПЖ), Российская партия пенсионеров (РПП), «Союз правых сил» (СПС) и «Справедливая Россия» (СР).

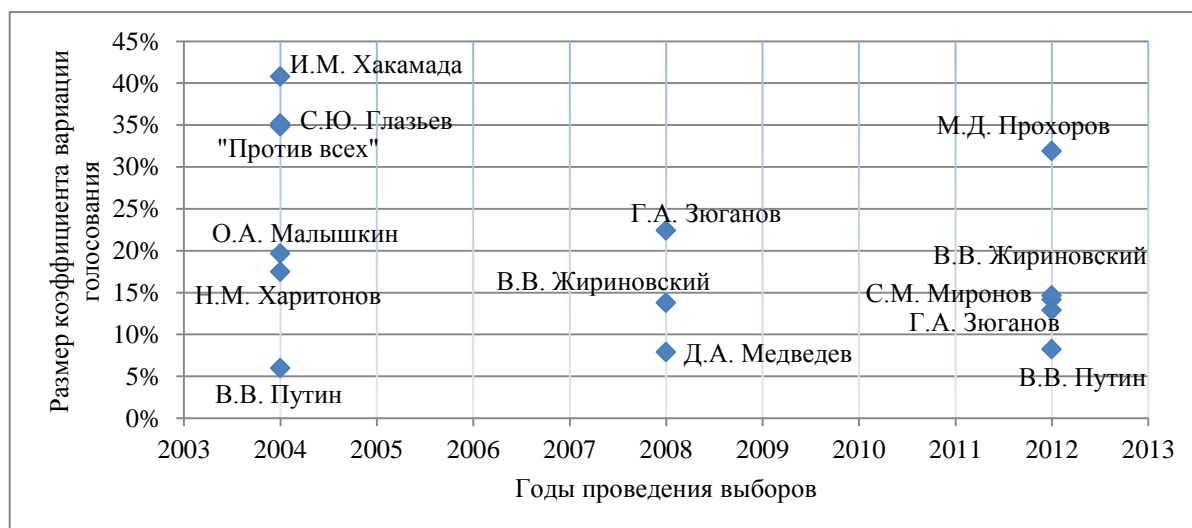

Рисунок 2.3 – Дифференциация голосования за кандидатов на пост Президента РФ в Калининградской области (2004–2012 гг.)

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Наиболее территориально однородная электоральная поддержка присуща доминирующей партии и её кандидатам на пост Президента РФ (Д.А. Медведеву и В.В. Путину). Таким образом, голосование за них на федеральных выборах менее других зависит от каких-либо социально-экономических показателей по причине её относительной территориальной равномерности.

Причиной такой однородности в регионах России, по мнению Р.Ф. Туровского, является отсутствие реальной конкуренции на выборах [97, с. 103]. Также в числе причин этого явления выделяются так называемые методы электорального авторитаризма (ограничение на свободу слова, информационная монополия и т. д.) [27]. На наш взгляд, основной причиной является то, что доминирующая партия и её кандидаты в Президенты РФ обладают более слаженной сетью местных отделений в Калининградской области и высоким уровнем узнаваемости в сравнении с конкурентами. Как итог – отсутствие территориального дисбаланса в агитационной работе.

В 2011 г. произошло резкое увеличение дифференциации голосования за доминирующую партию в Калининградской области. Возможно, это является следствием политического кризиса 2011 г., приведшего к усилению географического раскола по принципу «власть-оппозиция».

ЛДПР и её кандидаты на пост Президента РФ (В.В. Жириновский и О.А. Малышкин) в целом демонстрируют дифференциацию электоральной поддержки на низком уровне (амплитуда коэффициента вариации от 10,37% до 19,67%). Голосование за ЛДПР и её кандидатов на пост Президента РФ является проявлением маргинальной модели электорального поведения [9; 40; 65; 67]. Предвыборная риторика В.В. Жириновского и его партии [40; 75], основанная на ярких популистских лозунгах национал-патриотического и «классового» содержания [36, с. 28], отличается иррациональностью и призвана воздействовать в первую очередь на эмоции избирателя. Поэтому при таком голосовании географический фактор не является первостепенным, что создаёт предпосылки для относительной территориальной однородности электорального районирования.

Дифференциация голосования за СР и её лидера С.М. Миронова демонстрирует средний (в 2012 г. низкий) уровень. Партия и её руководитель не занимают чёткую оппозиционную или провластную позицию, поэтому на их электоральное районирование не оказывает влияние географический раскол между модернистскими и традиционалистскими районами Калининградской области.

Дифференциация голосования за коммунистов существенно меняется в разные годы выборов. В 2003, 2004, 2012 и 2016 гг. дифференциация демонстрировала низкий уровень. Однако голосование за Г.А. Зюганова в 2008 г. и электоральная поддержка КПРФ в 2007 и 2011 гг. отличается более высокой дифференциацией (средний уровень). Причина роста – отсутствие на выборах других ярко выраженных оппозиционных сил. Поэтому Г.А. Зюганов в 2008 г. и КПРФ в 2007 и 2011 гг., будучи сильнейшими представителями от оппозиции, сумели мобилизовать вокруг себя протестный электорат. Это создало некоторый дисбаланс в прежде относительно равномерной географии электоральной поддержки коммунистов в Калининградской области.

География голосования за участников выборов либерально-демократического спектра (М.Д. Прохоров, И.М. Хакамада, Партия Роста, СПС и

«Яблоко») отличается наиболее высокой дифференциацией в Калининградской области. Это показатель географической компактности и узости их электората. Избиратели этих участников выборов в основном проживают в одном электоральном районе Калининградской области («приморском»), которым ограничивается их активная агитационная деятельность.

Схожая специфика прослеживается при голосовании за С.Ю. Глазьева, а также за партии «Родина» и ПР (в 2011 г.). Причины аналогичные: территориальная компактность электората и ограниченные ресурсы для ведения активной агитации на территории всей Калининградской области.

Голосование за партии, получившие невысокий результат на выборах, демонстрирует различные уровни дифференциации.

РПЖ в 2003 г. пользовалась некоторой поддержкой со стороны властей, поэтому, как и для другой представляющей власть партии в лице ЕР, её электоральной поддержке был характерен низкий уровень вариации.

Дифференциация голосования за КР, партию-спойлер КПРФ, в 2016 г. аналогична дифференциации, присущей самой КПРФ (15,56% и 17,97% соответственно).

Дифференциация голосования за классовые партии АПР и РПП предположительно связана с географией проживания слоёв населения, интересы которых они представляют (аграриев и пенсионеров). Доля пожилых людей в муниципальных образованиях Калининградской области в 2013 г. (исключение – Советский ГО) варьируется в пределах от 30% до 42% [53, с. 19-20], поэтому дифференциация голосования за РПП демонстрирует средний уровень. Электоральная поддержка АПР в муниципальных образованиях с преимущественно сельским населением ожидаемо значительно выше, чем в урбанизированных районах, поэтому дифференциация голосования за эту партию крайне высока.

Результаты дифференциации голосования в Калининградской области интерпретированы автором (табл. 1).

Таблица 1.3 – Уровни дифференциации голосования в Калининградской области

Уровень вариации	Участники выборов	Интерпретация результатов
Крайне низкий (ниже 10%)	В.В. Путин (2004, 2012 гг.), Д.А. Медведев (2008 г.)	Максимальный уровень узнаваемости, успешная агитация во всех МО региона
Низкий (от 10% до 20%)	«Единая Россия» (2003, 2007, 2016 гг.)	Высокий уровень узнаваемости, успешная агитация во всех МО региона
	О.А. Малышкин (2004 г.), В.В. Жириновский (2008, 2012 гг.), ЛДПР (2003, 2007, 2016 гг.)	Протестное голосование за ЛДПР и её представителей менее других связано с географическими особенностями
	«Российская партия Жизни» (2003 г.)	Выступала в роли ещё одной «партия власти», поэтому показатель в целом аналогичен показателю, присущему «Единой России» на выборах 2003 г.
	КПРФ (2003, 2016 гг.), Н.М. Харитонов (2004 г.), Г.А. Зюганов (2012 г.)	Высокий уровень узнаваемости, наличие сильных конкурентов среди оппозиционных участников
	«Коммунисты России» (2016 г.)	Партия-спойлер КПРФ в 2016 г., поэтому данные показатели у них идентичны
Средний (от 20% до 30%)	С.М. Миронов (2012 г.)	Относительно высокий уровень узнаваемости, нейтральная позиция в политической системе «власть-оппозиция»
	«Справедливая Россия» (2007, 2011, 2016 гг.)	Относительно высокий уровень узнаваемости, нейтральная позиция в политической системе «власть-оппозиция»
	КПРФ (2007, 2011 гг.), Г.А. Зюганов (2008 г.)	Высокий уровень узнаваемости, отсутствие сильных конкурентов среди оппозиционных участников
	Российская партия пенсионеров (2003, 2016 гг.)	Примерно одинаковая доля пенсионеров во всех МО региона
Высокий (выше 30%)	«Единая Россия» (2011 г.), ЛДПР (2011 г.)	Резкое усиление электорального раскола в географии Калининградской области на фоне социального кризиса в регионе и стране
	Аграрная партия России	Электоральный потенциал ограничен исключительно сельскими районами Калининградской области
	«Яблоко» (2003, 2007, 2011, 2016 гг.), СПС (2003 г.), «Родина» (2003, 2016 гг.), Партия Роста (2016 г.), И.М. Хакамада (2003 г.), С.Ю. Глазьев (2003 г.)	Географическая компактность электората, отсутствие ресурсов для ведения активной агитации на территории всего региона

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

3.2. Географические зависимости голосования в Калининградской области

Электоральное районирование В.В. Путина и Д.А. Медведева в Калининградской области обладает высокой стабильностью (табл. 2) и формирует географические расколы с электоральным районированием большинства других кандидатов (табл. 3), что подтверждают положительные и отрицательные коэффициенты корреляции соответственно.

Таблица 2.3 – Корреляционная матрица голосования за участников президентских выборов от доминирующей партии в Калининградской области (2004-2012 гг.)

Кандидат на пост Президента РФ	В.В. Путин (2004 г.)	Д.А. Медведев (2008 г.)	В.В. Путин (2012 г.)
В.В. Путин (2004 г.)	«↔»	$r = 0,67$	$r = 0,7$
Д.А. Медведев (2008 г.)	$r = 0,67$	«↔»	$r = 0,7$
В.В. Путин (2012 г.)	$r = 0,7$	$r = 0,7$	«↔»

Таблица 3.3 – Географические расколы электоральной поддержки на президентских выборах в Калининградской области (2004-2012 гг.)

Кандидат на пост Президента РФ	С.Ю. Глазьев (2004 г.)	И.М. Хакамада (2004 г.)	«Против всех» (2004 г.)	Г.А. Зюганов (2008 г.)	Г.А. Зюганов (2012 г.)	М.Д. Прохоров (2012 г.)
В.В. Путин (2004 г.)	$r = -0,87$	$r = -0,82$	$r = -0,87$	$r = -0,82$	$r = -0,73$	$r = -0,66$
Д.А. Медведев (2008 г.)	$r = -0,75$	$r = -0,64$	$r = -0,67$	$r = -0,95$	$r = -0,64$	$r = -0,58$
В.В. Путин (2012 г.)	$r = -0,75$	$r = -0,85$	$r = -0,82$	$r = -0,72$	$r = -0,81$	$r = -0,86$

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Данные, полученные при использовании метода корреляционного анализа Пирсона, демонстрируют, что географические расколы голосования происходят вне зависимости от идеологической составляющей. Политиков с географически противоположным электоральным районированием по отношению к районированию В.В. Путина и Д.А. Медведева в Калининградской области, зачастую не объединяют общие идеологические ценности. Это означает, что традиционный подход к кластеризации участников выборов согласно идеологическому принципу искажает реальные данные.

В большинстве случаев электоральные районирования этих политиков формируют географические общности голосования (табл. 4). Под этим понятием в исследовании понимается схожесть электорального районирования двух участников выборов. Исключения – корреляция между голосованием за Г.А. Зюганова в 2008 и 2012 гг. и электоральной поддержкой М.Д. Прохорова в 2012 г.

Таблица 4.3 – Географические общности электоральной поддержки на президентских выборах в Калининградской области (2004-2012 гг.)

Кандидат на пост Президента РФ	С.Ю. Глазьев (2004 г.)	И.М. Хакамада (2004 г.)	«Против всех» (2004 г.)	Г.А. Зюганов (2008 г.)	Г.А. Зюганов (2012 г.)	М.Д. Прохоров (2012 г.)
С.Ю. Глазьев (2004 г.)	«←»	$r = 0,86$	$r = 0,88$	$r = 0,79$	$r = 0,68$	$r = 0,74$
И.М. Хакамада (2004 г.)	$r = 0,86$	«←»	$r = 0,94$	$r = 0,68$	$r = 0,6$	$r = 0,94$
«Против всех» (2004 г.)	$r = 0,88$	$r = 0,94$	«←»	$r = 0,73$	$r = 0,67$	$r = 0,84$
Г.А. Зюганов (2008 г.)	$r = 0,79$	$r = 0,68$	$r = 0,73$	«←»	$r = 0,75$	$r = 0,6$
Г.А. Зюганов (2012 г.)	$r = 0,68$	$r = 0,6$	$r = 0,67$	$r = 0,75$	«←»	$r = 0,49$
М.Д. Прохоров (2012 г.)	$r = 0,74$	$r = 0,94$	$r = 0,84$	$r = 0,6$	$r = 0,49$	«←»

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Корреляционная матрица голосования за участников президентских выборов подтверждает отсутствие полной взаимосвязи между схожим электоральным районированием и общей идеологической составляющей.

Голосование за С.М. Миронова на выборах 2012 г., В.В. Жириновского в 2008 и 2012 гг., Н.М. Харитонов и О.А. Малышкина в 2004 г. не формируют с другими участниками выборов ни географических общностей, ни географических расколов. Их электоральному районированию в Калининградской области свойственна географическая обособленность. Отметим, что ещё в 1990-е годы было выявлено, что ЛДПР и В.В. Жириновский держатся несколько изолировано от образовавшихся в стране идейно-политических расколов [44; 67, с. 194]. Возможно, изолированность в политической системе страны создаёт предпосылки к обособленности электорального районирования.

Голосование за ЕР в Калининградской области так же, как и электоральная поддержка её кандидатов на президентских выборах, обладает довольно высокой стабильностью электорального районирования (табл. 5).

Таблица 5.3 – Корреляция голосования в Калининградской области за доминирующую партию (2003-2016 гг.)

Партия	ЕР (2003 г.)	ЕР (2007 г.)	ЕР (2011 г.)	ЕР (2016 г.)
ЕР (2003 г.)	«←»	r = 0,78	r = 0,51	r = 0,64
ЕР (2007 г.)	r = 0,78	«←»	r = 0,69	r = 0,62
ЕР (2011 г.)	r = 0,51	r = 0,69	«←»	r = 0,64
ЕР (2016 г.)	r = 0,64	r = 0,62	r = 0,64	«←»

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

При изучении специфики парламентских выборов обнаружены случаи географического раскола электоральной поддержки. Во всех случаях расколы проходят между голосованием за доминирующую партию и другого участника выборов (табл. 6). Наиболее значительные географические расколы электоральной поддержки в Калининградской области происходят по линиям: ЕР – партии либерально-демократического толка («Яблоко», СПС, Партия Роста), ЕР – «Родина», ПР, ЕР – наиболее влиятельная оппозиционная партия (КПРФ с 2007 г.) и ЕР – кандидат «Против всех» (в 2003 г.). Географические расколы

фиксируются между электоральными районированиями выборов как одних и тех же, так и разных лет.

Таблица 6.3 – Географические расколы электоральной поддержки на выборах в Госдуму 2003-2016 гг. в Калининградской области по уровню влияния в порядке убывания

Доминирующая партия	Участник выборов	Коэффициент корреляции голосования
ЕР (2003 г.)	«Яблоко» (2003 г.)	$r = -0,94$
ЕР (2011 г.)	КПРФ (2011 г.)	$r = -0,91$
ЕР (2003 г.)	СПС (2003 г.)	$r = -0,89$
ЕР (2003 г.)	«Родина» (2003 г.)	$r = -0,88$
ЕР (2003 г.)	«Яблоко» (2007 г.)	$r = -0,86$
ЕР (2007 г.)	КПРФ (2007 г.)	$r = -0,85$
ЕР (2003 г.)	«Против всех» (2003 г.)	$r = -0,83$
ЕР (2003 г.)	КПРФ (2007 г.)	$r = -0,82$
ЕР (2016 г.)	КПРФ (2016 г.)	$r = -0,81$
ЕР (2003 г.)	«Яблоко» (2011 г.)	$r = -0,8$
ЕР (2007 г.)	КПРФ (2011 г.)	$r = -0,8$
ЕР (2007 г.)	«Яблоко» (2016 г.)	$r = -0,79$
ЕР (2007 г.)	«Яблоко» (2011 г.)	$r = -0,79$
ЕР (2003 г.)	«Яблоко» (2016 г.)	$r = -0,78$
ЕР (2003 г.)	«Родина» (2016 г.)	$r = -0,78$
ЕР (2003 г.)	Партия Роста (2016 г.)	$r = -0,74$
ЕР (2007 г.)	СР (2007 г.)	$r = -0,74$
ЕР (2011 г.)	ПР (2011 г.)	$r = -0,73$
ЕР (2007 г.)	«Яблоко» (2007 г.)	$r = -0,72$
ЕР (2011 г.)	«Яблоко» (2011 г.)	$r = -0,72$
ЕР (2007 г.)	«Родина» (2016 г.)	$r = -0,71$
ЕР (2011 г.)	СР (2011 г.)	$r = -0,7$
ЕР (2007 г.)	ПР (2007 г.)	$r = -0,68$
ЕР (2003 г.)	КПРФ (2011 г.)	$r = -0,68$
ЕР (2011 г.)	КПРФ (2016 г.)	$r = -0,67$
ЕР (2003 г.)	ПР (2011 г.)	$r = -0,67$

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Географические общности электоральной поддержки присущи участникам выборов, электоральное районирование которых создаёт географический раскол с голосованием за доминирующую партию (табл. 7). Географические общности зафиксированы между электоральными районированиями участников выборов как одних и тех же, так и разных лет.

Таблица 7.3 – Географические общности электоральной поддержки на выборах в Госдуму 2003-2016 гг. в Калининградской области по уровню влияния в порядке убывания

Партия	Партия	Коэффициент корреляции голосования
СПС (2003 г.)	«Яблоко» (2007 г.)	$r = 0,94$
СПС (2003 г.)	«Яблоко» (2011 г.)	$r = 0,92$
«Родина» (2003 г.)	«Яблоко» (2003 г.)	$r = 0,92$
«Яблоко» (2016 г.)	«Родина» (2016 г.)	$r = 0,91$
«Яблоко» (2007 г.)	Партия Роста (2016 г.)	$r = 0,9$
«Яблоко» (2003 г.)	СПС (2003 г.)	$r = 0,89$
СПС (2003 г.)	Партия Роста (2016 г.)	$r = 0,89$
СПС (2003 г.)	«Родина» (2016 г.)	$r = 0,89$
«Яблоко» (2016 г.)	Партия Роста (2016 г.)	$r = 0,88$
«Яблоко» (2007 г.)	«Родина» (2016 г.)	$r = 0,85$
ПР (2011 г.)	«Яблоко» (2011 г.)	$r = 0,84$
«Яблоко» (2011 г.)	«Родина» (2016 г.)	$r = 0,84$
«Против всех» (2003 г.)	СПС (2003 г.)	$r = 0,84$
«Яблоко» (2011 г.)	ПР (2011 г.)	$r = 0,84$
КПРФ (2007 г.)	«Яблоко» (2007 г.)	$r = 0,83$
«Против всех» (2003 г.)	«Яблоко» (2003 г.)	$r = 0,8$
РПП (2003 г.)	ПР (2007 г.)	$r = 0,8$
СПС (2003 г.)	ПР (2011 г.)	$r = 0,78$
Партия Роста (2016 г.)	«Родина» (2016 г.)	$r = 0,78$
«Против всех» (2003 г.)	«Яблоко» (2016 г.)	$r = 0,78$
«Против всех» (2003 г.)	«Родина» (2016 г.)	$r = 0,78$
КПРФ (2011 г.)	«Яблоко» (2011 г.)	$r = 0,77$
«Родина» (2003 г.)	СПС (2003 г.)	$r = 0,76$
«Яблоко» (2003 г.)	«Родина» (2016 г.)	$r = 0,76$
«Против всех» (2003 г.)	«Яблоко» (2011 г.)	$r = 0,76$
«Яблоко» (2003 г.)	Партия Роста (2016 г.)	$r = 0,75$
«Яблоко» (2003 г.)	ПР (2016 г.)	$r = 0,75$
«Родина» (2003 г.)	«Яблоко» (2007 г.)	$r = 0,74$
СПС (2003 г.)	ПР (2016 г.)	$r = 0,73$
КПРФ (2007 г.)	«Яблоко» (2016 г.)	$r = 0,73$
СПС (2003 г.)	КПРФ (2007 г.)	$r = 0,71$
«Яблоко» (2007 г.)	ПР (2016 г.)	$r = 0,71$
КПРФ (2007 г.)	«Яблоко» (2011 г.)	$r = 0,71$
ПР (2011 г.)	«Родина» (2016 г.)	$r = 0,7$
ПР (2011 г.)	«Яблоко» (2016 г.)	$r = 0,69$
«Против всех» (2003 г.)	КПРФ (2007 г.)	$r = 0,69$
ЕР (2003 г.)	АПР (2003 г.)	$r = 0,69$
ПР (2016 г.)	«Родина» (2016 г.)	$r = 0,68$
КПРФ (2011 г.)	«Яблоко» (2007 г.)	$r = 0,68$
ПР (2016 г.)	«Яблоко» (2016 г.)	$r = 0,67$
ПР (2011 г.)	«Яблоко» (2007 г.)	$r = 0,67$
КПРФ (2011 г.)	«Родина» (2016 г.)	$r = 0,67$

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

В 2003 г. схожее электоральное районирование было присуще АПР и ЕР ($r = 0,69$), так как районами повышенной электоральной поддержки этих партий являлись преимущественно сельские районы области. При этом мотивация голосования за них в сельской местности отличается. Электоральная поддержка доминирующей партии связана с высоким влиянием традиционной модели голосования в этой местности [36, с. 15], предполагающей поддержку любой действующей власти. Подобная специфика свойственна сельской местности Калининградской области во все годы проведения избирательных кампаний. Калининградские исследователи [2; 3; 41] отмечали, что в 1990-х – начале 2000-х гг. в этих районах активно поддерживали коммунистов (по инерции), а также действующего в 1996-2000 гг. губернатора Л.П. Горбенко. Электоральная поддержка АПР в сельской местности является проявлением классового голосования, когда избиратели делают свой выбор, исходя из своей классовой принадлежности (в данном случае к аграриям).

По итогам обнаружения всех проявлений географической специфики электоральных районирований в Калининградской области подведены следующие результаты:

– Географическая общность электоральной поддержки характерна для двух основных групп политических сил. Первая группа – доминирующая партия в лице ЕР и её кандидаты на пост Президента РФ (В.В. Путин и Д.А. Медведев). Вторая группа объединяет широкий идеологический спектр участников выборов: партии КПРФ (с 2007 г.), Партия Роста, ПР (в 2011 г.), «Родина», СПС, кандидатов на пост Президента РФ С.Ю. Глазьева, Г.А. Зюганова (с 2008 г.), М.Д. Прохорова и И.М. Хакамады. Эти группы формируют между собой географический раскол электорального районирования в Калининградской области. Эти факты отражают наличие значительной поляризации географии двух типов голосования.

– Голосование за партии в ЛДПР и СР, а также за их руководителей не обладает практически никакой географической спецификой. Их электоральному

районированию присуща географическая обособленность в Калининградской области. ЛДПР и СР объединяет схожее положение в партийной системе страны. Они не обладают статусом доминирующей партии, но вполне лояльно относятся к действующей власти [5, с. 115]. СР с момента её появления в 2006 г. выступала с поддержкой Президента РФ, затем стала позиционировать себя в качестве оппозиционной силы [51, с. 155]. В результате в Калининградской области у СР и её лидера не сформировался устойчивый модернистски или традиционалистски настроенный электорат. Роль ЛДПР в политической жизни страны характеризуется объединением вокруг неё на выборах неустойчивого маргинального электората [51, с. 158-159; 106]. Это, а также иррациональность голосования за ЛДПР и её лидера [36, с. 28] – основные причины того, что их география голосования демонстрирует обособленность в Калининградской области.

3.3. Структурная динамика электорального пространства Калининградской области

Для выявления структурной динамики электорального пространства в исследовании рассчитан коэффициент корреляции между голосованием в муниципальных образованиях Калининградской области за одну и ту же партию и её представителей на федеральных выборах (президентских и парламентских) разных лет. Сильная положительная корреляция ($r > 0,7$) указывает на устойчивость электорального районирования и позволяет утверждать о географической устойчивости электората.

Электоральное районирование доминирующей партии и её кандидатов в Президенты РФ в Калининградской области обладает довольно высокой устойчивостью (табл. 8). Подобная стабильность электорального районирования ЕР существует и федеральном уровне [97, с. 115].

Таблица 8.3 – Корреляционные связи голосования за доминирующую партию и её представителей на федеральных выборах в Калининградской области (2003-2016 гг.)

Голосование	ЕР (2003 г.)	В.В. Путин (2004 г.)	ЕР (2007 г.)	Д.А. Медведев (2008 г.)	ЕР (2011 г.)	В.В. Путин (2012 г.)	ЕР (2016 г.)
ЕР (2003 г.)	«←»	0,89	0,66	0,64	0,51	0,73	0,64
В.В. Путин (2004 г.)	0,89	«←»	0,81	0,67	0,47	0,7	0,6
ЕР (2007 г.)	0,66	0,81	«←»	0,93	0,69	0,78	0,62
Д.А. Медведев (2008 г.)	0,64	0,67	0,93	«←»	0,69	0,7	0,59
ЕР (2011 г.)	0,51	0,47	0,69	0,69	«←»	0,79	0,64
В.В. Путин (2012 г.)	0,73	0,7	0,78	0,7	0,79	«←»	0,58
ЕР (2016 г.)	0,64	0,6	0,62	0,59	0,64	0,58	«←»

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Современное электоральное районирование КПРФ и её кандидатов в Президенты РФ в Калининградской области оформилось примерно с 2007 г. (табл. 9). Подобный процесс происходил и на федеральном уровне, но на один электоральный цикл ранее, чем в Калининградской области [97, с. 114]. Это связано с изменением роли КПРФ в политической системе России. До выборов 2007 г. коммунисты выступали в качестве одной из оппозиционных сил, представляющей отдельный идеологический спектр. Начиная с выборов 2007 г., КПРФ и её представители стали выступать в статусе второго по влиянию политического игрока и главной оппозиционной силы страны. Эти перемены оказали непосредственное влияние на электоральное районирование. Повышенная электоральная поддержка коммунистов охватывает районы Калининградской области, где ранее присутствовал более высокий уровень голосования за оппозиционные силы иных идеологических спектров (либерального и демократического).

Таблица 9.3 – Корреляционные связи голосования за коммунистов на федеральных выборах в Калининградской области (2003-2016 гг.)

Голосование	КПРФ (2003 г.)	Н.М. Харитонов (2004 г.)	КПРФ (2007 г.)	Г.А. Зюганов (2008 г.)	КПРФ (2011 г.)	Г.А. Зюганов (2012 г.)	КПРФ (2016 г.)
КПРФ (2003 г.)	«←»	0,74	0,54	0,43	0,28	0,37	0,43
Н.М. Харитонов (2004 г.)	0,74	«←»	0,49	0,5	0,25	0,39	0,43
КПРФ (2007 г.)	0,54	0,49	«←»	0,8	0,73	0,69	0,59
Г.А. Зюганов (2008 г.)	0,43	0,5	0,8	«←»	0,75	0,75	0,7
КПРФ (2011 г.)	0,28	0,25	0,73	0,75	«←»	0,87	0,79
Г.А. Зюганов (2012 г.)	0,37	0,39	0,69	0,75	0,87	«←»	0,82
КПРФ (2016 г.)	0,43	0,43	0,59	0,7	0,79	0,82	«←»

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Электоральному районированию ЛДПР в Калининградской области свойственна высокая нестабильность, несмотря на длительное существование партии (табл. 10).

Таблица 10.3 – Корреляционные связи голосования за ЛДПР и её представителей на федеральных выборах в Калининградской области (2003-2016 гг.)

Голосование	ЛДПР (2003 г.)	О.А. Малышкин (2004 г.)	ЛДПР (2007 г.)	В.В. Жириновский (2008 г.)	ЛДПР (2011 г.)	В.В. Жириновский (2012 г.)	ЛДПР (2016 г.)
1	2	3	4	5	6	7	8
ЛДПР (2003 г.)	«←»	-	0,4	0,15	0,34	0,29	0,1
О.А. Малышкин (2004 г.)	-	«←»	-0,22	-	-	0,18	0,41
ЛДПР (2007 г.)	0,4	-0,22	«←»	0,59	0,71	0,52	0,31
В.В. Жириновский (2008 г.)	0,15	-	0,59	«←»	0,7	0,59	0,38

Продолжение таблицы 10.3

1	2	3	4	5	6	7	8
ЛДПР (2011 г.)	0,34	-	0,71	0,7	«←»	0,82	0,45
В.В. Жириновский (2012 г.)	0,29	0,18	0,52	0,59	0,82	«←»	0,58
ЛДПР (2016 г.)	0,1	0,41	0,31	0,38	0,45	0,58	«←»

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

При этом на федеральном уровне ЛДПР обладает наибольшей географической устойчивостью электоральной поддержки среди основных российских партий ещё с периода 1990-х гг. [97, с. 115].

Электоральному районированию СР и её лидера также присуща нестабильность (табл. 11). На федеральном уровне электоральное районирование партии демонстрирует определённую стабильность [97, с. 115].

Таблица 11.3 – Корреляционные связи голосования за партию «Справедливая Россия» и С.М. Миронова на федеральных выборах в Калининградской области (2007-2016 гг.)

Голосование	СР (2007 г.)	СР (2011 г.)	С.М. Миронов (2012 г.)	СР (2016 г.)
СР (2007 г.)	«←»	0,41	0,73	0,32
СР (2011 г.)	0,41	«←»		0,48
С.М. Миронов (2012 г.)	0,73	0,75	«←»	0,52
СР (2016 г.)	0,32	0,48	0,52	«←»

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Электоральное районирование «Яблоко» оценивается как наиболее стабильное (табл. 12). В течение исследуемого периода электоральная поддержка партии обладает фактически идентичной географической спецификой в Калининградской области. Трактовать данный факт можно по-разному. С одной стороны партия обладает очень стабильной электоральной поддержкой у определённого территориального сообщества, с другой – «Яблоко» в течение

длительного времени не сумела приобрести существенную электоральную поддержку в других районах Калининградской области.

Таблица 12.3 – Корреляционные связи голосования за партию «Яблоко» на федеральных выборах в Калининградской области (2003-2016 гг.)

Голосование за «Яблоко»	«Яблоко» (2003 г.)	«Яблоко» (2007 г.)	«Яблоко» (2011 г.)	«Яблоко» (2016 г.)
«Яблоко» (2003 г.)	«←»	0,87	0,76	0,78
«Яблоко» (2007 г.)	0,87	«←»	0,93	0,95
«Яблоко» (2011 г.)	0,76	0,93	«←»	0,95
«Яблоко» (2016 г.)	0,78	0,95	0,95	«←»

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Электоральное районирование ПР в 2007 и 2011 гг. обладало высокой схожестью, однако в 2016 г. оно существенно изменилось (табл. 13)

Таблица 13.3 – Корреляционные связи голосования за партию «Патриоты России» на федеральных выборах в Калининградской области (2003-2016 гг.)

Голосование за ПР	ПР (2007 г.)	ПР (2011 г.)	ПР (2016 г.)
ПР (2007 г.)	«←»	0,85	0,55
ПР (2011 г.)	0,85	«←»	0,49
ПР (2016 г.)	0,55	0,49	«←»

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Голосование за другие политические силы не позволяет проанализировать их электоральные районирования на признак стабильности по причине низкого количества избирательных кампаний, в которых они приняли участие: «Родина» и РПП (две избирательные кампании).

Анализ структурной динамики электорального пространства демонстрирует, что у ЕР, КПРФ (с 2007 г.) и в особенности у «Яблоко» в течение исследуемого периода сформировались стабильные электоральные районирования в Калининградской области. Предположительно, это связано с их сложившейся ролью в политической системе России. У ЛДПР и СР не сформировалось устойчивое электоральное районирование в Калининградской

области. Возможно, это связано с тем, что эти партии не определили своё место в формате политических взаимоотношений «власть-оппозиция». Поэтому их электоральное районирование обособлено в Калининградской области.

Наличие стабильных и неустойчивых структур электорального пространства учтено при формировании электоральной карты региона.

3.4. Типы голосования в Калининградской области

В рамках применённой в исследовании модели «центр-периферия» выделено два типа голосования в Калининградской области, обладающих территориальным выражением [31, с. 27]:

– Традиционалистский тип, характеризующийся проявлением консервативных тенденций (в российских реалиях обозначает голосование за доминирующую партию). Согласно модели «центр-периферия» данный тип голосования свойственен периферии.

– Модернистский тип, который в российских условиях означает поддержку политических сил, выступающих за обновление государственной системы. В соответствии с теоретическими основами модели «центр-периферия» этот тип голосования свойственен центру.

Учитывая эти теоретические положения, к традиционалистскому типу голосования в Калининградской области относится поддержка доминирующей партии и её представителей на федеральных выборах.

Определив наличие географических расколов и общностей электоральной поддержки, выявив структурную динамику электорального пространства и дифференциацию голосования, выделены подтипы модернистского голосования в Калининградской области:

– **Радикально-модернистское голосование**, географические признаки: сильнейший географический раскол с традиционалистским голосованием, самая

высокая дифференциация голосования, географическая компактность электорального районирования. Политические характеристики: голосование за партии «Родина», Партия Роста, СПС, «Яблоко», кандидатов на пост Президента РФ С.Ю. Глазьева, М.Д. Прохорова, И.М. Хакамаду и кандидата «Против всех». Условия проявления: наличие широкого числа участников выборов различных идеологических спектров (2003, 2004, 2012, 2016 гг.).

– **Умеренно-модернистское голосование**, географические признаки: сильный географический раскол с традиционалистским голосованием, дифференциация голосования на низком уровне. Политические характеристики: поддержка коммунистов. Условия проявления аналогичны условиям, характерным для радикально-модернистского голосования.

– **Смешанное модернистское голосование** – комбинированная форма двух предыдущих. Географические признаки: сильный географический раскол с традиционалистским голосованием, средняя вариация голосования. Политические характеристики: поддержка сильнейшего оппозиционного участника выборов, а также сил, обладающих с ним схожим электоральным районированием. Условия проявления: узость политического выбора избирателя, в результате чего протестно настроенные жители голосуют за наиболее влиятельную оппозиционную силу (в данном случае за КПРФ и её представителей).

Названия этих подтипов являются условными. Термины «радикальный» и «умеренный» характеризуют не политическую или идеологическую составляющую, а географическую. То есть рассматривается уровень географического раскола с традиционалистским голосованием. Тот подтип, где раскол сильнее, получил название радикально-модернистского, тот, где слабее – умеренно-модернистского.

Опираясь на полученные в результате расчётов статистические вычисления, в основу электоральной типологии муниципальных образований Калининградской области положены следующие показатели (табл. 14).

В данном исследовании впервые положен принцип кластеризации участников выборов не по идеологическому принципу, а, исходя из общности их электорального районирования.

Таблица 14.3 – Показатели, положенные в основу электоральной типологии муниципальных образований Калининградской области

Федеральные выборы	Традиционалистский тип	Умеренно-модернистский подтип	Смешанный модернистский подтип	Радикально-модернистский подтип
2003 г.	ЕР	КПРФ	«←»	«Яблоко», «Родина», «Против всех», СПС
2004 г.	В.В. Путин	Н.М. Харитонов	«←»	С.Ю. Глазьев, И.М. Хакамада
2007 г.	ЕР	«←»	КПРФ, «Яблоко»	«←»
2008 г.	Д.А. Медведев	«←»	Г.А. Зюганов	«←»
2011 г.	ЕР	«←»	КПРФ, «Яблоко», ПР	«←»
2012 г.	В.В. Путин	Г.А. Зюганов	«←»	М.Д. Прохоров
2016 г.	ЕР	КПРФ	«←»	«Яблоко», «Родина», Партия Роста

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Результаты на выборах ЛДПР и СР учтены для выявления электорального районирования этих партий.

3.5. Электоральная карта Калининградской области

Основным электоральным расколом, фиксируемым в России на федеральном и региональном уровнях, является раскол по принципу город-село. Фактор его влияния на электоральное районирование России учитывается исследователями [42; 93] в различных аспектах [73; 97]. Признаки наличия этого раскола были обнаружены и в исследованиях калининградских учёных [2; 3; 41] периода 1990-х – начала 2000-х гг.

Поэтому в данном исследовании проведена группировка муниципальных образований Калининградской области, исходя из уровня их урбанизации (рис. 3).

В соответствии с этой кластеризацией муниципальных образований проведён анализ специфики в них электоральных предпочтений:

– Муниципальные образования с подавляющим большинством городского населения, где доля горожан – 95% и более от общего количества жителей (Балтийский район, Светлогорский район, ГО город Калининград, Ладушкинский ГО, Мамоновский ГО, Пионерский ГО и Советский ГО).

– Муниципальные образования с преобладающим городским населением, где доля горожан составляет от 75% до 85% (Гусевский ГО, Светловский ГО, Черняховский ГО и Янтарный ГО).

– Муниципальные образования со смешанным населением, где доля городских жителей составляет от 45% до 60% (Гвардейский ГО, Зеленоградский ГО, Неманский ГО, Полесский ГО и Правдинский ГО).

– Муниципальные образования с преобладающим сельским населением, где доля горожан составляет менее 40% (Нестеровский район, Багратионовский ГО, Гурьевский ГО, Краснознаменский ГО, Озёрский ГО и Славский ГО).

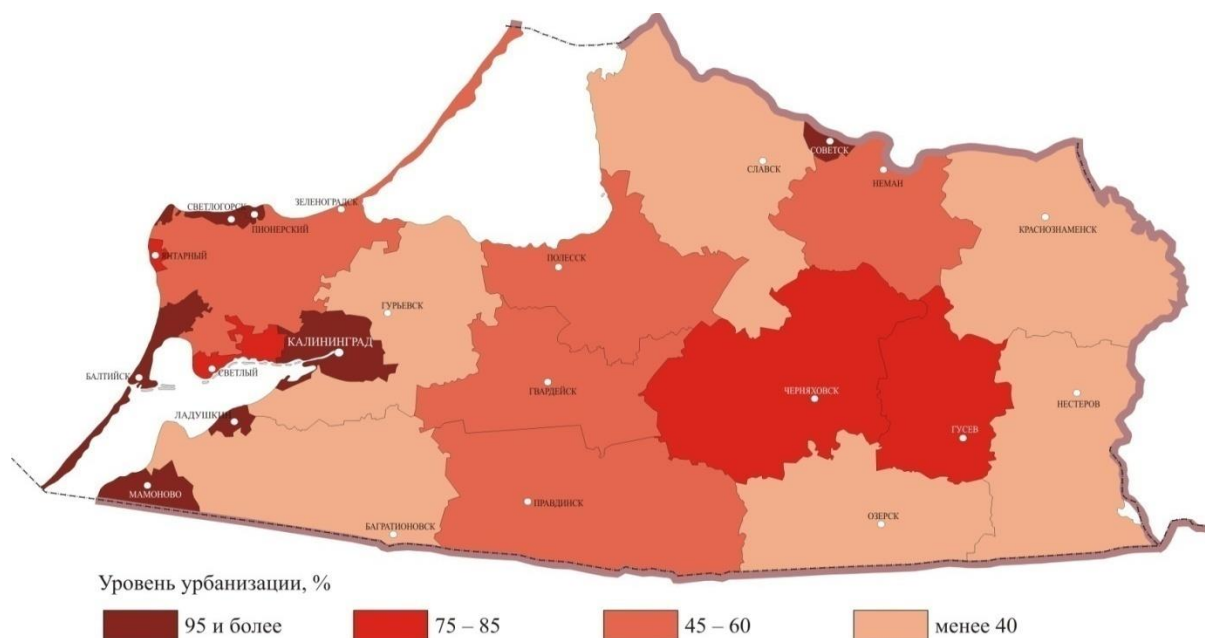

Рисунок 3.3 – Группировка муниципальных образований Калининградской области по уровню урбанизации

Составлено автором при использовании данных Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области [37]

В ряде работ [57; 66; 80] в качестве факторов, влияющих на электоральную специфику, выделяют социально-экономические показатели. Поэтому в этом исследовании учитывалась группировка муниципальных образований Калининградской области согласно особенностям их социально-экономического развития на 2013 г., разработанная Т.Ю. Кузнецовой [53, с. 22-23] (рис. 4).

Группировка производилась на основе данных о плотности населения, уровне безработицы, величине средней заработной платы и количества лиц с высшим образованием на 1000 жителей. В результате иерархической кластеризации было выделено пять групп муниципальных образований, различающихся по уровню социально-экономического развития [53, с. 22-23]:

– Калининградская городская агломерация (ГО город Калининград, Балтийский район, Гурьевский ГО, Светловский ГО), для которой характерна низкая безработица, высокая доля людей с высшим образованием, уровень заработной платы выше среднеобластной.

– Приморские территории (Светлогорский район, Зеленоградский ГО, Пионерский ГО, Янтарный ГО).

– Малые городские округа (Ладушкинский ГО, Мамоновский ГО, Советский ГО).

– Полупериферия (Багратионовский ГО, Гвардейский ГО, Гусевский ГО, Полесский ГО, Черняховский ГО).

– Приграничная периферия (Нестеровский район, Краснознаменский ГО, Неманский ГО, Озёрский ГО, Правдинский ГО, Славский ГО), которой присуща высокая безработица, низкий образовательный уровень трудовых ресурсов и низкая заработная плата.

Приморские территории, малые городские округа и полупериферия занимают в этой кластеризации промежуточное положение между Калининградской городской агломерацией и приграничной периферией. Приморские территории при этом по своим социально-экономическим

показателям ближе к Калининградской городской агломерации, а полупериферия – к приграничной периферии.

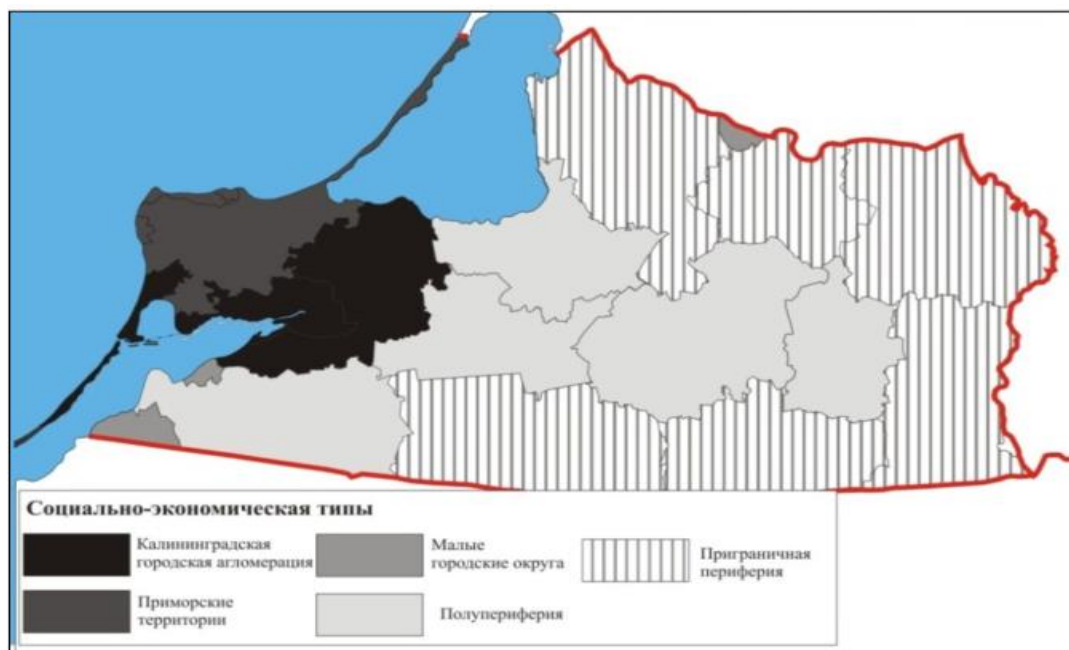

Рисунок 4.3 – Группировка муниципальных образований Калининградской области по особенностям социально-экономического развития

Источник: [53]

Электоральное районирование традиционалистского голосования в Калининградской области

Традиционалистское голосование в Калининградской области характеризуется поддержкой ЕР на выборах в Госдуму, а также Д.А. Медведева и В.В. Путина на президентских выборах.

В муниципальных образованиях с подавляющим большинством городского населения (за исключением Ладушкинского, Мамоновского и Советского ГО) зафиксирован стабильно низкий уровень голосования (табл. 15). В Советском ГО в начале века (на тот момент у муниципального образования был статус города) уровень традиционалистских настроений был на низком-среднем уровне, но, начиная с президентских выборов 2008 г., в нём сформировался высокий уровень.

Среди муниципальных образований с преобладающим городским населением выделено несколько специфик традиционалистского голосования (табл. 16). В Светловском ГО специфика схожа с той, что сформировалась в географически близких к нему муниципальных образованиях с высоким уровнем урбанизации и похожими социально-экономическими характеристиками. В Гусевском и Черняховском ГО фиксируется средний (промежуточный) уровень традиционалистского голосования. В 2011 г. в условиях сильного географического раскола электоральных предпочтений уровень традиционалистского голосования в Гусевском и Черняховском ГО заметно снизился. В Янтарном ГО не сформировалась устойчивая электоральная специфика традиционалистского голосования.

Среди муниципальных образований со смешанной структурой населения выделены две специфики традиционалистского голосования. В муниципальных образованиях, географически более близких к областному центру, сформировался средний уровень голосования (Гвардейский, Зеленоградский и Полесский ГО), в периферийных (Неманский и Правдинский ГО) – высокий (табл. 17).

Для муниципальных образований с преобладающим сельским населением характерна наиболее нестабильная специфика традиционалистского типа голосования (табл. 18). В них (за исключением Озёрского ГО) средний уровень зачастую чередуется с высоким. Проявления низкого уровня в сельской местности практически отсутствуют.

Таблица 15.3 – Уровни традиционалистского голосования в муниципальных образованиях Калининградской области с подавляющим большинством городского населения

МО/выборы	2003 г. X/Хср	2004 г. X/Хср	2007 г. X/Хср	2008 г. X/Хср	2011 г. X/Хср	2012 г. X/Хср	2016 г. X/Хср	За весь период
ГО г. Калининград	Крайне низкий (65,42%)	Низкий (86,04%)	Крайне низкий (80,91%)	Низкий (86,77%)	Крайне низкий (55,19%)	Крайне низкий (82,02%)	Крайне низкий (75,77%)	Стабильно низкий
Балтийский район	Низкий (86,41%)	Средний (98,26%)	Низкий (87,52%)	Низкий (90,62%)	Крайне низкий (80,17%)	Средний (97,19%)	Низкий (89,13%)	Стабильно низкий
Ладушкинский ГО	«←»	«←»	«←»	«←»	Крайне высокий (124,54%)	Средний (103,1%)	Средний (99,84%)	Нестабильный
Мамоновский ГО	«←»	«←»	«←»	«←»	Крайне высокий (164,45%)	Низкий (92,4%)	Крайне высокий (127,69%)	Нестабильный
Пионерский ГО	Низкий (89,9%)	Низкий (94,63%)	Крайне низкий (84,76%)	Низкий (87,03%)	Низкий (88,37%)	Низкий (89,69%)	Низкий (91,01%)	Стабильно низкий
Светлогорский район	Низкий (87,64%)	Низкий (93,15%)	Крайне низкий (82,68%)	Низкий (87,39%)	Крайне низкий (82,31%)	Низкий (90,99%)	Средний (98,82%)	Стабильно низкий
Советский ГО	Низкий (89,53%)	Средний (97,4%)	Средний (102,59%)	Высокий (105,2%)	Крайне высокий (145,45%)	Высокий (113,5%)	Средний (97,15%)	Высокий, трансформировавшийся из низкого

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Таблица 16.3 – Уровни традиционалистского голосования в муниципальных образованиях Калининградской области с преобладающим городским населением

МО/выборы	2003 г. X/Хср	2004 г. X/Хср	2007 г. X/Хср	2008 г. X/Хср	2011 г. X/Хср	2012 г. X/Хср	2016 г. X/Хср	За весь период
Гусевский ГО	Низкий (94,24%)	Низкий (93,06%)	Средний (102,1%)	Высокий (107,2%)	Низкий (93,32%)	Средний (100%)	Средний (100,39%)	Средний
Светловский ГО	Крайне низкий (84,41%)	Низкий (94,69%)	Низкий (86,94%)	Низкий (90,39%)	Крайне низкий (72,97%)	Низкий (89,83%)	Крайне низкий (81,45%)	Стабильно низкий
Черняховский ГО	Средний (96,13%)	Средний (97,4%)	Средний (98,9%)	Средний (95,69%)	Крайне низкий (80,32%)	Средний (97,79%)	Крайне низкий (82,85%)	Нестабильно средний
Янтарный ГО	«←»	«←»	«←»	«←»	Крайне низкий (74,5%)	Низкий (91,8%)	Крайне высокий (128,58%)	Нестабильный

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Таблица 17.3 – Уровни традиционалистского голосования в муниципальных образованиях Калининградской области со смешанным населением

МО/выборы	2003 г. X/Хср	2004 г. X/Хср	2007 г. X/Хср	2008 г. X/Хср	2011 г. X/Хср	2012 г. X/Хср	2016 г. X/Хср	За весь период
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Гвардейский ГО	Низкий (89,32%)	Средний (99,99%)	Средний (98,46%)	Средний (97,65%)	Крайне низкий (83,12%)	Средний (101,45%)	Средний (98,39%)	Средний
Зеленоградский ГО	Средний (100,58%)	Средний (101,21%)	Высокий (107,28%)	Высокий (106,61%)	Средний (104,56%)	Средний (99,74%)	Низкий (92,27%)	Средний
Полесский ГО	Высокий (107,28%)	Средний (104,69%)	Средний (104,43%)	Высокий (105,73%)	Низкий (90,03%)	Средний (101,66%)	Средний (98,78%)	Средний

Продолжение таблицы 17.3

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Неманский ГО	Высокий (112,31%)	Средний (100,9%)	Высокий (104,95%)	Средний (102,87%)	Крайне высокий (137,54%)	Высокий (112,21%)	Высокий (112,06%)	Высокий
Правдинский ГО	Крайне высокий (122,77%)	Высокий (106,95%)	Высокий (105,51%)	Высокий (105,13%)	Средний (99,35 %)	Средний (103,3%)	Средний (101, 59%)	Нестабиль но высокий

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Таблица 18.3 – Уровни традиционалистского голосования в муниципальных образованиях Калининградской области с преобладающим сельским населением

МО/выборы	2003 г. X/Xcp	2004 г. X/Xcp	2007 г. X/Xcp	2008 г. X/Xcp	2011 г. X/Xcp	2012 г. X/Xcp	2016 г. X/Xcp	За весь период
Багратионовский ГО	Высокий (106,63%)	Средний (103,73%)	Высокий (106,63%)	Высокий (111,1%)	Низкий (87,63%)	Высокий (106,77%)	Средний (97,84%)	Нестабильно высокий
Гурьевский ГО	Средний (97%)	Средний (103,56%)	Высокий (111,88%)	Высокий (108,98%)	Крайне высокий (119,87%)	Средний (96,18%)	Крайне высокий (115, 95%)	Нестабильно высокий
Краснознаменский ГО	Высокий (111,89%)	Средний (101,21%)	Высокий (108,24%)	Средний (103,1%)	Высокий (112,7%)	Высокий (104,73%)	Средний (94,69%)	Нестабильно высокий
Нестеровский район	Крайне высокий (122,19%)	Высокий (109,68%)	Высокий (106,93%)	Средний (103,23%)	Средний (96,29%)	Высокий (104,99%)	Высокий (105,02%)	Высокий
Озёрский ГО	Крайне высокий (125,35%)	Высокий (106,5%)	Высокий (109,43%)	Средний (101,69%)	Высокий (109,38%)	Высокий (111%)	Высокий (112,57%)	Стабильно высокий
Славский ГО	Высокий (111,1%)	Высокий (106,97%)	Высокий (109,75%)	Средний (104,22%)	Средний (97,97%)	Высокий (109,69%)	Средний (101,02%)	Нестабильно высокий

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Все муниципальные образования Калининградской области (за исключением Ладушкинского, Мамоновского и Янтарного ГО) разделены в соответствии с устоявшимся в них уровнем традиционалистского голосования на муниципальные образования с низким, средним и высоким уровнем (рис. 5). Выделены характерные для них географические и социально-экономические особенности, вследствие которых сформировалась электоральная специфика.

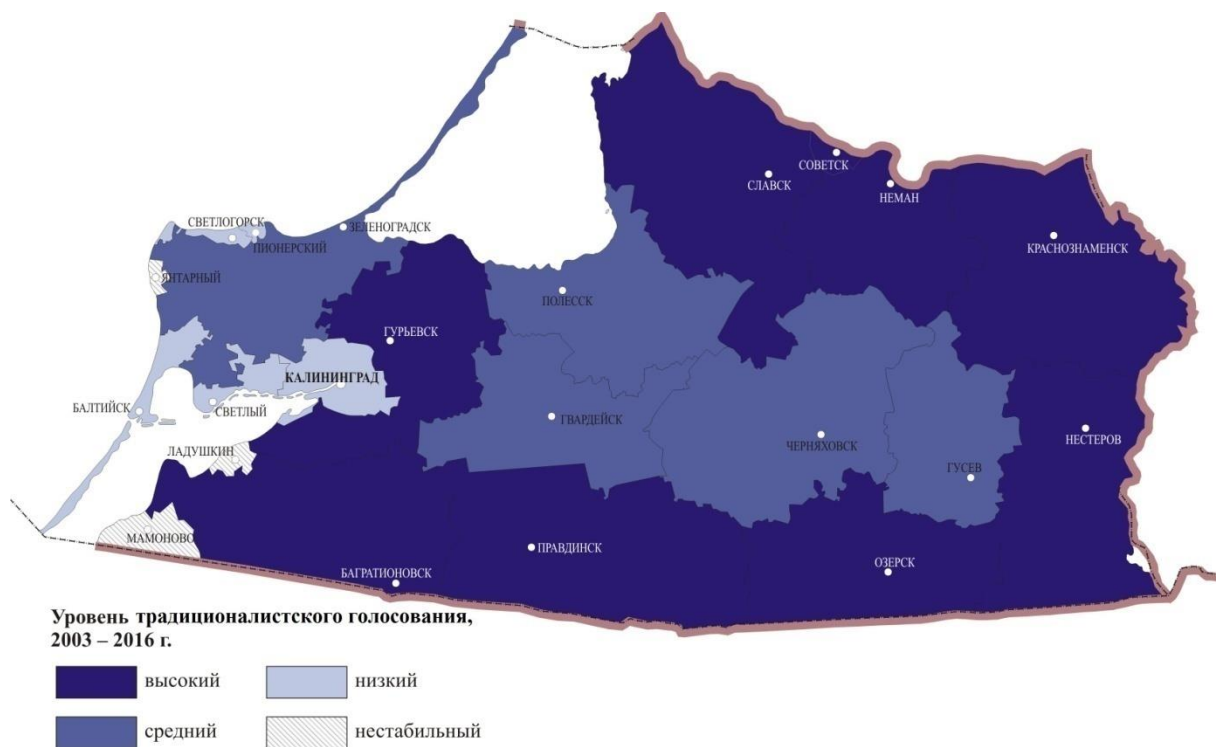

Рисунок 5.3 – Уровни традиционалистского голосования в Калининградской области на федеральных выборах 2003-2016 гг.

Муниципальные образования с низким уровнем традиционалистского голосования (ГО г. Калининград, Пионерский ГО, Светловский ГО, Балтийский и Светлогорский районы) объединяют самые высокие уровни урбанизации и экономического развития по Калининградской области [53, с. 22]. Согласно модели «центр-периферия» именно такие электоральные и социально-экономические характеристики присущи центру [31, с. 26].

При этом наиболее выражено данная специфика голосования проявляется в ГО г. Калининград. По мнению Н.В. Зубаревич, наиболее высокий уровень протестных настроений свойственен именно типу крупных неиндустриальных

городов России с высокой долей креативного класса [42, с. 143], к которому можно определить Калининград. Усилению политической конкуренции в нём способствует и традиционная для областных центров развитость средств массовой информации [54].

Муниципальные образования, обладающие наиболее схожими с областным центром социально-экономическими показателями, находясь в географической близости к нему, в целом повторяют специфику традиционалистского голосования, сложившуюся в нём.

Общей географической характеристикой муниципальных образований данного кластера является наличие выхода к морю, поэтому включающий их электоральный район условно назван приморским.

Муниципальные образования со средним уровнем традиционалистского голосования (Гвардейский, Гусевский, Зеленоградский, Полесский и Черняховский ГО) географически занимают центральное географическое местоположение в Калининградской области (за исключением Зеленоградского района). Данные муниципальные образования подразделяются на муниципальные образования со смешанной структурой населения (Гвардейский, Зеленоградский и Полесский ГО) и муниципальные образования с преобладающей долей городского населения (Гусевский и Черняховский ГО). Все эти муниципальные образования (исключение – Зеленоградский ГО) по социально экономическим показателям являются частью полупериферии [53, с. 22]. Таким образом, промежуточное социально-экономическое положение этих муниципальных образований в Калининградской области сочетается со средним уровнем проявления традиционалистского голосования.

Муниципальные образования с преобладающей долей сельского населения (Нестеровский район, Багратионовский, Гурьевский, Краснознаменский, Озёрский и Славский ГО), муниципальные образования со смешанной структурой населения, находящиеся на периферии Калининградской области (Неманский и Правдинский ГО) и Советский ГО, также находящийся на периферии, отличаются самым высоким уровнем традиционалистского голосования. Все они (за

исключением Багратионовского и Советского ГО) по социально-экономическому развитию относятся к приграничной периферии. Им свойственна наибольшая нестабильность традиционалистского голосования – высокий уровень нередко чередуется со средним. К примеру, Советский ГО, бывший в 1990-е гг. оплотом коммунистов на выборах [2], со временем трансформировался в муниципальное образование, где активно поддерживают доминирующую партию. Таким образом, Советский ГО, географически окружённый сельской местностью, перенимает специфику электоральных предпочтений, характерную для села. В 1990-е гг., а также в начале 2000-х гг. сельские жители в отсутствие сильной партии, представляющей действующую власть, по инерции поддерживали коммунистов как преемников КПСС [36, с. 19]. ЕР, появившись в политической системе страны, сплотила вокруг себя приверженцев традиционалистского типа голосования, потеснив КПРФ [34, с. 101].

В соответствии с электоральной спецификой и социально-экономическими особенностями данные муниципальные образования наиболее точно подходят под понятие «периферия» в модели «центр-периферия».

Электоральное районирование умеренно-модернистского голосования в Калининградской области

На федеральных выборах 2003-2004, 2012-2016 гг. на электоральное пространство Калининградской области оказывал влияние умеренно-модернистский подтип голосования. Его политической особенностью является электоральная поддержка коммунистов. В эти годы коммунисты не были единственной влиятельной альтернативой действующей власти на выборах, так как спектр политических сил отличался высоким многообразием. Поэтому КПРФ и её кандидаты в Президенты РФ не могли мобилизовать вокруг себя подавляющую часть протестно настроенных избирателей.

В ГО г. Калининград, Пионерском ГО и Светлогорском районе умеренно-модернистское голосование в течение всего периода находится на стабильно высоком уровне. В других муниципальных образованиях с подавляющим большинством городского населения проявление этого голосования нестабильно.

В Советском ГО уровень трансформировался из крайне высокого в низкий, в Балтийском районе – из крайне низкого в высокий. Это опровергает стереотип о наличии устойчивого электората КПРФ [97, с. 104]. В Ладушкинском и Мамоновском ГО уровень рассматриваемого голосования крайне нестабилен (табл. 19).

Таблица 19.3 – Уровни умеренно-модернистского голосования в муниципальных образованиях Калининградской области с подавляющим большинством городского населения

МО/выборы	2003 г. X/Хср	2004 г. X/Хср	2012 г. X/Хср	2016 г. X/Хср	За весь период
ГО Калининград г.	Крайне высокий (126,68%)	Крайне высокий (116,58%)	Высокий (115,59%)	Крайне высокий (121,71%)	Стабильно высокий
Балтийский район	Крайне низкий (83,96%)	Крайне низкий (83,7%)	Низкий (93,31%)	Высокий (110,3%)	Высокий, трансформировавшийся из крайне низкого
Ладушкинский ГО	«←»	«←»	Низкий (86,22%)	Средний (99,45%)	Нестабильный
Мамоновский ГО	«←»	«←»	Крайне высокий (120,81%)	Крайне низкий (81,38%)	Нестабильный
Пионерский ГО	Высокий (112,22%)	Высокий (113,22%)	Высокий (113,98%)	Крайне высокий (130,19%)	Стабильно высокий
Светлогорский район	Высокий (110,82%)	Высокий (108,15%)	Высокий (109,45%)	Высокий (109,83%)	Стабильно высокий
Советский ГО	Крайне высокий (121,27%)	Крайне высокий (116,85%)	Низкий (89,64%)	Средний (95,8%)	Низкий, трансформировавшийся из крайне высокого

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Среди муниципальных образований с преобладающим городским населением выделяются Гусевский и Черняховский ГО. Уровень умеренно-модернистского голосования в них стабильно высок на протяжении всего исследуемого периода. В Светловском ГО уровень трансформировался из низкого в высокий (табл. 20). Это связано с кризисом, охватившим в начале 2000-х демократические силы [56], чьи позиции были ранее традиционно сильны в Светловском ГО [2; 3; 41]. В итоге протестно настроенные избиратели в отсутствие демократической альтернативы стали поддерживать основную

оппозиционную силу в лице КПРФ. В Янтарном ГО голосование демонстрирует высокую нестабильность.

Таблица 20.3 – Уровни умеренно-модернистского голосования в муниципальных образованиях Калининградской области с преобладающим городским населением

МО/выборы	2003 г. X/Xср	2004 г. X/Xср	2012 г. X/Xср	2016 г. X/Xср	За весь период
Гусевский ГО	Крайне высокий (126,87%)	Крайне высокий (140,58%)	Средний (101,46%)	Высокий (114,34%)	Высокий
Светловский ГО	Низкий (89,18%)	Низкий (90,85%)	Высокий (112,27%)	Крайне высокий (115,93%)	Высокий, трансформировавшийся из низкого
Черняховский ГО	Средний (103,92%)	Крайне высокий (116,76%)	Крайне высокий (117,5%)	Крайне высокий (141,05%)	Высокий
Янтарный ГО	«←»	«←»	Крайне высокий (119,96%)	Крайне низкий (71%)	Нестабильный

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

В муниципальных образованиях со смешанной структуры населения, фиксируются различные уровни проявления умеренно-модернистского голосования (табл. 21). Для Гвардейского ГО на протяжении всего времени характерен высокий уровень голосования. В Полесском ГО к избирательным кампаниям 2012-2016 гг. установился средний уровень, в остальных – высокий. При этом если для Гвардейского, Зеленоградского и Правдинского ГО присуща стабильность проявления данной электоральной специфики, то для остальных муниципальных образований кластера характерна её неустойчивость.

Таблица 21.3 – Уровни умеренно-модернистского голосования в муниципальных образованиях Калининградской области со смешанным населением

МО/выборы	2003 г. X/Xср	2004 г. X/Xср	2012 г. X/Xср	2016 г. X/Xср	За весь период
1	2	3	4	5	6
Гвардейский ГО	Высокий (105,69%)	Высокий (105,34%)	Высокий (106,39%)	Высокий (112,76%)	Высокий

1	2	3	4	5	6
Зеленоградский ГО	Средний (100,93%)	Низкий (87,95%)	Низкий (93,87%)	Низкий (94,22%)	Низкий
Неманский ГО	Средний (104,1%)	Высокий (112,32%)	Крайне низкий (84,46%)	Крайне низкий (72,03%)	Низкий, трансформировавшийся из высокого
Полесский ГО	Низкий (91,79%)	Низкий (85,51%)	Средний (101,61%)	Средний (98,18%)	Средний, трансформировавшийся из низкого
Правдинский ГО	Низкий (90,39%)	Низкий (93,48%)	Средний (97,08%)	Средний (104,04%)	Средний, трансформировавшийся из низкого

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

В муниципальных образованиях с преобладающей долей сельского населения (кроме Краснознаменского ГО) фиксируется низкий уровень проявления умеренно-модернистского голосования (табл. 22).

Таблица 22.3 – Уровни умеренно-модернистского голосования в муниципальных образованиях Калининградской области с преобладающим сельским населением

МО/выборы	2003 г. X/Хср	2004 г. X/Хср	2012 г. X/Хср	2016 г. X/Хср	За весь период
Багратионовский ГО	Средний (97,29%)	Крайне низкий (79,98%)	Низкий (91,35%)	Низкий (91,28%)	Низкий
Гурьевский ГО	Крайне низкий (76,77%)	Крайне низкий (71,74%)	Низкий (93,56%)	Крайне низкий (80,27%)	Низкий
Краснознаменский ГО	Средний (95,15%)	Высокий (108,79%)	Средний (102,82%)	Средний (100,4%)	Средний
Нестеровский район	Крайне низкий (55,5%)	Крайне низкий (82,52%)	Крайне низкий (83,06%)	Крайне низкий (79,71%)	Крайне низкий
Озёрский ГО	Низкий (94,03%)	Средний (101,9%)	Крайне низкий (82,5%)	Крайне низкий (76,78%)	Низкий
Славский ГО	Высокий (112,97%)	Крайне низкий (83,88%)	Крайне низкий (83,11%)	Средний (100%)	Нестабильно низкий

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Высокий уровень умеренно-модернистского голосования в Калининградской области проявляется наиболее урбанизированных муниципальных образованиях (рис. 6). В ряде них произошла трансформация уровней в исследуемый период. К примеру, в Балтийском районе и Светловском ГО на рубеже 1990-х – начала 2000-х гг. активно поддерживали демократов, а голосование за коммунистов было на низком уровне [2; 3; 41]. Однако из-за системного кризиса, охватившего демократическое движение России [56], в этих муниципальных образованиях заметно усилились позиции КПРФ.

На этом фоне контрастирует электоральная поддержка коммунистов в сельской местности и на периферии Калининградской области. К 2003 г. КПРФ перестала пользоваться широкой поддержкой в сельских районах Калининградской области в отличие от периода 1990-х гг. [2; 3]. Подобный процесс происходил и в электоральной географии России: к этому времени исчез так называемый «красный пояс» регионов с высокой долей сельского населения, где коммунисты ранее пользовались повышенной поддержкой на выборах [34].

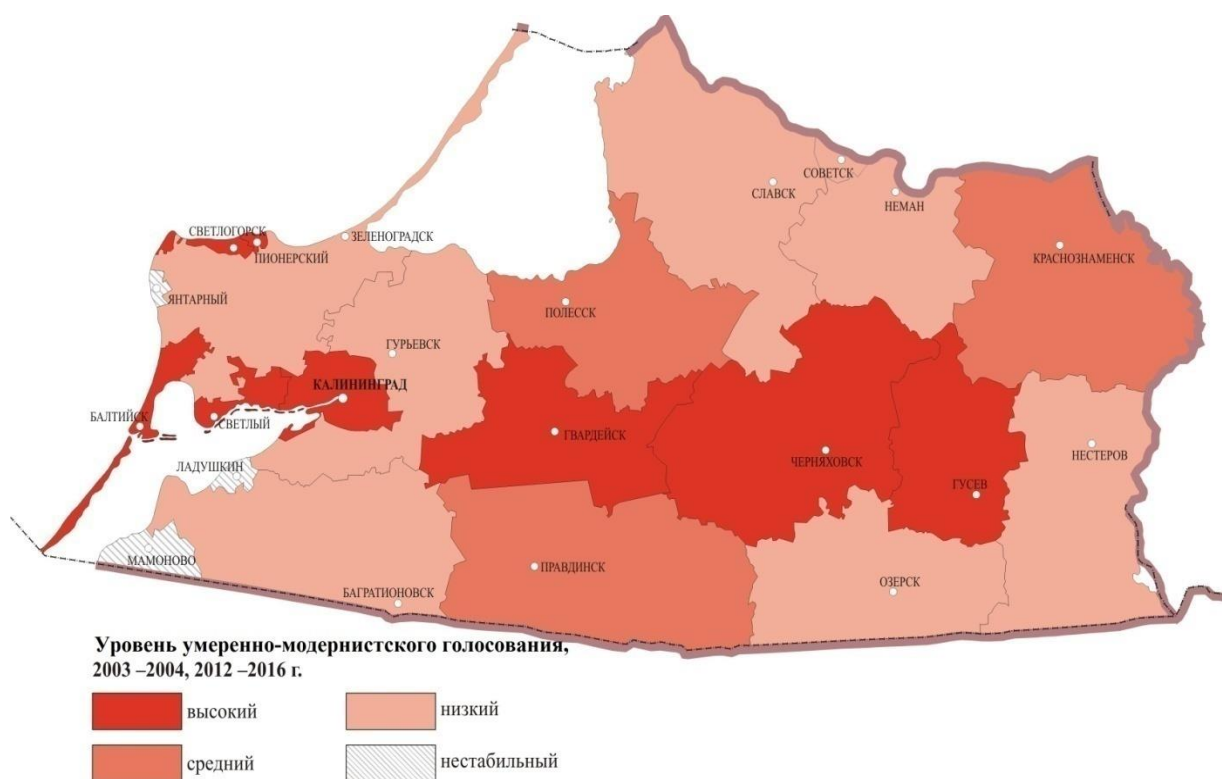

Рисунок 6.3 – Уровни умеренно-модернистского голосования в Калининградской области на федеральных выборах 2003-2004, 2012-2016 гг.

Электоральное районирование радикально-модернистского голосования в Калининградской области

Для радикально-модернистского голосования характерна наиболее сильная географическая поляризация с традиционалистским голосованием, а также высокий уровень дифференциации. Его политические особенности: электоральная поддержка участников выборов широкого идеологического спектра, представляющих альтернативу действующей власти (кроме КПРФ).

В областном центре и географически прилегающих к нему наиболее урбанизированных муниципальных образованиях (Пионерский ГО, Балтийский и Светлогорский районы) стабильно фиксируется крайне высокий уровень радикально-модернистского голосования. Чем географически дальше муниципальные образования находятся от областного центра, тем уровень ниже (табл. 23).

Таблица 23.3 – Уровни радикально-модернистского голосования в муниципальных образованиях Калининградской области с подавляющим большинством городского населения

МО/выборы	2003 г. X/Хср	2004 г. X/Хср	2012 г. X/Хср	2016 г. X/Хср	За весь период
ГО г. Калининград	Крайне высокий (175,93%)	Крайне высокий (194,59%)	Крайне высокий (183,68%)	Крайне высокий (218,89%)	Крайне высокий
Балтийский район	Крайне высокий (141,05%)	Крайне высокий (123,87%)	Высокий (113,02%)	Крайне высокий (115,21%)	Крайне высокий
Ладушкинский ГО	«←»	«←»	Средний (103,72%)	Крайне высокий (124,19%)	Высокий
Мамоновский ГО	«←»	«←»	Низкий (89,98%)	Средний (101,13%)	Нестабильный
Пионерский ГО	Высокий (111,79%)	Крайне высокий (127,63%)	Крайне высокий (138,02%)	Крайне высокий (133,87%)	Крайне высокий
Советский ГО	Крайне высокий (129,96%)	Высокий (108,86%)	Крайне низкий (75,21%)	Средний (98,62%)	Нестабильный
Светлогорский район	Крайне высокий (122,01%)	Крайне высокий (133,93%)	Крайне высокий (142,25%)	Крайне высокий (170,05%)	Крайне высокий

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Среди муниципальных образований с преобладающей долей городского населения специфика влияния радикально-модернистского на электоральное пространство непосредственно зависит от географического фактора. В территориально прилегающем к областному центру Светловском ГО фиксируется стабильно высокий уровень голосования. В муниципальных образованиях, занимающих географически центральное положение, (Гусевский ГО и Черняховский ГО), произошла трансформация уровня радикально-модернистского голосования от высокого и среднего до низкого. Для Янтарного ГО характерна нестабильная специфика данного голосования (табл. 24).

Таблица 24.3 – Уровни радикально-модернистского голосования в муниципальных образованиях Калининградской области с преобладающим городским населением

МО/выборы	2003 г. X/Хср	2004 г. X/Хср	2012 г. X/Хср	2016 г. X/Хср	За весь период
Гусевский ГО	Средний (97,84%)	Средний (96,1%)	Низкий (89,36%)	Крайне низкий (67,05%)	Низкий
Светловский ГО	Крайне высокий (144,67%)	Крайне высокий (159,91%)	Крайне высокий (128,31%)	Крайне высокий (121,89%)	Крайне высокий
Черняховский ГО	Высокий (107,25%)	Средний (99,7%)	Крайне низкий (76,86%)	Низкий (91,24%)	Низкий
Янтарный ГО	«←»	«←»	Высокий (117,87%)	Крайне низкий (71,89%)	Нестабильный

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Схожая ситуация происходит в муниципальных образованиях со смешанной структурой населения (табл. 25). В Зеленоградском ГО, географически прилегающем к областному центру, радикально-модернистское голосование достигает высокого уровня. В остальных муниципальных образованиях данного кластера, находящихся на периферии Калининградской области (Гвардейский ГО, Неманский ГО, Полесский ГО и Правдинский ГО) радикально-модернистское голосование практически не выходит за пределы крайне низкого уровня.

Таблица 25.3 – Уровни радикально-модернистского голосования в муниципальных образованиях Калининградской области со смешанным населением

МО/выборы	2003 г. X/Хср	2004 г. X/Хср	2012 г. X/Хср	2016 г. X/Хср	За весь период
Гвардейский ГО	Средний (96,76%)	Низкий (92,94%)	Низкий (85,85%)	Низкий (88,71%)	Низкий
Зеленоградский ГО	Средний (104,43%)	Средний (103,45%)	Высокий (119,83%)	Крайне высокий (144,7%)	Крайне высокий
Правдинский ГО	Крайне низкий (50,73%)	Крайне низкий (60,96%)	Крайне низкий (82,13%)	Крайне низкий (77,65%)	Крайне низкий
Неманский ГО	Крайне низкий (78,31%)	Крайне низкий (80,63%)	Крайне низкий (60,54%)	Крайне низкий (58,99%)	Крайне низкий
Полесский ГО	Крайне низкий (78,26%)	Крайне низкий (79,33%)	Низкий (87,91%)	Крайне низкий (79,72%)	Крайне низкий

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

В муниципальных образованиях с преобладающим сельским населением также прослеживается связь между географической отдалённостью от областного центра и уровнем радикально-модернистского голосования. Чем муниципальное образование находится территориально ближе к областному центру, тем выше уровень. В Гурьевском ГО, территориально прилегающем к Калининграду и экономически наиболее развитом муниципальном образовании данного кластера, традиционно высокий уровень этого типа голосования. В остальных муниципальных образованиях (Багратионовский ГО, Нестеровский район, Краснознаменский ГО, Озёрский ГО и Славский ГО), находящихся на периферии Калининградской области, радикально-модернистское голосование на крайне низком уровне (табл. 26).

Таблица 26.3 – Уровни радикально-модернистского голосования в муниципальных образованиях Калининградской области с преобладающим сельским населением

МО/выборы	2003 г. X/Хср	2004 г. X/Хср	2012 г. X/Хср	2016 г. X/Хср	За весь период
Багратионовский ГО	Низкий (94,81%)	Крайне низкий (82,58%)	Низкий (86,26%)	Крайне низкий (67,97%)	Крайне низкий
Гурьевский ГО	Крайне высокий (114,55%)	Высокий (106,91%)	Крайне высокий (142,25%)	Крайне высокий (119,35%)	Крайне высокий
Краснознаменский ГО	Крайне низкий (68,63%)	Крайне низкий (69,52%)	Крайне низкий (69,83%)	Крайне низкий (60,6%)	Крайне низкий
Нестеровский район	Крайне низкий (60,47%)	Крайне низкий (59,01%)	Крайне низкий (79,96%)	Крайне низкий (59,68%)	Крайне низкий
Озёрский ГО	Крайне низкий (50,46%)	Крайне низкий (53,26%)	Крайне низкий (61,26%)	Крайне низкий (62,67%)	Крайне низкий
Славский ГО	Крайне низкий (72,04%)	Крайне низкий (66,97%)	Крайне низкий (66,94%)	Крайне низкий (63,82%)	Крайне низкий

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

В целом в Калининградской области существует сильная географическая поляризация радикально-модернистского голосования (рис. 7). В наиболее социально-экономических развитых муниципальных образованиях независимо от уровня урбанизации фиксируется высокий уровень проявления данного подтипа. В остальных (кроме Советского ГО, Мамоновского ГО и Янтарного ГО) – стабильно низкий.

Проявления данного типа голосования находятся на довольно стабильном уровне во всех муниципальных образованиях Калининградской области. Только в Гусевском, Советском и Черняховском ГО в течение исследуемого периода произошла трансформация уровня этого подтипа голосования.

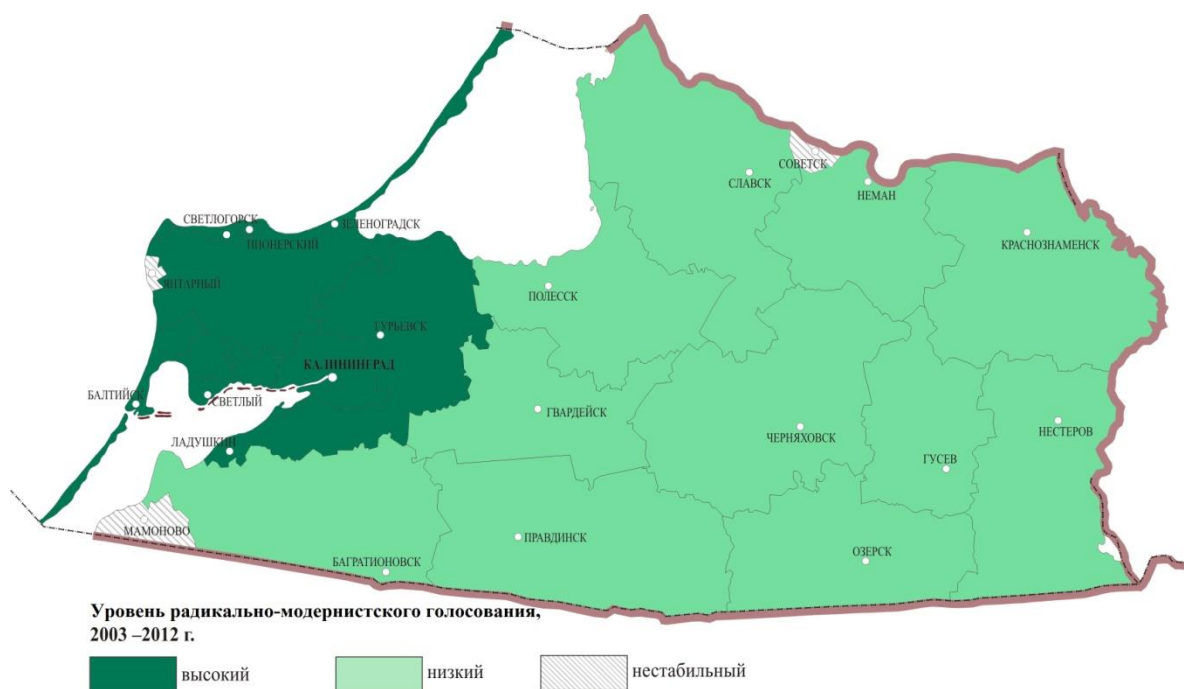

Рисунок 7.3 – Уровни радикально-модернистского голосования в Калининградской области на выборах федерального масштаба 2003-2012 гг.

Электоральное районирование смешанного модернистского голосования в Калининградской области

Протестное голосование смешанного типа в Калининградском регионе – явление масштабной трансформации в политической системе России. Ключевыми политическими изменениями, способствовавшим её появлению, являются:

- Исчезновение с политической арены релевантных политиков и партий либерально-демократического толка [56, с. 749-751].
- Сужение идеологического и количественного многообразия участников избирательных кампаний.
- Исключение из избирательных бюллетеней кандидата «Против всех».

В отсутствие широкого выбора протестно настроенный электорат примерно с 2007 г., несмотря на свои идейные соображения, стал склоняться к голосованию за наиболее сильную оппозиционную силу в лице КПРФ и её кандидатов в Президенты РФ.

Таким образом, показателями данного голосования является процент, полученный с 2007 г. КПРФ на выборах в Госдуму и Г.А. Зюгановым на президентских выборах. Также показателями являются результаты партий, обладающих с КПРФ общностью электорального районирования: «Яблоко» на выборах 2007 и 2011 гг. и ПР на выборах в 2011 г.

В муниципальных образованиях с подавляющим большинством городского населения смешанное модернистское голосование находится на стабильно высоком и крайне высоком уровнях. Исключениями являются Советский ГО, в котором со временем стали сильны традиционалистские настроения, а также Ладушкинский и Мамоновский ГО, в которых согласно результатам выборов 2011 г. зафиксирован крайне низкий уровень (табл. 27).

Таблица 27.3 – Уровни смешанного модернистского голосования муниципальных образований Калининградской области с преобладающим городским населением

МО/выборы	2007 г. X/Хср	2008 г. X/Хср	2011 г. X/Хср	За весь период
ГО г. Калининград	Крайне высокий (179,61%)	Крайне высокий (142,62%)	Крайне высокий (163,37%)	Крайне высокий
Пионерский ГО	Крайне высокий (126,62%)	Крайне высокий (140,96%)	Крайне высокий (125,05%)	Крайне высокий
Советский ГО	Высокий (115%)	Низкий (94,88%)	Крайне низкий (63,64%)	Низкий, трансформировавшийся из высокого
Балтийский район	Крайне высокий (124,94%)	Высокий (113,15%)	Высокий (115%)	Высокий
Светлогорский район	Крайне высокий (136,9%)	Крайне высокий (135,59%)	Крайне высокий (135,37%)	Крайне высокий
Ладушкинский ГО	«-»	«-»	Крайне низкий (78,06%)	Крайне низкий
Мамоновский ГО	«-»	«-»	Крайне низкий (56,85%)	Крайне низкий

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Результаты голосования в муниципальных образованиях с преобладающим городским населением демонстрирует высокий уровень (за исключением Гусевского ГО) (табл. 28).

Таблица 28.3 – Уровни смешанного модернистского голосования муниципальных образований Калининградской области с преобладающим городским населением

МО/выборы	2007 г. X/Xср	2008 г. X/Xср	2011 г. X/Xср	За весь период
Светловский ГО	Высокий (113,48%)	Крайне высокий (120,28%)	Крайне высокий (129,8%)	Высокий
Гусевский ГО	Высокий (109,6%)	Низкий (94,08%)	Средний (100,23%)	Средний
Черняховский ГО	Высокий (112,13%)	Высокий (117,97%)	Крайне высокий (121,44%)	Высокий
Янтарный ГО	<<->	<<->	Крайне высокий (128,65%)	Крайне высокий

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

В Неманском ГО и Правдинском ГО, находящихся на периферии области, отмечен крайне низкий и низкий уровень рассматриваемого подтипа голосования соответственно. В Зеленоградском ГО также зафиксирован низкий уровень. В Гвардейском ГО, где относительно сильно электоральное влияние коммунистов, выявлен высокий уровень. В Полесском районе данный подтип голосования не обрёл стабильности (табл. 29).

Таблица 29.3 – Уровни смешанного модернистского голосования в муниципальных образованиях Калининградской области со смешанным населением

МО/выборы	2007 г. X/Xср	2008 г. X/Xср	2011 г. X/Xср	За весь период
1	2	3	4	5
Гвардейский ГО	Высокий (106,91%)	Высокий (105,37%)	Крайне высокий (120,52%)	Высокий
Зеленоградский ГО	Низкий (93,34%)	Крайне низкий (83,13%)	Средний (95,4%)	Низкий
Неманский ГО	Низкий (93,68%)	Низкий (93,57%)	Крайне низкий (60,84%)	Крайне низкий
Полесский ГО	Низкий (88,96%)	Крайне низкий (76%)	Высокий (108,82%)	Нестабильный

1	2	3	4	5
Правдинский ГО	Низкий (85,26%)	Низкий (89,56%)	Низкий (94,44%)	Низкий

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

В сельских муниципальных образованиях (кроме Багратионовского ГО) зафиксирован крайне низкий уровень протестного голосования смешанного типа (табл. 30).

Таблица 30.3 – Уровни смешанного модернистского голосования в муниципальных образованиях Калининградской области с преобладающим сельским населением

МО/выборы	2007 г. X/Xср	2008 г. X/Xср	2011 г. X/Xср	За весь период
Багратионовский ГО	Крайне низкий (82,56%)	Крайне низкий (73,49%)	Средний (104,68%)	Низкий
Гурьевский ГО	Крайне низкий (71,61%)	Крайне низкий (75,9%)	Низкий (85,42%)	Крайне низкий
Нестеровский район	Крайне низкий (66,55%)	Крайне низкий (80,17%)	Крайне низкий (78,98%)	Крайне низкий
Краснознаменский ГО	Крайне низкий (72,79%)	Низкий (93,83%)	Крайне низкий (81,36%)	Крайне низкий
Озёрский ГО	Крайне низкий (67,31%)	Низкий (90,86%)	Крайне низкий (72,11%)	Крайне низкий
Славский ГО	Крайне низкий (52,91%)	Крайне низкий (78,46%)	Крайне низкий (80,09%)	Крайне низкий

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Таким образом, выявлено значительное географическое разнообразие смешанного модернистского голосования в Калининградской области (рис. 8). Данный подтип сочетает географические характеристики умеренно-модернистского и радикально-модернистского голосования с некоторым преобладанием первого.

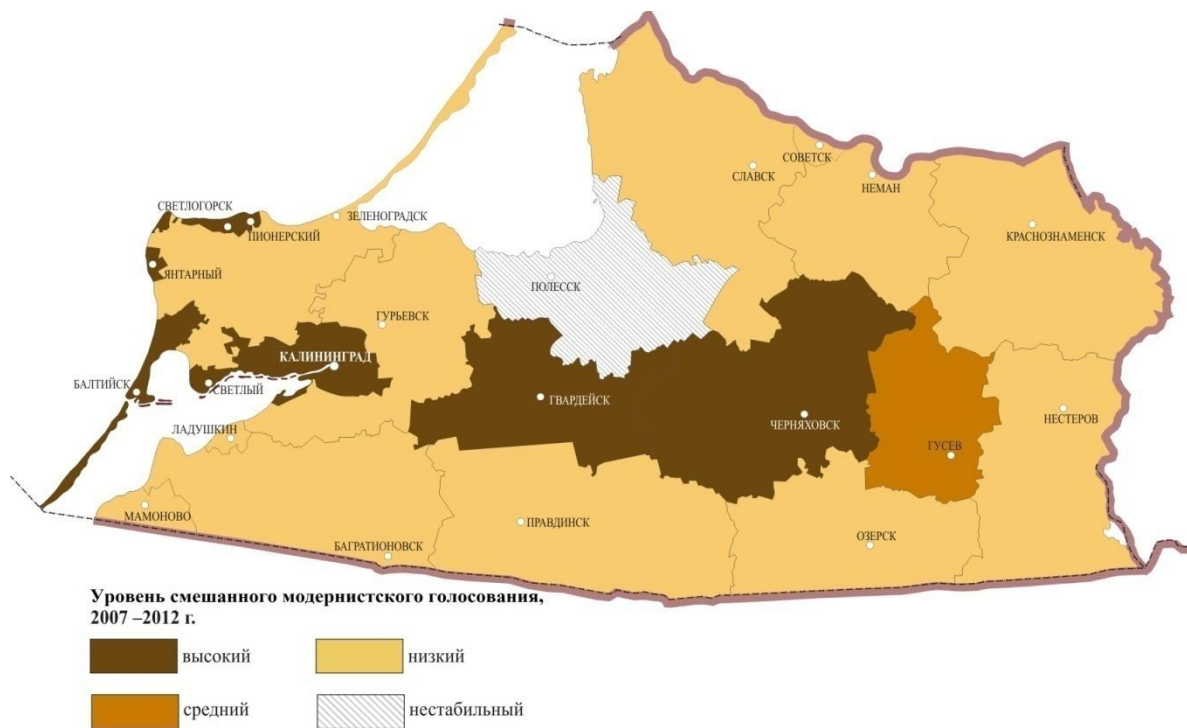

Рисунок 8.3 – Уровни смешанного модернистского голосования в Калининградской области на выборах федерального масштаба 2007-2012 гг.

Данный подтип голосования является нестабильным, так как его природа имеет искусственный характер. Протестный электорат в своей значительной части мобилизовался вокруг коммунистов не по причине их политической привлекательности, а в связи с резким сужением выбора среди оппозиционных партий и кандидатов на пост Президента РФ. Поэтому в случае появления сильных оппозиционных участников на выборах данный подтип голосования прекратит своё существование.

Электоральное районирование ЛДПР, СР и кандидатов в Президенты РФ от этих партий в Калининградской области

Электоральная поддержка ЛДПР и СР, а также кандидатов в Президенты РФ от этих партий не обладает устойчивым электоральным районированием в Калининградской области. Эти партии объединяет то, что они в целом лояльно относятся к действующей власти [5, с. 115], но при этом не представляют её на выборах. Тем самым они занимают промежуточное положение в глазах электората – избиратель не ассоциирует их не с действующей властью, не с

оппозицией. Поэтому географический раскол электоральной поддержки между традиционалистским и модернистским голосованием не свойственен их электоральному районированию. Однако это не означает отсутствие географической специфики голосования за эти политические структуры. Существует ряд муниципальных образований, где эти политические силы стабильно обладают наиболее сильной электоральной поддержкой.

Дифференциация голосования за ЛДПР и В.В. Жириновского демонстрирует в целом довольно равномерный характер. Однако в масштабах всей Калининградской области стабильно повышенной электоральной поддержкой ЛДПР и её лидера отличались Балтийский и Нестеровский районы.

Высокий уровень поддержки ЛДПР и её лидера в Балтийске был характерен и для 1990-х гг. В.Н. Абрамов, исследовавший электоральное пространство Калининградской области в 1990-х гг., объяснял это высокой долей военных в этом муниципальном образовании. По его мнению, военнослужащие срочной службы, приписанные к избирательным участкам Балтийска, являются типичными представителями посткоммунистической молодежи: которые плохо разбираются в политике и готовы поддержать ЛДПР и её лидера ради легальной возможности демонстрации возрастного нигилизма и фрондерства [2]. В данном исследовании причина подобной специфики голосования в Балтийском районе рассматривается иначе: ЛДПР и В.В. Жириновский традиционно получают большой процент голосов районах, где находятся военные городки, военные базы, так как их лозунги находят отклик в среде военных. В Балтийском районе схожая ситуация.

Что касается стабильно высокого уровня голосования в Нестеровском районе, то здесь первостепенными являются социально-экономические факторы. Размер заработной платы в районе один из самых низких в регионе [53, с. 23]. Для подобных территориальных единиц свойственно маргинальное голосование, характеризующееся негативной мобилизацией и доминированием иррационального выбора. Одним из проявлений иррационального выбора

является голосование за ЛДПР и В.В. Жириновского [36, с. 28], агитационная кампания которых построена главным образом на популизме [40; 75].

У СР стабильно высокая электоральная поддержка среди муниципальных образований Калининградской области в Славском ГО, который наряду с Нестеровским районом является с социально-экономической точки зрения одним из самых депрессивных [53, с. 23]. Возможно, жители района, голосуя за СР, проявляют так негативную мобилизацию.

По итогам анализа электорального пространства Калининградской области автором сформирована группировка электоральных районов:

1. «Приморский» район (ГО г. Калининград, Балтийский район, Пионерский ГО, Светлогорский район, Светловский ГО) (рис. 9)

Социальные характеристики: подавляющее число жителей являются горожанами [37].

Социально-экономические особенности: самый высокий по меркам Калининградской области уровень социально-экономического развития [53, с. 22].

Географическая специфика: территориальная компактность (все муниципальные образования расположены географически близко друг к другу в приморской части Калининградской области) и самая высокая плотность населения, поэтому на формирование типа голосования оказывает влияние эффект соседства.

Специфические характеристики электоральных предпочтений: наиболее стабильный тип голосования; традиционно самые сильные по региональным меркам модернистские настроения на выборах, проявляющиеся в более высокой по Калининградской области поддержке партий и политиков, выступающих в качестве альтернативы действующей власти.

Учитывая электоральные и социально-экономические особенности, данный район наиболее точно подходит под понятие «центр» в соответствии с моделью «центр-периферия» [31, с. 27].

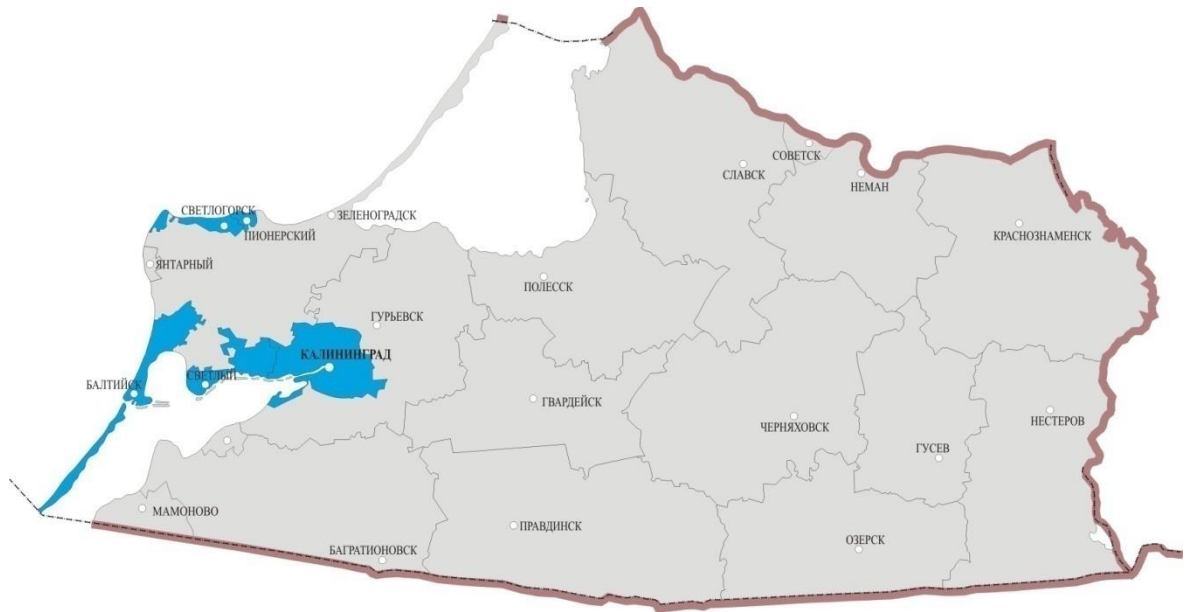

Рисунок 9.3 – Электоральный район «приморский»

1.1. «Региональный центр» (ГО г. Калининград)

Социальные характеристики: самый высокий показатель доли людей с высшим образованием среди всех муниципальных образований Калининградской области, что создаёт предпосылки для роста политического плюрализма [53, с. 22].

Социально-экономические особенности: в городе концентрируются основные промышленные предприятия региона, размер среднемесячной заработной платы – один из самых высоких в Калининградской области [53, с. 22].

Специфические характеристики электоральных предпочтений: самый высокий уровень модернистских настроений в Калининградской области.

1.2. «Военная база» (Балтийский район)

Социальные характеристики: наличие базы ВМФ, более высокая доля военных в сравнении с другими муниципальными образованиями Калининградской области.

Особенные характеристики специфики электоральных предпочтений: поддержка на выборах федерального уровня партии «Родина», ЛДПР и В.В. Жириновского.

2. «Центральные территории» (Гвардейский ГО, Гусевский ГО, Полесский ГО, Черняховский ГО) (рис. 10)

Социальные характеристики: высокая или преобладающая доля городского населения.

Социально-экономические особенности: экономическая полупериферия Калининградской области [53, с. 22].

Географическая специфика: район занимает центральное географическое положение между урбанизированными районами с высоким уровнем модернистских настроений и традиционалистски настроенной сельской местностью.

Специфические характеристики электоральных предпочтений:

- Высокий потенциал на выборах для проявления умеренно-модернистского и смешанного модернистского голосования.
- Средний уровень традиционалистского голосования.
- Партии и политики либерально-демократического толка (Партия Роста, СПС, «Яблоко», Г.Я. Явлинский) пользуются крайне низким уровнем электоральной поддержки.

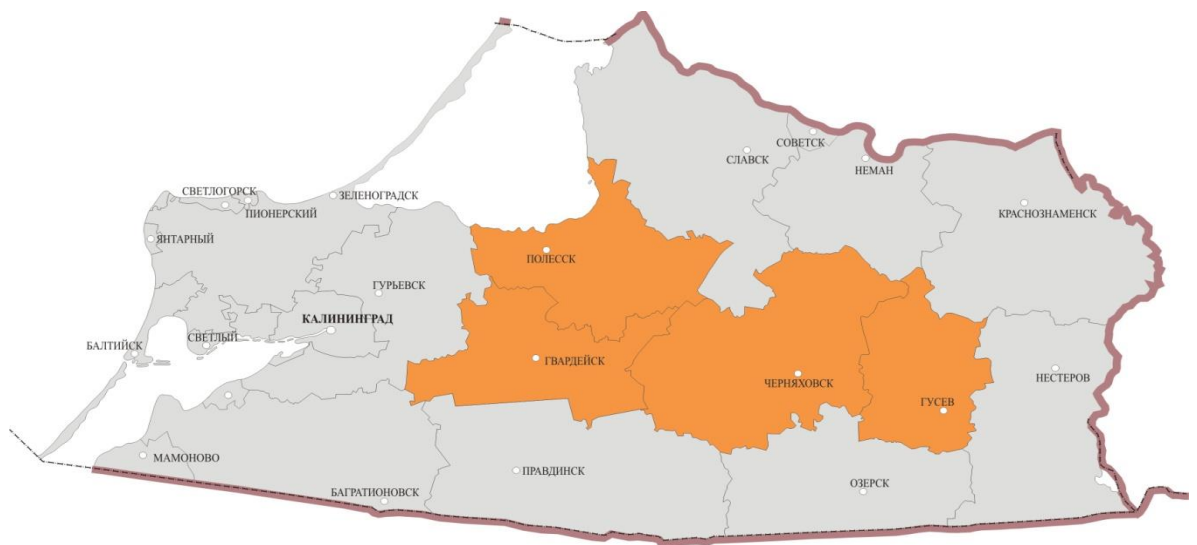

Рисунок 10.3 – Электоральный район «центральные территории»

3. «Сельский центр» (Зеленоградский ГО, Гурьевский ГО) (рис. 11)

Социальные характеристики: смешанная структура населения (на примере Зеленоградского ГО), преобладающая доля сельских жителей (в случае с Гурьевским ГО).

Социально-экономические особенности: высокий по региональным меркам уровень социально-экономического развития [53, с. 22].

Географическая специфика: пограничное положение с областным центром.

Специфические характеристики электоральных предпочтений: относительно высокая электоральная поддержка доминирующей партии и её кандидатов в Президенты РФ, сочетающаяся с высоким уровнем радикально-модернистского голосования и низкой электоральной поддержкой коммунистов.

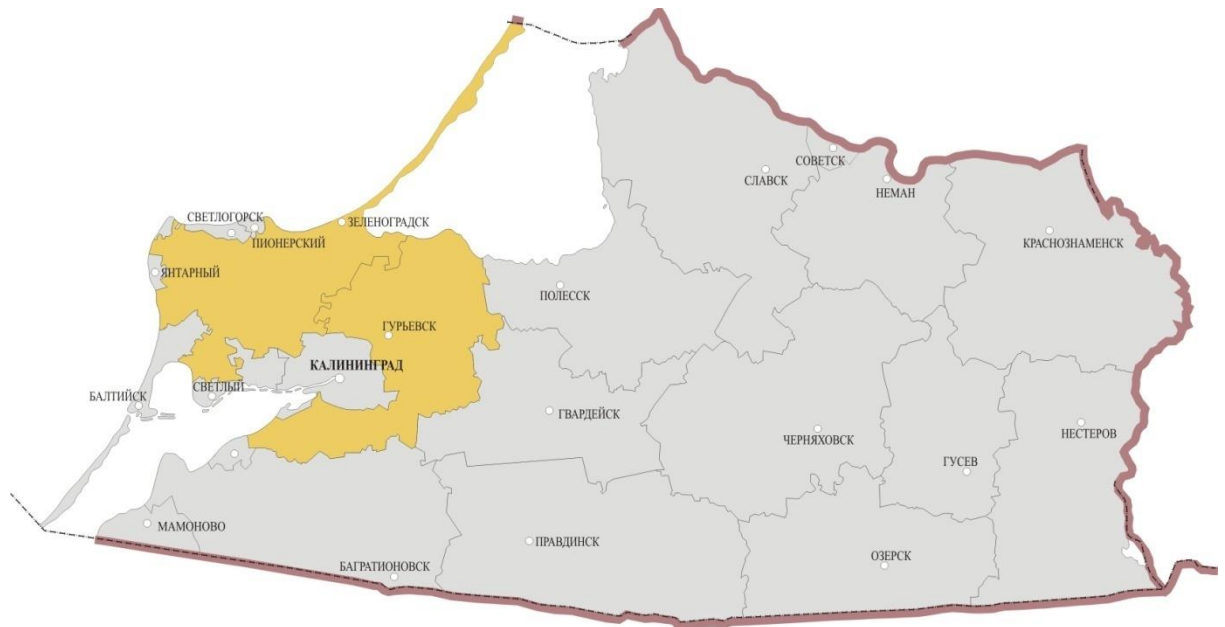

Рисунок 11.3 – Электоральный район «сельский центр»

4. «Периферия» (Багратионовский ГО, Краснознаменский ГО, Неманский ГО, Нестеровский район, Мамоновский ГО, Озёрский ГО, Правдинский ГО, Славский ГО, Советский ГО) (рис. 12)

Социальные характеристики: практически все муниципальные образования данного типа (исключение – Советский ГО) являются сельскими по структуре населения или в них проживает значительная доля сельских жителей,

для которых характерна (причём в федеральном масштабе) традиционная модель электорального поведения.

Социально-экономические особенности: самый низкий уровень социально-экономического развития в Калининградской области. Все муниципальные образования (за исключением Мамоновского и Советского ГО) являются частью приграничной периферии в соответствии с экономическим районированием [53, с. 23].

Географическая специфика: муниципальные образования занимают периферийное территориальное положение в Калининградской области.

Специфические характеристики электоральных предпочтений: наиболее высокий уровень традиционалистского голосования на выборах в Калининградской области, крайне низкий уровень модернистского голосования всех подтипов.

Данные социально-экономические и электоральные характеристики свойственны периферии согласно теоретическим положениям модели «центр-периферия» [31, с. 27].

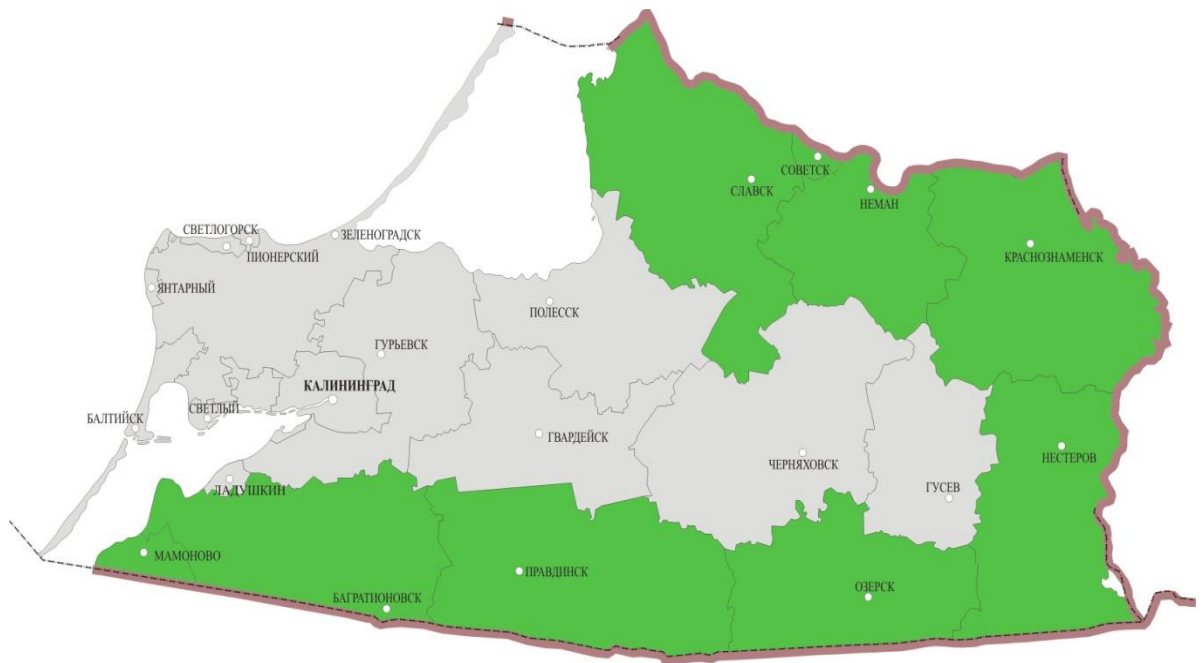

Рисунок 12.3 – Электоральный район «периферия»

4.1. «Депрессивные районы» (Нестеровский район, Славский ГО)

Социальные характеристики: смешанная структура населения – сельская и городская доли в целом равны.

Социально-экономические особенности: самый низкий уровень заработной платы в Калининградской области [53, с. 23].

Географическая специфика: наиболее географически отдалённые от областного центра территории.

Специфические характеристики электоральных предпочтений: повышенная электоральная поддержка «Справедливой России» (в случае со Славским ГО) и ЛДПР (в случае с Нестеровским районом). Предположительно, что такая электоральная специфика является формой маргинального протеста [106].

Основные тенденции электоральных предпочтений в Калининградской области вписываются в рамки модели «центр-периферия». Электоральный район «приморский» является прототипом центра, а «периферия» подходит под характеристики своего одноимённого понятия. Электоральные районы «центральные территории» и «сельский центр» сочетают в себе характеристики центра и периферии, поэтому они подходят под понятие «полупериферия».

Электоральная карта Калининградской области (рис. 13) практически полностью совпадает с существующей геодемографической типологией муниципальных образований Калининградской области, основанной на их демографических и социально-экономических характеристиках [53, с. 24] (рис. 14). Поэтому в процессе анализа электорального пространства на региональном уровне, необходимо ориентироваться на социально-экономические показатели муниципальных образований.

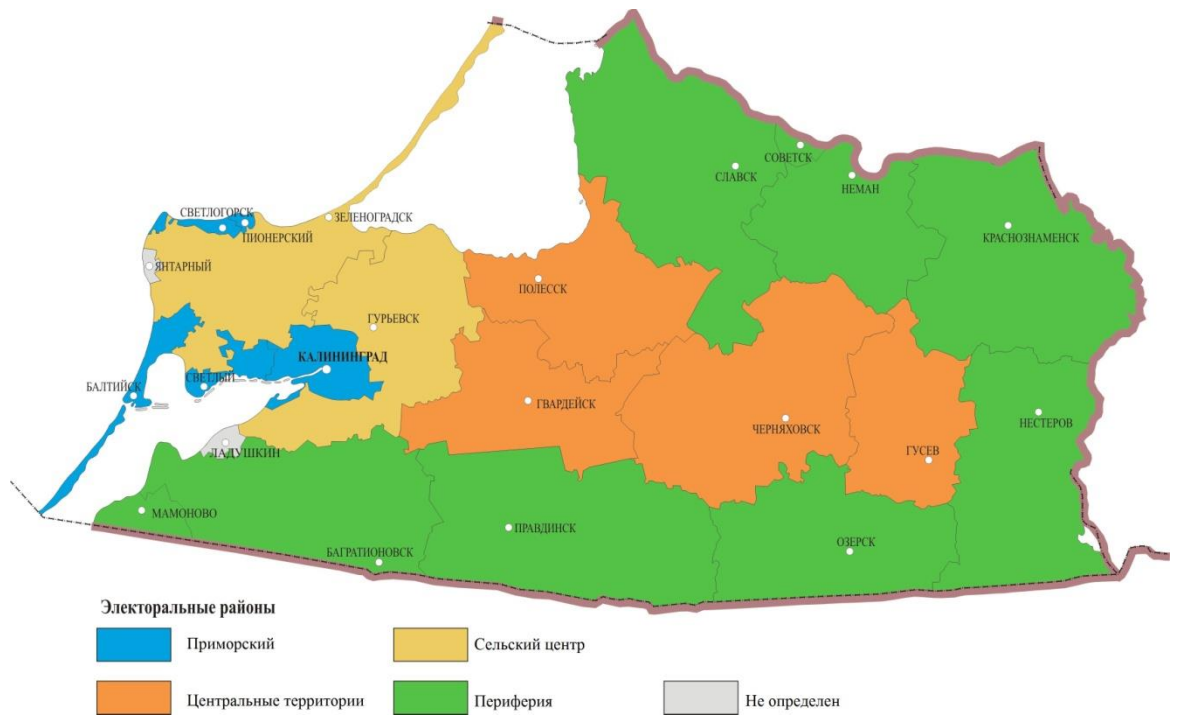

Рисунок 13.3 – Электоральные районы Калининградской области

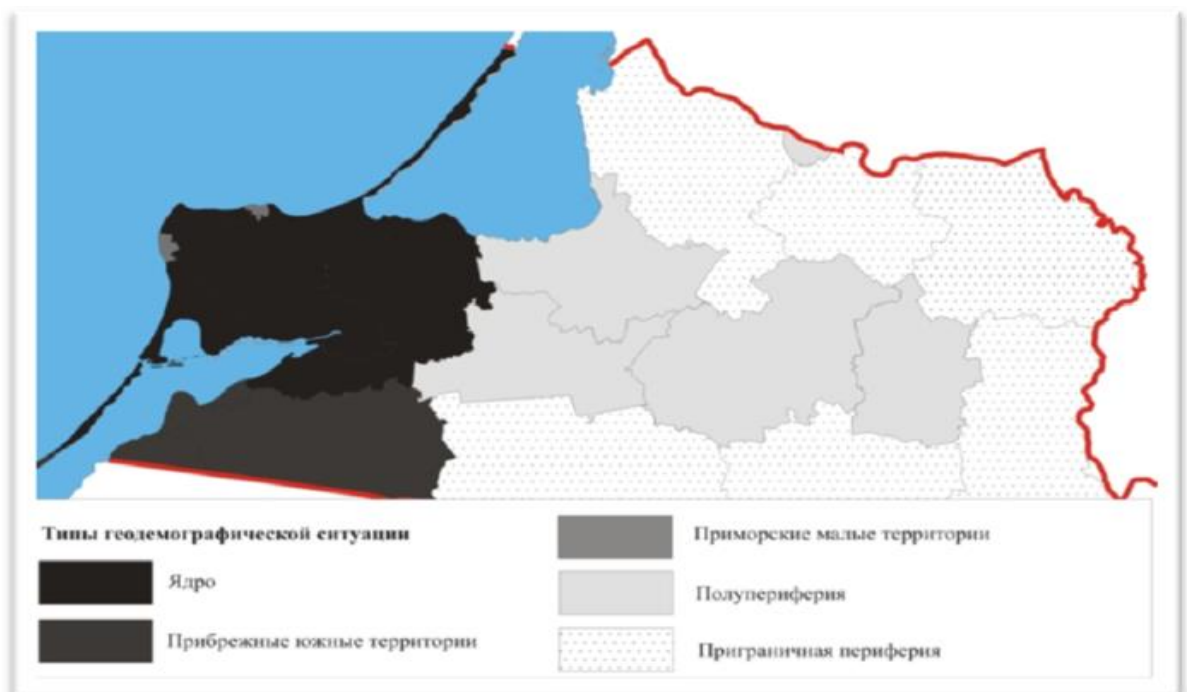

Рисунок 14.3 – Геодемографическая типология муниципальных образований Калининградской области

Источник: [53]

Наличие существенной дифференциации электоральных предпочтений в Калининградской области требует учёта при формировании предвыборной стратегии и плана агитационной работы в ходе избирательной кампании.

Главными факторами, формирующими электоральные районы наряду с социально-экономическими, являются территориальная отдалённость от областного центра, уровень урбанизации, а также географический эффект соседства.

Несмотря на масштабные политические и экономические изменения в России, произошедшие с 2003 г., типология муниципальных образований Калининградской области согласно специфике электоральных предпочтений в 2003-2016 гг. обладает многими схожими признаками с типологиями предыдущего периода [2; 3; 41].

Для периферии Калининградской области с 1991 г. свойственен высокий уровень традиционалистского голосования, характеризующийся повышенной поддержкой консервативных сил и действующей власти [31, с. 27]. В начале 1990-х гг. проявлением такой специфики был высокий уровень голосования за коммунистов и ЛДПР, во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. – поддержку КПРФ и действующего на тот момент губернатора Л.П. Горбенко, с 2003 г. – активную поддержку доминирующей партии.

В областном центре и территориально прилегающих к нему муниципальных образованиях в 1990-е гг. были сильны позиции участников выборов, поддерживавших реформаторский курс властей («Яблоко», «Демократический выбор России», СПС, Г.А. Явлинский...). С 2007 г. повышенной электоральной поддержкой в этом районе пользуются коммунисты, которые стали рассматриваться в качестве основной альтернативы власти в условиях кризиса либерально-демократических сил [56]. Данная электоральная специфика характерна для модернистского голосования.

В центральной части Калининградской области сохранилась с 1990-х гг. слабая электоральная поддержка демократов, а в Балтийске высокий уровень голосования за ЛДПР и В.В. Жириновского.

Таким образом, несмотря на исчезновение многих партий и появление новых, в целом специфика голосования в электоральных районах Калининградской области осталась прежней. В течение исследуемого периода времени изменились главным образом не электоральная карта Калининградской области и типы голосования, а роль и влияние партий в политической системе страны, что стало причиной трансформации их электорального районирования. Этот факт подтверждает утверждение автора о том, что в исследованиях в области электоральной географии кластеризация участников выборов должна формироваться по принципу схожего электорального районирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные результаты диссертационной работы:

1. Разработанный метод электорального районирования позволил выявить сходства в территориальном поведении политических сил, относящихся к разным фрагментам идеологического спектра.

2. Наименьшие территориальные различия электоральной поддержки в Калининградской области демонстрируют «Единая Россия» и ЛДПР. Это связано с наличием наибольших ресурсов для ведения агитации в первом случае и иррациональностью голосования – во втором. Дифференциация голосования за коммунистов зависит от общего количества участников выборов. В избирательных кампаниях с узким идеологическим спектром участников дифференциация фиксируется на среднем уровне, при наличии широкого выбора – на низком. Электоральной поддержке партий и кандидатов, обладающих ограниченным электоральным потенциалом в Калининградской области (Партия Роста, «Патриоты России», «Родина», СПС, «Яблоко», С.Ю. Глазьев, М.Д. Прохоров и И.М. Хакамада), свойственен самый высокий уровень дифференциации.

3. Выделены электоральные районы («приморский», «сельский центр», «центральные территории» и «периферия»), различающиеся спецификой голосования и социально-экономическими характеристиками.

4. В результате использования модели «центр-периферия» установлено, что электоральная карта Калининградской области практически полностью совпадает с существующей геодемографической типологией муниципальных образований Калининградской области, основанной на их демографических и социально-экономических характеристиках. Это свидетельствует о тесной связи электорального поведения и геодемографических факторов.

5. Посредством метода корреляционного анализа Пирсона выделены типы голосования (традиционалистское, умеренно-модернистское, радикально-

модернистское, смешанное модернистское). Применение метода позволило выявить более устойчивые географические структуры электорального поведения, чем те, которые фиксируются при помощи традиционных методов кластеризации участников выборов по идеологическому признаку.

6. Калининградская область в силу специфического географического положения является единственным регионом России, в котором фиксируется высокий уровень радикально-модернистского голосования в сельской местности.

Полученные в диссертации выводы и результаты позволят успешнее реализовывать процесс разработки и осуществления региональных стратегий избирательных кампаний в Калининградской области.

Построенная впервые электоральная карта Калининградской области и разработанная автором методика электорального пространства могут быть использованы в электоральных исследованиях в различных научных областях (политология, социология и т. д.).

Географические особенности электоральных различий муниципальных образований Калининградской области предоставляют ценный материал для понимания протекающих в них политических процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаева Л.Л., Крянев Б.П. Социально-политологический анализ выборов в Республике Бурятия: (Сентябрь 1994 г.) // Развивающийся электорат России: Этнополитич. ракурс. Т. 2: Выборы-93 / Рук. авт. колл. и отв. ред. М.Н. Губогло, ред.-сост. Г.А. Комарова. 1995. С. 278-291.
2. Абрамов В.Н. Калининградская область: социально-политические и геополитические аспекты общественной трансформации 90-х гг. – СПб: Нестор, 1998 – 100 с.
3. Абрамов В.Н. Политические симпатии и политическая ориентация населения Калининградской области: Итоги Всероссийского референдума 1993 г. // Личность и общество. 1994. Вып. 8. С. 71-76.
4. Авраамова Е.М. Влияние социально-экономических факторов на формирование политического сознания // Российское общество: становление демократических ценностей? / Под ред. М.Макфола и А.Рябова. 1999. С.9-42.
5. Анохина Н.В. Мелешкина Е.Ю. Эволюция структуры партийного спектра России накануне парламентских выборов 2007 г. // Полис. Политические исследования. 2008. №2. С. 105-121.
6. Ахременко А.С. Пространственный электоральный анализ: характеристика метода, возможности кросснациональных сравнительных исследований // Политическая наука. 2009. № 01. С.32-59.
7. Ахременко А.С. Структуры электорального пространства. – М., «Социально- политическая мысль», 2007. – 320 с.
8. Ахременко А.С. Электоральное пространство России: структурная эволюция // Политические практики. 2007. № 2(5). С. 9
9. Ачкасов В.А. Национал-популизм в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы: причины роста электоральной поддержки // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 5. С. 145-150.

10. Бабурин В.Л. Президентские выборы в России 2000: Пространственная картина // География. 2001. N1. С. 13-24.
11. Бианки В.А. Серавин А.И. Практика и психология регионального партстроительства. – СПб.: «Копи-Парк», 2006. – 148 с.
12. Бирин В.Н. Этнополитическая ситуация в Карелии в период между выборами в Государственную Думу (1993-1995 гг.) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 1994. № 64. С. 4-14.
13. Брутер В.И. История современных российских выборов. Год 1993. URL: <http://www.igpi.ru/info/people/bruter/1085749185.html> (дата обращения 28.05.2015).
14. Бузин А.Ю. Влияние социально-экономического развития регионов России на итоги выборов в Государственную Думу Федерального Собрания РФ второго созыва // Политические исследования. 1996. №1. С. 103-119.
15. Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан. Очерки политической социологии капитализма – М. Мысль, 1985. – 384 с.
16. Всероссийская перепись населения 2010 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 17.05.2015).
17. Гамбарян М.С., Мау В.А. Экономика и выборы: опыт количественного анализа // Вопросы экономики. 1997. № 4. С. 111-129.
18. Гельман В.Я. Второй электоральный цикл в России, 1999-2000 гг. Под ред. Гельмана В.Я., Голосова Г.В. и Мелешкиной Е.Ю. М.: Издательство "Весь мир", 2002. – 216 с.
19. Гельман В.Я. Выборы по-русски: правила игры в российской электоральной политике // Россия и современный мир. 2006. N2. С.54-67.
20. Гельман В.Я. Изучение выборов в России: исследовательские направления и методы анализа // Политическая наука. 2000. № 3. с. 16-50.
21. Гельман В.Я. От «бесформенного плюрализма» к «доминирующей власти»? Трансформация российской партийной системы // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 46-58.

22. Гельман В.Я. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // Полис. 2004. N4. С.52-69.
23. Голосов Г.В. Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов // Полис. 1997. № 4. С. 44-56.
24. Голосов Г.В. Политические партии и независимые кандидаты на думских выборах / В. Гельман и др., ред. Второй электоральный цикл в России, 1999-2000 гг. – М.: Весь мир, 2002. – С. 43-64.
25. Голосов Г.В. Сфабрикованное большинство: конверсия голосов в места на думских выборах 2003 года // Полис: Политические Исследования. 2005. No.1. С. 108-119.
26. Голосов Г.В. Факторы электорального успеха в одномандатных округах / Голосов Г.В., Шевченко Ю.Д. //Первый электоральный цикл в России (1993-1996). 2000. С. 130-151.
27. Голосов Г.В. Электоральный авторитаризм в России // Pro et Contra. 2008. No. 1. С. 22-35.
28. Гомберг А. Эволюция в условиях диктатуры // Pro et Contra, 2008. Т. 12, № 1. С. 46-61.
29. Горн В. Громан В.Г. Прогноз и действительный исход третьих выборов // Современный мир. 1907. N 11. С. 141-159.
30. Григорьев Л.М., Макаренко Б.И., Салмина А.А., Шаститко А.Е. Средний класс после кризиса: экспресс-анализ взглядов на политику и экономику. – М.: МАКС Пресс, 2010. – 152 с.
31. Гришин Н.В. Динамика электоральных предпочтений населения Юга России: Сравнительное исследование. – М.: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2008. – 182 с.
32. Гришин Н.В. Социальные факторы электоральной географии // Успехи современного естествознания. 2006. № 11. С. 19-22.
33. Гришин Н.В. Устойчивость территориальных различий электоральных предпочтений населения (на примере Юга России) // Политэкс: Политическая экспертиза. 2006. Т. 2. N 2. С. 36-42.

34. Гришин Н.В. Электоральные расколы в России: тенденция к возрастанию // SCHOLA. 2008: Сборник научных статей философского факультета МГУ. С.98-103.
35. Губогло М.Н. Развивающийся электорат России. Этнополитический ракурс. Том 1. – М., 1996. – 376 с.
36. Гудков И.В. Типологии электорального поведения в контексте выборов органов представительной власти РФ // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 2. С. 14-29.
37. Данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области URL: <http://kaliningrad.gks.ru> (дата обращения 29.04.2015).
38. Жданов В.П., Пустовгаров В.И., Фёдоров Г.М. Пространственное развитие экономики и расселения региона (на примере Калининградской области): монография. Под ред. проф. Г.М. Федорова – Калининград: БИЭФ; Изд-во КГУ, 2002. – 323 с.
39. Жидкин А.П. Электоральное поведение городских и сельских жителей России // Вестник МГУ. Серия 5. География. 2002. № 1. С.47-54.
40. Жириновский В.В. Идеология ЛДПР // Издание Либерально-демократической партии России. 2010. 96 с.
41. Зверев Ю.М. Электоральная типология городов и районов Калининградской области по итогам избирательных компаний 1999-2000 гг. // Калининградский социум в европейском контексте. С. 142-162.
42. Зубаревич Н.В. Социальная дифференциация регионов и городов // Pro et Contra. 2012. № 4-5. С. 135-152.
43. Зубов А.Б., Колосов В.А. Что ищет Россия? (Ценностные ориентиры российских избирателей, 12 декабря 1993 г.) // Полис. 1994. № 4. С. 93-112.
44. Клямкин И.М., Лапкин В. В. Русский вопрос в России. // Полис. Политические исследования. 1996. № 1. С. 78-91.
45. Колосов В.А. Политические ориентации российских регионов: произошел ли в декабре 1995 года «обвал»? // Полис. 1996. №1. С. 91-102.

46. Колосов В.А., Бородулина Н.А. Электоральные предпочтения избирателей крупных городов России: типы и устойчивость // Полис. Политические исследования. 2004. № 4. С. 70-79.
47. Колосов В.А., Петров Н.В., Смирнягин Л.В. (ред.) Весна-89: География и анатомия парламентских выборов. – М., 1990 – С. 69-75.
48. Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Партии в регионах России: география голосований, результаты и возможности // Вестник Московской школы политических исследований. 1995. №2. С. 125-148.
49. Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Электоральная карта современной России: генезис, структура и эволюция // Полис. 1996. № 4. С. 33-46.
50. Комаровский В.С. Демократия и выборы в России: теория и история вопроса // Социс. 1996. №6. С. 18-31.
51. Коргунюк Ю.Г. Закат второй партийной системы // Полития. 2008. N 2 (49). С. 155-185.
52. Коргунюк Ю.Г. Псевдодоминантная партийная система и предпочтения российских избирателей // Полития. 2009. № 4. С. 103-142.
53. Кузнецова Т.Ю. Геодемографическая типология муниципальных образований Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. 2016. №1. С. 15-27.
54. Кынев А.В. Выборы и состояние гражданского общества в регионах России. URL: <http://www.indem.ru/idd2000/anal/Kinev/VibGO.htm> (дата обращения 01.06.2015).
55. Кынев А.В. Выборы региональных парламентов в России 2009-2013: От партизации к персонализации. – М.: Центр «Панорама», 2014. – 728 с.
56. Кынев А.В., Любарев А.Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция – М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2011 – 792 с.
57. Лавров А.М. Регионально-статистический анализ результатов выборов 1993 г. 1997. На правах рукописи.

58. Лавров А.М. Российские регионы сквозь призму выборов 1995 и 1996 гг. На правах рукописи.
59. Левинсон А.Г. Общественное мнение о реформах начала 1990-х годов. // История новой России: очерки, интервью: в 3 т. 2011. С. 8-27.
60. Ленин В.И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата // Всеукраинское издательство: Харьков. 1920. 16 с.
61. Лузанов А.Н. О территориальной дифференциации электоральных предпочтений населения России / Вестник МГУ. Серия 5. География. 1998. № 5. – С. 15-22.
62. Любарев А.Е. Выборы в Москве: опыт двенадцати лет. 1989-2000 / Любарев А.Е. – М.: Стольный град, 2001. – 413 с.
63. Любарев А.Е. Корреляционный анализ результатов парламентских выборов 1995 года // ПОЛИС: Политические исследования. 1996. № 2. С. 116-127.
64. Макаренко Б.И. Политические партии накануне выборов: организации, программы, перспективы. Доклад центра политических технологий. М., 1995.
65. Макаркин А.В. ЛДПР – в пятый раз в Думе. URL: <http://politcom.ru/5487.html> (дата обращения 20.05.2015).
66. Мау В.А., Кочеткова О.В., Яновский К.Э., Жаворонков С.В., Ломакина Ю.Е. Экономические факторы электорального поведения и общественного сознания (опыт России 1995 - 2000 годов). – М., 2001. – 115 с.
67. Мелешкина Е.Ю. Российский избиратель: установки и выбор // Первый электоральный цикл в России (1993–1996) / Общ. ред.: В.Я. Гельман, Г.В. Голосов, Е.Ю. Мелешкина. 2000. С. 177–211.
68. Мелешкина Е.Ю. Электоральная инженерия в свете перспектив развития демократии // Полис. 2006. № 2. С.178-181.
69. Мишлер У. Роуз Р. Модель спроса и предложения институционализации партийной системы: российский случай. URL: http://polit.ru/article/2009/02/23/institutionalization/#_ftnref12 (дата обращения 20.04.2015).

70. Мухаметов Р.С. Электоральные предпочтения жителей Свердловской области: Аналитическая записка. – Екатеринбург, 2014. – 15 с.
71. Охременко И.В. Формирование мотивов электорального поведения российских граждан в условиях трансформации политической системы общества: Социологический аспект: дисс. канд. социол. наук / Охременко Ирина Владимировна. – Волгоград, 2000. – 148 с.
72. Петров Н.В., Титков А.С. Рейтинг демократичности регионов Московского центра Карнеги: 10 лет в строю / Н.В. Петров, А.С. Титков; Московский Центр Карнеги. – М.: Московский центр Карнеги, 2013. – 51 с.
73. Петров Н.В., Титков А.С. Электоральный ландшафт // Россия в избирательном цикле 1999-2000 гг. 2000. С. 72-74.
74. Петров Н.В., Титков А.С. Электоральный ландшафт России и выборы в Государственную думу 2003 г.: пространственно-временной анализ региональной динамики // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2004. № 3. С. 18-31.
75. Программа ЛДПР. URL: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR (дата обращения 20.05.2015).
76. Регион сотрудничества. Вып. 2 (45): Актуальные проблемы регионального развития / Под общ. ред. А.П. Клемешева. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005 – 39 с.
77. Роккан С., Урвин Д. Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму. – Логос, 2003. – №6 (40). – с. 117-132.
78. Сайт калининградской областной Думы. URL: <http://duma39.ru> (дата обращения 01.06.2015).
79. Сайт правительства Калининградской области URL: <https://gov39.ru/> (дата обращения 01.06.2015).
80. Сенатова О.О., Якурин А.В. Выборы губернаторов в контексте социально-политического развития регионов России // Полит. мониторинг. 1997. № 1. С.15-19.

81. Сергеева Е.Я. О методологии исследования электорального поведения россиян // Социс. 1996. № 7. С. 115-118.
82. Скворцов А.И. Аграрный вопрос и Государственная Дума. СПб: Тип. И. Н. Скороходова, 1906. –142 с.
83. Страхов А.П. Изучение электорального поведения россиян: социокультурный подход // Полис. Политические исследования. 2000. № 3. С. 90-96.
84. Титков А.С. Политическое поведение города и села в начале и конце XX века // Город и деревня в Европейской России: Сто лет перемен. 2001. С. 414-442.
85. Титков А.С. Социально-политическая структура пространства Европейской России начала XX века (по материалам выборов в Государственную думу 1906-1912 годов) / дисс. канд. геогр. наук. – М.: Ин-т географии РАН, 2008 – 301 с.
86. Тишков В.А., Степанов В.В. Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под. ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2012. – 641 с.
87. Туровский Р.Ф. Выборы в Совет Федерации // Россия на выборах: уроки и перспективы. Политгеографический анализ. 1995. С. 110-140.
88. Туровский Р.Ф. Географические закономерности электорального транзита в посткоммунистических странах // Полития. 2004. № 4. С. 110-149.
89. Туровский Р.Ф. Концептуальная электоральная карта постсоветской России // Полития 2005/2006. № 4. С. 161-202.
90. Туровский Р.Ф. Парламентские выборы 1999 г.: региональные особенности // Полития, Зима 1999-2000. 4 (14). С. 102-121.
91. Туровский Р.Ф. Политическая география / Р.Ф. Туровский. – Москва – Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. – 381 с.
92. Туровский Р.Ф. Политическое расслоение российских регионов (история и факторы формирования) // Партийно-политические элиты и

электоральные процессы в России. Круглый стол бизнеса России. Аналитические обзоры Центра комплексных социальных исследований и маркетинга. Серия: политология. 1996. вып. 3 (17). С. 37-52.

93. Туровский Р.Ф. Региональные аспекты общероссийских выборов // Второй электоральный цикл в России в 1999-2000 гг. 2002. С. 186-214.

94. Туровский Р.Ф. Региональное измерение электорального процесса: концептуальные основы исследований // Общественные науки и современность. 2006. №5. С. 5-19.

95. Туровский Р.Ф. Региональные особенности президентских выборов 2000 г. // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2000. №4. С. 38-54.

96. Туровский Р.Ф. Электоральные геоструктуры в западных демократиях: попытка системного компаративного анализа // Полития. 2004. №1. с. 198-232.

97. Туровский Р.Ф. Электоральное пространство России: от навязанной национализации к новой регионализации? // Полития № 3. 2012. С. 100-120.

98. Хацац Ф.З. Электоральное поведение избирателей Республики Адыгея: закономерности и тенденции развития. Автореф. дис. . канд. полит, наук. – Краснодар, 2010. – 31 с.

99. Холодковский К.Г. Российские партии и проблемы политического структурирования общества // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 10. С. 4-99.

100. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: <http://www.cikrf.ru> (дата обращения 01.02.2015).

101. Червонная С.М. Выборы главы республики / Светлана [Михайловна] Червонная; Ред. группа: Тишков В.А. (отв. ред.) и др.; Ин-т этнологии и антропологии РАН. – М., 1999. – 22 с.

102. Череванин (Липкин) Ф.А. Итоги выборной борьбы // Наша заря. 1912. N 9-10. С. 75-87.

103. Шевченко Ю.Д. Поведение избирателей в России: Основные подходы // Выборы в посткоммунистических обществах: Пробл.-темат. сб. 2000. С 111-136.
104. Шевченко Ю.Д. Подводя итоги: результаты российских выборов 1993–1996 гг. // Первый электоральный цикл в России (1993–1996). / Общ. ред.: В.Я. Гельман, Г.В. Голосов, Е.Ю. Мелешкина. 2000. С. 212-241.
105. Шейнис В.Л. Третий раунд (к итогам парламентских и президентских выборов) // Мировая экономика и международные отношения. 2000. №9. С.45-61.
106. Шокарев В.Ю. Электорат Жириновского / В.Ю. Шокарев, А.Г. Левинсон // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. Интерцентр; ВЦИОМ. 1994. №2. С. 57-63.
107. Шпагин С.А. Проблема устойчивости российской партийной системы в зеркале региональных выборов // Политэкс. 2013. Т. 9. № 3. с. 190-198.
108. Acemoglu D., Robinson J.A. Economic Origins of Dictatorship and Democracy // Cambridge: Cambridge University Press. 2006. P.227-238.
109. Agnew J. Place and Politics. The Geographical Mediation of State and Society. – Boston, 1987. – P. 605-614.
110. Boix C. Democracy and Redistribution – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 264 p.
111. Budge L., Crewe I. / Farlie D. (eds). Party Identification and Beyond: Representations of Voting and Party Competition. – N.Y. – 1976. – 405 p.
112. Butler, D., Stokes. – D. Political Change in Britain: Forces Shaping Electoral Choice, London: Macmillan, 1969. – P. 264.
113. Campbell A. et al. The American Voter. – N.Y., 1960.
114. Crewe I. The electorate: Partisan dealignments ten years on // West European politics. 1983. № 46. P. 129-190.
115. Downs A. An Economic Theory of Democracy. – N.Y., 1997. – P. 306 p.
116. Easton D. The Political System: An Inquiry into the State of Political System. – N.Y.: McGraw-Hill, 1953.
117. Fiorina M. Retrospective Voting in American National Elections. – New Haven, 1981. – 288 p.

118. Friedmann J. Regional development policy. Boston. – MIT, 1966. – 269 p
119. Golosov G. Russia's silent election campaign. URL: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/grigorii-golosov/russias-silent-election-campaign> (дата обращения 01.06.2015).
120. Jones M.P., Mainwaring S. The Nationalization of Party Systems: Conceptual Issues and Alternative District-focused Measures // *Electoral Studies*. 2003. Vol. 9. № 2, P. 139-166.
121. Kitschelt H. Explaining the Choice of Electoral Laws in New Democracies: The Experience of Southern and Eastern Europe / paper submitted to the Eighth International Conference of Europeanists organized by the Council of European Studies, 1992. – P. 27-29.
122. Kitschelt H. The Formation of Party Systems in East Central Europe // *Politics and Society*. 1992. № 20 (1). P. 7-50.
123. Lazarsfeld P.F., Berelson B. & Gaudet H. The people's choice: How the voter makes up his mind in a presidential campaign. – New York: Columbia University Press, 1948. – P. 229-235.
124. Lijphart A. Democracies. Patterns of Majoritarian and Consensus Government in Twenty-One Countries. – New Haven, CT / London: Yale University Press, 1984. – P. 229.
125. Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments. – N.Y., 1967. – 554 p.
126. Loch D., Cristian Norocel O.C. The populist radical right in Europe a xenophobic voice in the Global economic crisis. / 2nd International Conference of Europeanists, 2015 – 15 p.
127. McAllister I., White St. Political Parties and Democratic Consolidation in Post-Communist Societies // *Party Politics*. 2007. Vol. 13. № 2. 197–216.
128. McFaul M. Party Formation and Non-Formation in Russia // Washington: Carnegie Endowment for International Peace. 2000. No. 12. P. 1-31.
129. Miller W.L. Class, region and strata at the British election of 1979 // *Parliamentary Affairs*. 1979. № 32. P. 376-382.

130. Miller W.L. Social class and party choice in England: a new analysis // *British journal of political science*. 1978. № 8. P. 257-284.
131. Pearson K. Mathematical contributions to the theory of evolution. III. Regression, heredity, and panmixia // *Philos. Trans. of the Royal Soc. of London. Ser. A, Containing Papers of a Mathematical or Physical Character*. 1896. V. 187. P. 253-318.
132. Pedersen M.N. The Dynamics of European Party Systems: Changing Patterns of Electoral Volatility // *European Journal of Political Research*. 1979. N 1. P. 1-26.
133. Rokkan S. Dimensions of state formation and nation building: a possible paradigm for research on variations within Europe // *The Formation of Nation States in Western Europe*. 1975. P. 562-600.
134. Rose R. Class does not equal party / University of Strathclyde, studies in public policy № 74, 1980.
135. Rose R. *Electoral Behavior: A Comparative Handbook*. – New York: Free Press, 1974. – 753 p.
136. Sartori G. *Parties and Party systems: A framework for analysis*. – Cambridge et al., 1976. – P. 132-139.
137. Tavits M. On the Linkage between Electoral Volatility and Party System Instability // *European Journal of Political Research*. 2008. Vol. 47. № 5. – P. 537-555.
138. Taylor P.J., Johnston R.J. *Geography of Elections*. London. 1979. – P. 110-113.
139. Warde A. Space, class and voting in Britain // *Politics geography and social stratification*. 2014. p. 33-62.
140. White S., Rose R., McAllister I. *How Russia Votes*. – Chatham, New Jersey: Chatham House Publishers, Inc., 1997.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Дифференциация голосования за участников федеральных выборов в Калининградской области

Таблица А.1. – Дифференциация голосования за участников выборов в
Госдуму 2003-2016 гг. в Калининградской области

Участник выборов	Коэффициент вариации (2003 г.)	Коэффициент вариации (2007 г.)	Коэффициент вариации (2011 г.)	Коэффициент вариации (2016 г.)
«Единая Россия»	15,5%	10,14%	25,94%	11,25%
КПРФ	17,49%	26,97%	25,43%	17,97%
ЛДПР	10,37%	13,13%	24,45%	13,32%
«Яблоко»	44,76%	59,69%	52,14%	53,12%
«Справедливая Россия»	«-»	22,64%	26,3%	27,53%
«Патриоты России»	«-»	49,16%	40,46%	61,01%
«Родина»	33,47%	«-»	«-»	30,34%
Российская партия пенсионеров	20,91%	«-»	«-»	20%
«Коммунисты России»	«-»	«-»	«-»	15,56%
Партия Роста	«-»	«-»	«-»	47,58%
СПС	49,16%	«-»	«-»	«-»
«Против всех»	28,91%	«-»	«-»	«-»
«Российская партия Жизни»	16,52%	«-»	«-»	«-»
Аграрная партия России	49,69%	«-»	«-»	«-»

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Таблица А.2. – Дифференциация голосования за участников выборов
Президента РФ 2004-2012 гг. в Калининградской области

Участник выборов	Коэффициент вариации (2004 г.)	Коэффициент вариации (2008 г.)	Коэффициент вариации (2012 г.)
1	2	3	4
В.В. Путин	6%	«-»	8,25%
Г.А. Зюганов	«-»	22,4%	12,9%
В.В. Жириновский	«-»	13,78%	14,15%
М.Д. Прохоров	«-»	«-»	31,9%
С.М. Миронов	«-»	«-»	14,66%
Д.А. Медведев	«-»	7,91%	«-»
О.А. Малышкин	19,67%	«-»	«-»

Продолжение таблицы А.2

1	2	3	4
С.Ю. Глазьев	35,18%	«-»	«-»
Н.М. Харитонов	17,48%	«-»	«-»
И.М. Хакамада	40,81%	«-»	«-»
«Против всех»	34,84%	«-»	«-»

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Приложение Б

Корреляционные матрицы голосования за участников федеральных выборов в муниципальных образованиях
Калининградской области

Таблица Б.1. – Корреляционная матрица голосования за участников выборов в Госдуму 2003 г.

	Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	Родина	Яблоко	СПС	Против всех	Аграрная партия России	Российская партия пенсионеров	Российская партия Жизни
Единая Россия	«-»	-0,51	-0,09	-0,88	-0,94	-0,89	-0,83	0,69	-0,52	0,39
КПРФ	-0,51	«-»	-0,3	0,38	0,4	0,3	0,26	-0,19	0,1	-0,16
ЛДПР	-0,09	-0,3	«-»	-	-0,05	-0,05	0,2	-0,39	-	-0,16
Родина	-0,88	0,38	-	«-»	0,92	0,76	0,62	-0,65	0,44	-0,53
Яблоко	-0,89	0,4	-0,05	0,92	«-»	0,89	0,8	-0,72	0,5	-0,4
СПС	-0,89	0,3	-0,05	0,76	0,89	«-»	0,84	-0,71	0,45	-0,27
Против всех	-0,83	0,26	0,2	0,62	0,8	0,84	«-»	-0,74	0,34	-0,42
Аграрная партия России	0,69	-0,19	-0,39	-0,65	-0,72	-0,71	-0,74	«-»	-0,29	0,33
Российская партия пенсионеров	-0,52	0,1	-	0,44	0,5	0,45	0,34	-0,29	«-»	-0,1
Российская партия Жизни	0,39	-0,16	-0,16	-0,53	-0,4	-0,27	-0,42	0,33	-0,1	«-»

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Таблица Б.2. – Корреляционная матрица голосования за участников выборов Президента РФ 2004 г.

	В.В. Путин	Н.М. Харитонов	С.Ю. Глазьев	И.М. Хакамада	О.А. Малышкин	Против всех
В.В. Путин	«-»	-0,64	-0,87	-0,82	0,22	-0,87
Н.М. Харитонов	-0,64	«-»	0,28	0,14	0,33	0,21
С.Ю. Глазьев	-0,87	0,28	«-»	0,86	-0,45	0,88
И.М. Хакамада	-0,82	0,14	0,86	«-»	-0,59	0,94
О.А. Малышкин	0,22	0,33	-0,45	-0,59	«-»	-0,5
Против всех	-0,87	0,21	0,88	0,94	-0,5	«-»

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Таблица Б.3. – Корреляционная матрица голосования за участников выборов в Госдуму 2007 г.

	Единая Россия	КПРФ	Справедливая Россия	ЛДПР	Яблоко	Патриоты России
Единая Россия	«-»	-0,85	-0,74	-0,47	-0,72	-0,68
КПРФ	-0,85	«-»	0,45	0,24	0,83	0,36
Справедливая Россия	-0,74	0,45	«-»	0,2	0,39	0,53
ЛДПР	-0,47	0,24	0,2	«-»	0,1	0,36
Яблоко	-0,72	0,83	0,39	0,1	«-»	0,51
Патриоты России	-0,68	0,36	0,53	0,36	0,51	«-»

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Таблица Б.4. – Корреляционная матрица голосования за участников выборов Президента РФ 2008 г.

	Д.А. Медведев	Г.А. Зюганов	В.В. Жириновский
Д.А. Медведев	«-»	-0,95	-0,31
Г.А. Зюганов	-0,95	«-»	отсутствует
В.В. Жириновский	-0,31	отсутствует	«-»

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Таблица Б.5. – Корреляционная матрица голосования за участников выборов в Госдуму 2011 г.

	Единая Россия	КПРФ	Справедливая Россия	ЛДПР	Яблоко	Патриоты России
Единая Россия	«-»	-0,91	-0,7	-0,63	-0,72	-0,73
КПРФ	-0,91	«-»	0,45	0,36	0,77	0,64
Справедливая Россия	-0,7	0,45	«-»	0,51	0,32	0,48
ЛДПР	-0,63	0,36	0,51	«-»	отсутствует	0,24
Яблоко	-0,72	0,77	0,32	отсутствует	«-»	0,84
Патриоты России	-0,75	0,64	0,48	0,24	0,84	«-»

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Таблица Б.6. – Корреляционная матрица голосования за участников выборов Президента РФ 2012 г.

	В.В. Путин	Г.А. Зюганов	М.Д. Прохоров	В.В. Жириновский	С.М. Миронов
В.В. Путин	«-»	-0,81	-0,86	отсутствует	-0,37
Г.А. Зюганов	-0,81	«-»	0,49	-0,35	0,31
М.Д. Прохоров	-0,86	0,49	«-»	-0,34	0,21
В.В. Жириновский	отсутствует	-0,35	-0,34	«-»	-0,16
С.М. Миронов	-0,37	0,31	0,21	-0,16	«-»

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Таблица Б.7. – Корреляционная матрица голосования за участников выборов в Госдуму 2016 г.

	Единая Россия	КПРФ	Родина	Коммунисты России	Российская партия пенсионеров	ЛДПР	Партия Роста	Яблоко	Патриоты России	Справедливая Россия
Единая Россия	«-»	-0,81	-0,59	-0,35	-	-0,22	-0,48	-0,54	-0,54	-0,57
КПРФ	-0,81	«-»	0,5	0,44	-	-	0,28	0,4	0,3	0,42
Родина	-0,59	0,5	«-»	-0,24	-	-0,34	0,78	0,91	0,68	-
Коммунисты России	-0,35	0,44	-0,24	«-»	0,2	0,49	-0,46	-0,38	-0,28	0,1
Российская партия пенсионеров	-	-	-	0,2	«-»	-0,22	-0,16	-0,19	-	-
ЛДПР	-0,22	-	-0,34	0,49	-0,22	«-»	-0,38	-0,33	-0,31	0,1
Партия Роста	-0,48	0,28	0,78	-0,46	-0,16	-0,38	«-»	0,88	0,66	0,17
Яблоко	-0,54	0,4	0,91	-0,38	-0,19	-0,33	0,88	«-»	0,67	-
Патриоты России	-0,54	0,3	0,68	-0,28	-	-0,31	0,66	0,67	«-»	0,18
Справедливая Россия	-0,57	0,42	-	0,1	-	0,1	0,17	-	0,18	«-»

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Таблица Б.8. – Корреляционная матрица голосования за участников выборов в Госдуму 2003 и 2007 гг.

	Единая Россия 2007	Справедливая Россия 2007	КПРФ 2007	ЛДПР 2007	Яблоко 2007	Патриоты России 2007
Единая Россия 2003	0,78	-0,49	-0,82	отсутствует	-0,86	-0,66
КПРФ 2003	-0,34	0,39	0,54	-0,39	0,42	0,1
ЛДПР 2003	отсутствует	отсутствует	отсутствует	0,42	-0,16	отсутствует
Родина 2003	-0,63	0,34	0,71	отсутствует	0,74	0,52
Яблоко 2003	-0,74	0,39	0,78	0,13	0,87	0,65
СПС 2003	-0,72	0,4	0,71	отсутствует	0,94	0,61
Против всех 2003	-0,73	0,51	0,69	0,23	0,76	0,58
Аграрная партия России 2003	0,58	-0,35	-0,62	-0,29	-0,66	-0,45
Российская партия пенсионеров 2003	-0,58	0,34	0,45	0,28	0,41	0,8
Российская партия Жизни 2003	0,28	-0,32	-0,37	отсутствует	-0,15	-0,13

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Таблица Б.9. – Корреляционная матрица голосования за участников выборов в Госдуму 2007 и 2011 гг.

	КПРФ 2011	Справедливая Россия 2011	Единая Россия 2011	ЛДПР 2011	Патриоты России 2011	Яблоко 2011
Единая Россия 2007	-0,8	-0,27	0,69	-0,11	-0,67	-0,79
Справедливая Россия 2007	0,49	0,41	-0,44	отсутствует	0,54	0,46
КПРФ 2007	0,72	отсутствует	-0,49	-0,12	0,4	0,71
ЛДПР 2007	0,4	0,1	-0,49	0,71	0,28	0,19
Яблоко 2007	0,68	0,16	-0,55	-0,16	0,67	0,93
Патриоты России 2007	0,62	0,33	-0,65	0,27	0,85	0,64

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Таблица Б.10. – Корреляционная матрица голосования за участников выборов в Госдуму 2003 и 2011 гг.

	КПРФ 2011	Справедливая Россия 2011	Единая Россия 2011	ЛДПР 2011	Патриоты России 2011	Яблоко 2011
Единая Россия 2003	-0,68	-0,11	0,51	0,2	-0,67	-0,8
КПРФ 2003	0,28	0,15	-0,1	-0,52	0,1	0,27
ЛДПР 2003	0,21	отсутствует	-0,19	0,34	отсутствует	-0,11
Родина 2003	0,45	отсутствует	-0,32	-0,22	0,5	0,6
Яблоко 2003	0,52	отсутствует	-0,38	0,23	0,64	0,76
СПС 2003	0,6	0,13	-0,52	-0,17	0,78	0,92
Против всех 2003	0,57	отсутствует	-0,43	-0,16	0,66	0,76
Аграрная партия России 2003	-0,45	отсутствует	0,35	отсутствует	-0,43	-0,55
Российская партия пенсионеров 2003	0,59	0,13	-0,5	0,15	0,6	0,5
Российская партия Жизни 2003	отсутствует	0,22	-0,11	0,28	отсутствует	отсутствует

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Таблица Б.11. – Корреляционная матрица голосования за участников выборов в Госдуму 2003 и 2016 гг.

	Единая Россия 2016	КПРФ 2016	Родина 2016	Коммунисты России 2016	Российская партия пенсионеров 2016	ЛДПР 2016	Партия Роста 2016	Яблоко 2016	Патриоты России 2016	Справедливая Россия 2016
Единая Россия 2003	0,64	-0,6	-0,78	0,27	0,12	0,3	-0,74	-0,78	-0,66	-0,38
КПРФ 2003	-0,28	0,43	0,19	-0,28	-0,12	-0,38	0,36	0,33	0,29	0,41
ЛДПР 2003	отсутствует	0,19	отсутствует	0,12	0,18	0,1	-0,25	-0,17	-0,24	-0,17
Родина 2003	-0,67	0,49	0,6	-0,22	-0,29	отсутствует	0,64	0,61	0,65	0,58
Яблоко 2003	-0,59	0,41	0,76	-0,36	-0,22	-0,19	0,75	0,78	0,75	0,36
СПС 2003	-0,56	0,42	0,89	-0,4	-0,15	-0,36	0,91	0,92	0,73	0,2
Против всех 2003	-0,43	0,42	0,78	-0,4	-0,15	-0,33	0,68	0,78	0,57	отсутствует
Аграрная партия России 2003	0,37	-0,33	-0,61	0,42	0,13	0,19	-0,53	-0,59	-0,58	-0,14
Российская партия пенсионеров 2003	-0,53	0,6	0,46	0,44	отсутствует	-0,12	0,24	0,35	0,53	0,1
Российская партия Жизни 2003	0,29	-0,32	-0,22	отсутствует	0,45	-0,13	-0,15	-0,15	-0,18	-0,24

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Таблица Б.12. – Корреляционная матрица голосования за участников выборов в Госдуму 2007 и 2016 гг.

	Единая Россия 2016	КПРФ 2016	Родина 2016	Коммунисты России 2016	Российская партия пенсионеров 2016	ЛДПР 2016	Партия Роста 2016	Яблоко 2016	Патриоты России 2016	Справедливая Россия 2016
Единая Россия 2007	0,62	-0,61	-0,71	отсутствует	0,14	0,14	-0,53	-0,79	-0,5	-0,2
Справедливая Россия 2007	-0,36	0,52	0,39	отсутствует	-0,29	-0,26	0,2	0,47	0,25	0,32
КПРФ 2007	-0,59	0,59	0,66	-0,17	отсутствует	-0,19	0,62	0,73	0,54	0,2
ЛДПР 2007	-0,18	0,14	0,18	0,28	0,12	0,31	-0,15	0,11	отсутствует	-0,19
Яблоко 2007	-0,58	0,43	0,85	-0,39	отсутствует	-0,35	0,9	0,95	0,71	0,2
Патриоты России 2007	-0,59	0,53	0,57	0,18	отсутствует	-0,13	0,37	0,48	0,55	0,32

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]

Таблица Б.13. – Корреляционная матрица голосования за участников выборов в Госдуму 2011 и 2016 гг.

	Единая Россия 2016	КПРФ 2016	Родина 2016	Коммунисты России 2016	Российская партия пенсионеров 2016	ЛДПР 2016	Партия Роста 2016	Яблоко 2016	Патриоты России 2016	Справедливая Россия 2016
Единая Россия 2011	0,64	-0,67	-0,56	-0,32	-0,2	отсутствует	-0,42	-0,54	-0,15	-0,27
КПРФ 2011	-0,68	0,79	0,67	0,23	0,22	-0,22	0,49	0,65	0,3	0,22
Справедливая Россия 2011	-0,34	0,4	отсутствует	0,3	отсутствует	отсутствует	0,12	0,14	-0,19	0,48
ЛДПР 2011	-0,22	0,19	отсутствует	0,61	0,35	0,45	-0,27	-0,16	-0,38	отсутствует
Яблоко 2011	-0,57	0,47	0,84	-0,22	отсутствует	-0,36	0,87	0,95	0,6	0,13
Патриоты России 2011	-0,54	0,46	0,7	отсутствует	отсутствует	0,25	0,62	0,69	0,49	0,27

Составлено автором при использовании данных с сайта ЦИК РФ [100]